

International Journal of
CONSTITUTIONAL
AND
STATE LAW

IJCSL

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
КОНСТИТУЦИОННОГО
и ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

1
2021

No 1

IJCSL

2021

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Chairman of editorial board

B.S. Ebzeev,
doctor of legal sciences,
professor, honored worker of
science of the Russian Federa-
tion, honored lawyer of the
Russian Federation

Б.С. Эбзеев,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ

Editor-in-Chief

V.O. Luchin,
doctor of legal sciences,
professor, honored worker of
science of the Russian Federa-
tion, honored lawyer of the
Russian Federation

В.О. Лучин,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ

*Members of the Editorial
Board*

G.A. Vasilevich,
doctor of legal sciences,
professor, Honored lawyer of
the Republic of Belarus
(Republic of Belarus)

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Республики Беларусь

S.N. Baburin,
doctor of legal sciences,
professor, Honored master of
sciences

С.Н. Бабурин,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки

A.M. Velichko,
doctor of legal sciences,
honored lawyer of the Russian
Federation

А.М. Величко,
доктор юридических наук,
заслуженный юрист РФ

G. A. Gadzhiev,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Rus-
sian Federation, Judge of the
Constitutional Court of the
Russian Federation

Г.А. Гаджиев,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист РФ, судья
Конституционного Суда РФ

V.I. Grishin,
doctor of economic sciences,
professor

В.И. Гришин,
доктор экономических наук,
профессор

G.S. Gurbanov,
doctor of legal sciences, pro-
fessor

Г.С. Гурбанов,
доктор юридических наук,
профессор

M.L. Davydova,
doctor of legal sciences, pro-
fessor

М.Л. Давыдова,
доктор юридических наук,
профессор

A.V. Demetrashvili,
doctor of legal sciences, pro-
fessor
(Republic of Georgia)

А.В. Деметрашвили,
доктор юридических наук,
профессор
(Республика Грузия)

O.G. Karpovich,
doctor of political sciences,
doctor of legal sciences, pro-
fessor

О.Г. Карпович,
доктор политических наук,
доктор юридических наук,
профессор

O. S. Kapinus,
Doctor of Law, Professor,
Honorary Employee of the
Prosecutor's Office of the Rus-
sian Federation, Rector of the
University of the Prosecutor
General's Office of the Russian
Federation

**EDITORIAL
BOARD**

О.С. Капинус,
доктор юридических наук,
профессор, Почетный
работник прокуратуры
РФ, ректор Университета
генеральной прокуратуры
РФ

R. Kvaratskheliya,
doctor of legal sciences, pro-
fessor

(Republic of Georgia)

Р. Кварацхелия,
доктор юридических
наук, профессор
(Республика Грузия)

A. I. Klimentko,
doctor of law, associate Pro-
fessor

А.И. Клименко,
доктор юридических наук,
профессор

O.Yu. Kokurina,
doctor of legal sciences
О.Ю. Кокурина, доктор
юридических наук

V.A. Kruglov,
doctor of legal sciences, pro-
fessor

В.А. Круглов,
доктор юридических наук,
профессор

R.A. Kurbanov,
doctor of legal sciences, pro-
fessor, honored lawyer of the
Russian Federation

Р.А. Курбанов,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ

V.P. Malakhov,
doctor of legal sciences,
professor, honored worker of
science of the Russian Federa-
tion

В.П. Малахов,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки Российской
Федерации

N.V. Mikhaylova,
doctor of legal sciences, profes-
sor, Honored worker of higher
education of the
Russian Federation

Н.В. Михайлова,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
работник высшей школы РФ

R.S. Mulukaev,
doctor of legal sciences,
professor, honored worker of
science of the Russian Fed-
eration

Р.С. Мулукаев,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ

V.V. Nevinsky,
doctor of legal sciences,
professor, honored lawyer
of the Russian Federation,
corresponding member of the
Siberian office of Academy
of Sciences of the higher
school of the
Russian Federation

В.В. Невинский,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ, член-
корреспондент Сибирского
отделения Академии наук
высшей школы Российской
Федерации

Sh.M. Nuradinov,
doctor of legal sciences,
professor

Ш.М. Нурадинов,
доктор юридических наук,
профессор

V.V. Oksamytny,
doctor of legal sciences, pro-
fessor, honored lawyer of the
Russian Federation

В.В. Оксамытный,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист РФ

A.A. Opaleva,
doctor of legal sciences,
professor

А.А. Опалева,
доктор юридических наук,
профессор

A.M. Osavelyuk,
doctor of legal sciences,
professor

А.М. Осавелюк,
доктор юридических наук,
профессор

V. Yu. Panchenko,
doctor of law

В.Ю. Панченко,
доктор юридических наук

Д.В. Пожарский,
доктор юридических наук,
доцент

D.V. Pozharsky,
doctor of law Sciences, as-
sociate Professor

A.S. Prudnikov,
doctor of legal sciences, pro-
fessor, honored lawyer of the
Russian Federation

А.С. Прудников,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ

T.M. Pryakhina,
doctor of legal sciences,
professor,

Т.М. Пряхина,
доктор юридических наук,
профессор

V. M. Redkous,
Doctor of Law, Professor,
Leading Researcher of the
Sector of Administrative Law
and Administrative Process
of the Institute of State and
Law of the Russian Academy
of Sciences

В.М. Редкоус,
доктор юридических
наук, профессор, ведущий
научный сотрудник сектора
административного права
и административного
процесса института
государства и права
Российской Академии Наук

V. V. Rossinsky,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Rus-
sian Federation

Б.В. Россинский,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ

V.E. Safonov,
doctor of legal sciences, pro-
fessor, honored lawyer of the
Russian Federation

В.Е. Сафонов,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ

K.E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences,
Associate Professor

К.Е. Сигалов,
доктор юридических наук,
доцент

V. M. Syrykh,
doctor of law, Professor,
Honored scientist of the Rus-
sian Federation

В.М. Сырых,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки РФ

N.I. Utkin,
doctor of legal sciences, pro-
fessor, honored lawyer of the
Russian Federation

Н.И. Уткин,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ

A.G. Khabibulin,
doctor of legal sciences,
professor

А.Г. Хабибулин,
доктор юридических наук,
профессор

E.N. Khazov,
doctor of legal sciences,
professor

Е.Н. Хазов,
доктор юридических наук,
профессор

N.M. Chepurnova,
doctor of legal sciences,
professor, honored lawyer
of the Russian Federation

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ

V.I. Chervonyuk,
doctor of legal sciences,
professor

В.И. Червонюк,
доктор юридических наук,
профессор

L.T. Chihladze,
doctor of legal sciences,
professor,

Л.Т. Чихладзе,
доктор юридических наук,
профессор

N.D. Eriashvili,
candidate of historical
sciences, candidate of legal
sciences, doctor of economic
sciences, professor, laureate
of the RF Government Prize
in the field of science and
technology

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических,
юридических наук,
доктор экономических
наук, профессор, лауреат
премии Правительства РФ
в области науки и техники

Registration certificate
404498691

Editor in Chief
Chairman of editorial board

B.S. Ebzeev,
doctor of law, professor, honoured worker
of science of the Russian Federation,
honoured lawyer of the Russian
Federation

V.O. Lucin,
doctor of juridical sciences,
Professor, Honoured science worker
of Russian Federation, Honoured lawyer of
the Russian Federation Chief Editor

E.N. Khazov,
doctor of legal sciences, professor
Deputy editor in chief

L.T. Chikhladze,
doctor of legal sciences, professor
Scientific secretary

M.V. Saudakhanov,
candidat of legal sciences
Responsible for the edition

M.I. Nikitin,
Editorial office: Chief editor of joint
editorial

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences, candidate
of law, doctor of economics, professor,
laureate of the Russian Federation
Government prize in Science
and Technology.
E-mail: professor60@mail.ru

Representations
in Russia:

V.N. Zakaidze
CEO of publishing house
«UNITY-DANA»
1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298
Tel./fax: 8-499-740-60-14(15)
E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

A. Kldiseli
44 Kazbegi Avenue, Tbilisi
0186, Righteous Georgia
Tel./Fax: +995-32-242-12-07(08) in USA:
D.A. Skhirtladze,
3565 Edencroft Road,
Huntingdon Valley, Pennsylvania
MD, MPH +1 215-760-5939
E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com
in Israel:

L.N. Tepman
doctor of economical sciences, professor
3, Tze'Elim, Yokneam
E-mail: tepmn32@list.ru
Distributed by subscription
Index 80682 in catalog
of Agency «Rospechat»
Editorial staff and external reviewers are
not responsible for the quality, accuracy
and correctness of citing of works by their
authors. Responsibility for the quality,
accuracy and correctness of citing of works
solely lies with the

www.unity-dana.ru
www.niion.org

CONTENTS 1/2021

Popov V.I. Rakov K.A. Legal culture and legal ideology of Russian society (review of the V international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor V.M. Kuritsyn, Moscow, December 22-23, 2020).....	6
Galuzo V.N. Legal ideology as a link between law and politics in the regulation of public relations in the Russian Federation?.....	11
Baburin S.N. A moral state as a political and legal idea, the time of which has come	14
Baranova M.V. Legal-Cultural and Ideological Foundations of the Correlation of the Power and Non-Power Principles in the Legal technique of modern Russia.....	21
Ivanova Yu.A. Eriashvili N.D. The state: its essence and social purpose	27
Kalgina A. A. Culture and law: the problem of correlation in the Russian Federation.....	35
Kirsanov A.Yu. On the regulation of Legal Ideology in the Russian Federation.....	38
Kuptsova O.B. Problems of formation of technical and Legal culture in Modern Russian Society	41
Luney Yu.F. The law of the Uzbek khanates in the legal culture of the Russian empire.....	46
Metzger A. A. Social essence and significance of legal culture in the sphere of protection and protection of human rights in the Russian Federation.....	50
Murashev P.M. On the role of moral principles in expert examinations in the Russian Federation.....	60
Pimanov A.K. On the moral principles in the activities of employees of the internal affairs bodies when ensuring public events in the Russian Federation	63
Samoilov V.D. Retrospective aspect of officer training at the state level	66
Smirnov S.N. Organizational and legal aspects of the activities of the teacher's school named after P.P. Maksimovich in the context of the development of the cultural and social life of the Tver province	70
Chervonyuk V.I., Eriashvili N.D. The right to save mental health in the structure new generation rights.....	73
Eriashvili N.D. The Cultural dimension of modern law: On the Question of Legal Universalism and Legal Identity.....	79
Chervonyuk V.I. Innovation in law: modern legal technologies in the context of digital reality. Article 9. Limits of technologization (and digitalization) in the field of law and the phenomenon of digital dictatorship	82
Yakutin A.V., Yakutina O.L., Kopeikin D.A. The role of legal culture and legal ideology in the development of modern society (on the example of the Smolensk region).....	87
Voronina N.A., Khazov E.N. Dual citizenship and multiple citizenship problems and prospects of recognition in Russia	91
Donskaya M.V., Durnev V.S. State and church: interaction at different stages of historical development	95
Zabavka V.I., Vorobyov V.F., Khazov E.N. Restrictions on the right to freedom of movement in territories with special legal status	100
Larina L.A., Kharitonov A.A. The main stages of the formation and development of the electoral law in Russia.....	106
Lolaeva A.S. Issues of digitalization in the new version of the Constitution of the Russian Federation.....	110
Provotorov R.A. Issues of legal regulation of municipal elections.....	114
Zabavka V.I., Zinchenko E.Yu., Khazov E.N. Main trends in the development of local self-government (municipal administration) and their role in the system of unified public authority	119
Kharlamov S.O., Makarenko I.L. Constitutional rights and freedoms of foreign citizens and stateless persons and their features in the Russian Federation	126
Zangiyev M.A. Constitutional and legal regulation of the status of judges in the Russian Federation.....	131

*Председатель
редакционной коллегии*

Б.С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслу-
женный юрист РФ

Главный редактор

В.О. Лучин,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, Заслу-
женный юрист РФ

Шеф-редактор

Е.Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

Зам главного редактора

Л.Т. Чихладзе
доктор юридических наук, доцент

Ученый секретарь

М.В. Саудаханов,
кандидат юридических наук

Ответственный за издание

М.И. Никитин

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили
кандидат исторических наук, кандидат
юридических наук, доктор экономиче-
ских наук, профессор, лауреат премии
Правительства РФ в области науки и
техники

E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

В.Н. Закаидзе
Генеральный директор издательства
«ЮНИТИ-ДАНА»
123298, Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел./факс: 8-499-740-60-14(15)
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

А. Клдесели
0177, Тбилиси,
пр. Александре Казбеги, 44
Справедливая Грузия
Тел./факс: +995-32-242-12-07(08)
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

в США:

Д.А. Схиртладзе,
штат Пенсильвания, г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565
E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Л.Н. Тепман
доктор экономических наук,
профессор
Иокнеам, ул. Цеелим, 8
E-mail: terpmn32@list.ru
Отпечатано в цифровой типографии
ООО «Буки Веди» на оборудовании
Konica Minolta 105066, Москва, ул. Но-
ворязанская, д. 38, стр. 1, пом. IV
Заказ

Редакция и внешние рецензенты не
несут ответственности за качество,
правильность и корректность цитирова-
ния произведений авторами статей.
Ответственность за качество, правиль-
ность и корректность цитирования про-
изведений несут исключительно авторы
опубликованных материалов.

Попов В.И., Раков К.А. Правовая культура и правовая идеология российского общества (обзор V международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына, Москва, 22-23 декабря 2020 г.)	6
Галузо В.Н. Правовая идеология как связующее звено между правом и политикой при регулировании общественных отношений в Российской Федерации?	11
Бабурин С.Н. Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло	14
Баранова М.В. Правокультурные и идеологические основания соотношения властного и невластного начал в юридической технике современной России.....	21
Иванова Ю.А., Эриашвили Н.Д. Государство: сущность и его социальное назначение	27
Кальгина А.А. Культура и право: проблема соотношения в Российской Федерации.....	35
Кирсанов А.Ю. О регулировании правовой идеологии в Российской Федерации.....	38
Купцова О.Б. Проблемы формирования технико-юридической культуры в современном российском обществе.....	41
Лунев Ю.Ф. Право узбекских ханств в правовой культуре российской империи	46
Мецгер А.А. Социальная сущность и значимость правовой культуры в сфере охраны и защиты прав человека в Российской Федерации	50
Мурашев П.М. О роли нравственных начал при экспертизах в Российской Федерации	60
Пиманов А.К. О нравственных началах в деятельности сотрудников органов внутренних дел при обеспечении публичных мероприятий в Российской Федерации	63
Самойлов В.Д. Ретроспективный аспект подготовки офицерских кадров на государственном уровне.....	66
Смирнов С.Н. Организационно-правовые аспекты деятельности учительской школы П.П. Максимовича в контексте развития культурной и социальной жизни Тверской губернии	70
Червонюк В.И., Эриашвили Н.Д. Право на охрану психического здоровья в структуре прав новой генерации	73
Эриашвили Н.Д. Культурное измерение современного права: к вопросу о правовом универсализме и правовой самобытности	79
Червонюк В.И. Статья 9. Пределы технологизации (и цифровизации) в сфере действия права и феномен цифровой диктатуры Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности.....	82
Якутин А.В., Якутина О.Л., Копейкин Д.А. Роль правовой культуры и правовой идеологии в развитии современного общества (на примере Смоленской области)	87
Воронина Н.А., Хазов Е.Н. Двойное гражданство и множественное гражданство проблемы и перспективы признания в России	91
Донская М.В., Дурнев В.С. Государство и церковь: взаимодействие на разных этапах исторического развития	95
Забавка В.И., Воробьев В.Ф., Хазов Е.Н. Ограничение права на свободу передвижения на территориях с особым правовым статусом.....	100
Ларина Л.А., Харитонов А.А. Основные этапы становления и развития избирательного права в России	106
Лолаева А.С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации.....	110
Провоторов Р.А. Вопросы правового регулирования муниципальных выборов	114
Забавка В.И., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Основные тенденции развития местного самоуправления (муниципального управления) и их роль в системе единой публичной власти	119
Харламов С.О., Макаренко И.Л. Конституционные права и свободы иностранных граждан и лиц без гражданства и их особенности в Российской Федерации.....	126
Зангиев М.А.-С. Конституционно-правовое регулирование статуса судей в РФ.....	131

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
" LEGAL CULTURE AND LEGAL IDEOLOGY OF RUSSIAN SOCIETY»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА»

В сборнике представлены научные труды участников международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына (22–23 декабря 2020 г.), проходившей в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

В ходе конференции обсуждались актуальные теоретико-правовые проблемы, связанные с особенностями российской правовой культуры на современном этапе развития общества; ценностными аспектами правовой культуры и правовой идеологии российского общества; спецификой соотношения правовой культуры, правовой идеологии и правосознания российского общества; характерными чертами российской правовой ментальности и самобытностью российского правосознания; универсальностью конвенциональных ценностей современной правовой идеологии и др.

В работе конференции приняли участие представители профессорско-преподавательского состава различных учреждений и организаций: из Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Российского государственного университета правосудия, Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Государственного социально-гуманитарного университета и др.

LEGAL CULTURE AND LEGAL IDEOLOGY OF RUSSIAN SOCIETY (REVIEW OF THE V INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE DEDICATED TO THE MEMORY OF PROFESSOR V.M. KURITSYN, MOSCOW, DECEMBER 22-23, 2020)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ОБЗОР V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.М. КУРИЦЫНА, МОСКВА, 22-23 ДЕКАБРЯ 2020 Г.)

Vitaliy Igorevich Popov,

lecturer of the Department of Theory of State and Law Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya
Contacts: 17437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12

Kirill Andreevich Rakov,

adjunct faculty of training of scientific-pedagogical and scientific personnel Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya
Contacts: 17437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12

Виталий Игоревич Попов,

преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Контакты: 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
E-mail: popov.vitaliy.law@gmail.com
8 (989) 300-44-95

Кирилл Андреевич Раков,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Контакты: 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
E-mail: rakoffkirill@yandex.ru
8 (960) 648-82-22

Научная специальность 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Для цитирования: В.И. Попов, К.А. Раков. Правовая культура и правовая идеология российского общества (обзор V международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына, Москва, 22-23 декабря 2020 г.) // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.6-10.

Abstract. The review of the 5th International Scientific and Practical Conference presents a series of plenary and sectional reports illustrating a wide range of topical, both in theoretical and practical terms, issues directly related to the problems of legal culture and legal ideology of modern Russian society.

Keywords: law, legal ideology, legal culture, legal consciousness, legal values, legal discourse

Аннотация. В обзоре V международной научно-практической конференции представлена серия пленарных и секционных докладов, иллюстрирующих широкий круг актуальных как в теоретическом, так и в практическом плане вопросов, непосредственным образом связанных с проблемами правовой культуры и правовой идеологии современного российского общества.

Ключевые слова: право, правовая идеология, правовая культура, правовое сознание, правовые ценности, правовой дискурс

22-23 декабря 2020 года Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (далее – Университет) провел ежегодную V международную научно-практическую конференцию «Правовая культура и правовая идеология российского общества», посвященную памяти Заслуженного деятеля науки

Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Всеволода Михайловича Курицына. Организаторам конференции удалось обернуть на пользу вынужденный дистанционный формат мероприятия (конференция проводилась с использованием средств видеоконференцсвязи), т.к. он в ко-

нечном счете позволил задействовать максимальное количество ученых и практикующих юристов (в частности, практические сотрудники правоохранительных органов) со всех уголков России, а также ближнего зарубежья. Так, в конференции приняли участие представители из Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Саратова, Смоленска, Орла, Воронежа, Волгограда, Белгорода, Омска, Иркутска и других городов. Также гостями мероприятия стали представители Академии МВД Республики Беларусь.

Конференция прошла под эгидой научных школ признанных корифеев государственно-правовой науки Университета – профессора кафедры теории государства и права, Заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Валерия Петровича Малахова; профессора кафедры истории государства и права, Заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Натальи Владимировны Михайловой, а также в контексте научной концепции начальника кафедры теории государства и права, доктора юридических наук, доцента Алексея Ивановича Клименко, в связи с чем и получила название «Правовая культура и правовая идеология российского общества».

Фундаментальный и остроактуальный характер заявленной тематики обеспечил оживленную и содержательную дискуссию среди участников конференции по самым разным вопросам. Открыл конференцию заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по научной работе, кандидат юридических наук, доцент Василий Юрьевич Федорович, он определил круг участников конференции, а также обозначил цели и задачи научного мероприятия. После этого Василий Юрьевич озвучил гостям обращение (в формате приветственного слова) депутата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, Первого заместителя председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей Ольги Владимировны Окуновой. Депутат пожелала участникам конференции плодотворной работы и достижения высоких научных результатов, в которых напрямую заинтересован российский законодательный (представительный)

орган государственной власти – Федеральное собрание Российской Федерации. Поприветствовал собравшихся и директор Института государства и права Российской академии наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор Александр Николаевич Савенков. В своем выступлении ученый-правовед поднял наиболее острые проблемы, наметившиеся в современном российском обществе, отметил несформированность правовой идеологии и важность обращения к проблеме правовой культуры. Он дал свою оценку многим актуальным социальным процессам, связанным с идеологическим и культурным измерением правовой жизни современного российского общества. В заключении Александр Николаевич отметил важность, теоретическую и практическую значимость избранной темы конференции.

Как было отмечено ранее, конференция проходила в два этапа. В первый день проходило Пленарное заседание, в рамках которого состоялось обсуждение весьма обширного круга вопросов, прямо или косвенно затрагивающих тематику научного мероприятия. Подчеркнем, что впервые в истории проведения данной конференции было принято решение о проведении секционных заседаний, представивших теоретическое и историческое направления в исследовании правовой культуры и правовой идеологии. В связи с чем второй день конференции представлял собой работу по секциям: «Теоретические проблемы правовой идеологии и правовой культуры современного общества» и «Правовая идеология и правовая культура: историко-правовое измерение». В рамках обозначенных секций состоялось обсуждение наиболее актуальных проблем, стоящих перед учеными-правоведами и практикующими юристами в области теории и истории государства и права.

Так, особый интерес и бурное обсуждение вызвал доклад А.И. Клименко, представившего научному сообществу социоаксиологический подход к праву и рассказавшего об идеологической сфере современного общества в контексте классовой теории права. В своем докладе ученый высказал и обосновал тезис о том, что право понимаемое с позиций социоаксиологического подхода как система конвенциональных ценностей в современном поли-

тически организованном обществе несет функциональную нагрузку идеологии этого общества¹. Особое внимание Алексей Иванович уделил проблеме защиты государственного суверенитета в условиях современного уровня развития капиталистической миросистемы, подчеркнув важность как идеолого-правового, так и юридического измерения этой защиты.

Выступление научного руководителя Центра интеграционных и цивилизационных исследований, главного научного сотрудника Института государства и права Российской академии наук, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Сергея Николаевича Бабурина было посвящено вопросам объективной необходимости зарождения идеи нравственного государства, которая в конечном счете, по мнению ученого, может позволить сконструировать универсальную модель идеального государства. В своем докладе Сергей Николаевич определил принципиально значимые признаки нравственного государства и обозначил ключевые пути перехода государств к нравственной форме своего существования².

Своим выступлением В.П. Малахов высоко поднял планку дискуссии, представив вызвавший неподдельный интерес доклад о правовой культуре как форме принуждения. Валерий Петрович высказал идею о том, что принуждение является имманентным свойством права, без которого последнее было бы невозможным (дисфункциональным). Право, будучи историко-культурным феноменом, являет собой одну из форм общественной культуры – правовой культуры. При этом, как отметил сам ученый, в большинстве случаев, когда речь заходит о правовой культуре, все сводится к ценностям, традициям, символам, к личности соответствующего уровня, ее надлежащему поведению в обществе и т.п. В этом случае правовая культура предстает не более чем как модель определенной сферы общественных отношений и духовной жизни, бытующей в общественном сознании.

За скобками остается вопрос о способе воплощения данной модели на практике (т.е. осуществления функций права). Этим способом является способ принуждения, т.к. принуждение в свою очередь является имманентным и узловым свойством права

(в особенности в случае с юридическим правом)³. Таким образом, в рамках своего доклада В.П. Малахов поставил вопрос о правовой культуре как форме принуждения, после чего сформулировал методологическую задачу, призванную как следует разобраться в этом вопросе.

Далее, в своем выступлении, отдавая дань уважения заслугам профессора В.М. Курицына в историко-правовой науке, Н.В. Михайлова отметила, что на кафедре истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя создана и функционирует научная школа «Традиции и инновации в постижении истории государства и права». Члены этой научной школы опираются на достигнутые предшественниками достижения и серьезным фундаментом для них в первую очередь являются труды В.М. Курицына.

Особое внимание Наталья Владимировна обратила на то, что одним из ключевых направлений в работе научной школы является разработка особой методологии истории государства и права. Так, силами научной школы разрабатывается институционально-отраслевой метод историко-правового познания, который наглядно демонстрирует прикладной характер историко-правовой науки, что весьма актуально в ведомственном вузе системы МВД России. Разработчики научных концепций выступают и в качестве юристов-историков, и в качестве юристов-отраслевиков, что позволяет науку о прошлом государства и права связать с современными проблемами государства и права.

Докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент Вадим Иванович Павлов в своем докладе «Особенности формирования правового сознания в условиях современной социокультурной реальности: антрополого-правовой анализ» отметил, что особенностью современного этапа развития общества является так называемый «цифровой поворот», характеризующийся перенесением антропологических практик, в том числе юридически значимых, из актуальной в виртуальную реальность.

Основную проблему в связи с этим докладчик видит в том, что правовое сознание является принадлежностью не виртуальной, а наличной реальности, поэтому может иметь место постепенный разрыв между правовым поведением в виртуальном мире и актуальным процессом осознания права. Вадим Иванович убежден, что именно теория правового сознания должна ответить на эти вопросы.

С докладом на тему: «Соотношение государственной и правовой культуры общества» выступил начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент Пожарский Дмитрий Владимирович. В своем выступлении докладчик рассмотрел правовую и государственную идеологию, правовое и государственное сознание и правовую культуру в качестве надстроечных, но не совпадающих категорий. Он отметил, что вопросам правового сознания и правовой культуры в отечественной науке принято уделять большее внимание, тогда как проблемы государственного сознания и государственной культуры остаются мало заметными. Также была высказана мысль о том, что государственная и политическая культура соотносимы, но не тождественные явления и понятия. Политическая культура более широкое по объему понятие, включающая в себя элементы регионального, национального и международного (глобального) характера. Тогда как государственная культура и сознание предполагает социальное отношение, в том числе, восприятие ценностных свойств национального государства, его функций и институтов, осознание его ценности и социальной необходимости, включая (по некоторой аналогии с формами деформации правового сознания) внутренние и внешние формы его отторжения, неприятия.

Присоединившись к дискуссии относительно функционирования государства на современном этапе, Д.В. Пожарский отметил, что вызовы XXI века, порождены не только и не столько глобализацией, сколько нарастающими противоречиями капитализма и усугублением его кризиса. В таких условиях государство функционирует не только как «орудие классового господства», но и как инструмент поиска и обеспечения социального компромисса.

В рамках своего доклада «Правокультурные и идеологические основания соотношения властного и невластного начал в юридической технике современной России» профессор кафедры трудового и экологического права юридического факультета Нижегородского Национального исследовательского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор Марина Владимировна Баранова особо акцентировала внимание на возросшей в условиях современного постиндустриального, технологизированного бытия ценности системных знаний о праве и должном уровне правовой культуры. Этого требует включенность граждан в праворегулятивные процессы на властном или невластном уровне. Изменившиеся условия формируют новое видение места и роли права в государстве, качественно иное к нему отношение, востребуют выстраивание коммуникативного действия, обеспечивающего до-

стижение согласия властных и невластных начал. В этой связи, по мнению ученого, актуализируется разработка новых каналов и форм распространения и воздействия правовой информации в рамках публичного и открытого диалога. Придание весомого значения партнерскому характеру взаимоотношений властных и невластных субъектов, посредством властных и невластных инструментов юридической техники, воплощает идеи делиберативной демократии на современном этапе развития механизма правового регулирования⁴. В своем докладе Марина Владимировна также обратила внимание на взаимосвязь, соотношение властного и невластного начал в юридической технике современной России, проявляющихся в ряде доминантных моментов.

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент Артем Григорьевич Репьев выступил с проблематикой идеологии воспитания несовершеннолетних, основанной на преимущественной обязанности родителей. В качестве гипотезы доклада было озвучено, что несмотря на фундаментальность для правоведения категории «юридическая обязанность», в многочисленных трудах ученых не встречается такая ее разновидность, как преимущественная. Обозначено, что термину «преимущество» свойственно лексическое многообразие, оно может интерпретироваться как предпочтение, превосходство и в понимании особого права и одновременно – прерогативного обязательства.

А.Г. Репьев обратил внимание научной общественности, что, несмотря на кажущуюся аксиоматичность утверждения о присутствии иерархии обязанностей субъектов, в первую очередь обладающих специальным правовым статусом, просматривается некоторая непоследовательность современного законодателя в части пусть и латентного, но имеющего признаки легального закрепления обязанностей, обладающих формально-юридическим первенством перед другими. На примере норм законодательства, касающегося правового регулирования семейных отношений, им были высказаны и аргументированы положения, доказывающие присутствие преимущественной обязанности родителей по воспитанию, содержанию несовершеннолетних детей и получению ими основного общего образования, ее связи с преимущественным правом. Аргументированы риски, обусловленные использованием правотворческими органами понятий «приоритет», «преимущество» применительно к правам и обязанностям без необходимой формальной определенности и конкретизации технико-юридического компонента. Устранение данного дефекта обеспечит баланс правовой системы, позволит снять противоречивость, снизить коллизионность правового регулирования, а также обеспечит направление преимущественных обязанностей одновременно и на обеспечение ра-

венства возможностей участников общественных отношений, и на дифференциацию, индивидуализацию воздействия юридической нормы.

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук Игорь Игоревич Мазуров в своем докладе «Притязание как способ объективации правовой культуры» отметил, что правовая культура представляет собой многоплановое явление, понять которое невозможно в отрыве от культуры вообще и от материальных условий жизни общества. Характеризовать правовую культуру можно на основании многих признаков, среди которых докладчик выделяет притязание как наиболее важный. Так, притязание рассматривается как обусловленное объективно существующими социальными интересами и ценностно-идеологическими установками объективация правового сознания, отражающая содержание определенного типа правовой культуры. В то же время, как отметил докладчик, наличное притязание в последующем называется на формировании правовой культуры.

В научной дискуссии активное участие также принимали молодые ученые (адъюнкты, слушатели и курсанты). Так, в своем докладе «Антрополого-правовые особенности формирования правового сознания правонарушителя» адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь Егор Игоревич Стабровский затронул вопросы формирования правового сознания личности в процессе реализации юридической ответственности. Им было отмечено что формируется правосознание путем воздействия на его структурные уровни. При этом ключевым значением обладает формирование личностных правовых ценностей в правовом сознании правонарушителя.

В ходе конференции яркими выступлениями отметились: А.Б. Дидикин (ИГП РАН), А.В. Корнев (МГЮА), А.Д. Керимов (ИГП РАН), М.А. Беляев (МГЮА), С.Ю. Суменков (ПГУ), К.В. Агамирова (ИГП РАН), К.Е. Сигалов (МосУ МВД России), Д.А. Пашенцев (ИЗиСП), В.В. Наумкиной (ХГУ им. Н.Ф. Катанова), П.Н. Астапенко (СмолГУ), Т.Л. Матиенко (МосУ МВД России), Н.Д. Эриашвили и др.

В завершении конференции Первый заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент О.В. Зиборов и заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по научной работе, кандидат юридических наук, доцент В.Ю. Федорович отметили высокий уровень проведенного научного мероприятия, выразили благодарность всем участникам конференции и пожелали ученым новых научных и творческих свершений.

В заключении следует сказать о том, что в ходе обсуждения многих вопросов ученые смогли сблизиться в понимании позиций друг друга, а дистан-

ционный формат конференции в свою очередь не помешал, а только способствовал сокращению научной дистанции.

Литература:

1. Бабури С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма: монография. М.: Норма, 2020. – 536 с.
2. Баранова М.В., Купцова О.Б. Правопорядок в условиях становления общества программируемых коммуникаций // Правопорядок: элементы общей теории: монография / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. М.: Проспект, 2020. С. 80-99.
3. Клименко А.И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 2020. Том 15. № 6. С. 58-76.
4. Клименко А.И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки. // Юристы-Правоведы, 2018. № 4 (87). С. 102-107.
5. Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. – 335 с.
6. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы юридической теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – 431 с.

¹ См. подробнее: Клименко А.И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки. // Юристы-Правоведы, 2018. № 4 (87). С. 102-107; Клименко А.И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 2020. Том 15. № 6. С. 58-76.

² См. подробнее: Бабури С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма: монография. М.: Норма, 2020.

³ См. подробнее: Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020; Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы юридической теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.

⁴ См. подробнее: Баранова М.В., Купцова О.Б. Правопорядок в условиях становления общества программируемых коммуникаций // Правопорядок: элементы общей теории: монография / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. М.: Проспект, 2020. С. 80-99.

LEGAL IDEOLOGY AS A LINK BETWEEN LAW AND POLITICS IN THE REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION?

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ПРАВОМ И ПОЛИТИКОЙ ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Vasilii Nikolaevich Galuzo,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science, the scientific specializations

Василий Николаевич Галузо,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки,

e-mail: vgrmn@yandex.ru

Научная специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Для цитирования: В.Н. Галузо Правовая идеология как связующее звено между правом и политикой при регулировании общественных отношений в Российской Федерации? // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.11-13.

Annotation. The article analyzes the legal literature and normative legal acts on legal ideology as a link between law and politics in the regulation of public relations in the Russian Federation and makes several judgments: the universal regulator of public relations in any legal state must be considered exclusively law; the Russian Federation, as a subject of international law, in accordance with the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, is declared a state of law; the substitution of law in the regulation of public relations by other regulators (in particular, politics) inevitably leads to negative consequences; politics, as a rule, can be used in the regulation of public relations, but indirectly through ideology.; ideology through normative legal acts on the approval of concepts, doctrines, acquires the quality of legal ideology.

Keywords: state, Russian Federation, legislation, normative legal act, Constitution of the Russian Federation, federal law of the Russian Federation, subordinate normative legal act, law, policy, legal ideology, regulation of public relations, correlation

Аннотация. В статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов о правовой идеологии как связующем звене между правом и политикой при регулировании общественных отношений в Российской Федерации высказано несколько суждений: универсальным регулятором общественных отношений во всяком правовом государстве необходимо рассматривать исключительно право; Российская Федерация, как субъект международного права, в соответствии с Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. провозглашена правовым государством; подмена права при регулировании общественных отношений иными регуляторами (в частности, политикой) неизбежно приводит к негативным последствиям; политика, как правило, может использоваться при регулировании общественных отношений, но опосредованно через идеологию; идеология посредством нормативных правовых актов об утверждении концепций, доктрин, приобретает качество правовой идеологии.

Ключевые слова: государство, Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ, федеральный закон РФ, подзаконный нормативный правовой акт, право, политика, правовая идеология, регулирование общественных отношений, соотношение

Предметом данной статьи является идеология как связующее звено между правом и политикой при регулировании общественных отношений в Российской Федерации¹.

Первоначально о состоянии теории.

Так, А.Л. Бредихин рассмотрел «правовые документы, которые служат основой для реализации идеологической функции государства»: «Таким образом, важнейшей правовой основой осуществления идеологической функции государства являются конституционные акты. Конституции, принятые народом, с одной стороны, закрепляют определенные идеологические принципы, а с другой - сами воспринимают от народа эти идеологические принципы»; «Конституция Российской Федерации в качестве основных идеологических установок за-

крепляет принципы демократического, правового, социального и светского государства»; «Важнейшими аспектами реализации идеологической функции государства на законодательном уровне стало воспитание патриотизма и стратегическое планирование. Эти направления указаны в ряде правовых актов и организационно обеспечены множеством государственных программ»².

Авторы – единомышленники (М.И. Росенко, С.А. Запорожец и В.А. Процевский) исследовали «проблемы согласования и отражения политических предпочтений социальных групп, критерии выбора типа избирательной системы и ее роль в формировании законодательного (представительного) органа государственной власти, достоинства и недостатки, возможные последствия внедрения двухпартийной

и многопартийной системы на небольших территориях, отмечено, что от способности государства к изменениям зависит его жизнеспособность, адекватность общественному процессу, способность формировать реальное единство интересов и целей государства и народа» («Среди множества вариантов по усовершенствованию модели избирательного механизма формирования законодательного органа субъекта Федерации с небольшим количеством избирателей, расположенных на небольшой территории, наиболее оптимальным представляется комплексное решение: а) установление соотношения процентного порога (в количестве от 25 до 30% от общего количества депутатских мандатов) распределения депутатских мандатов в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации между списками кандидатов, выдвинутыми избирательными объединениями, пропорционально числу голосов избирателей, полученных каждым из списков кандидатов; б) снижение заградительного барьера в пропорциональной части до 3%. Снижение избирательного порога приведет к увеличению количества партий в Законодательном Собрании и повысит уровень представительства групп интересов избирателей. Проблемы фракционализации, которые неизбежно возникают при большом количестве партийных групп в представительных (в том числе законодательных) органах, можно решить созданием коалиции не большинства, а меньшинства; в) ограничение максимального количества мест для партии-победителя в законодательном (представительном) органе, с учетом количества мандатов, полученных в одномандатных округах, например, 1/2 или 2/3 от общего количества мандатов»)³. Здесь лишь обратим внимание на допущенные неточности относительно федеративного устройства Российской Федерации⁴.

В статье С.В. Зыкова рассмотрена «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. в связи с завершением в 2018 г. ее первого этапа», на основании чего сформулирован «вывод, что задачи в сфере правовой политики не были достигнуты преимущественно из-за системных недостатков самой Концепции, многие из которых отмечались исследователями непосредственно после обнародования текста ее проекта. Ни внесение изменений в законодательство,

ни судебная практика не решили проблем, на решение которых в обществе существует ярко выраженный запрос, в том числе обеспечение правовыми средствами стабильности брака, в большей степени сбалансированное правоприменение по делам о лишении и ограничении родительских прав»⁵. Речь идет о распоряжении Правительства РФ № 1618-р от 25 августа 2014 г., которым утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.⁶.

Не столь совершенные результаты научных изысканий относительно соотношения политики и права определяют и несовершенство законодательства Российской Федерации⁷.

Первоначально обращаемся к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой⁸: к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.⁹: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность. 4. Общественные объединения равны перед законом. 5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» - ст. 13.

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

Так, Указом Президента РФ «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» № 673 от 6 июля 1995 г.¹⁰ признано «необходимой разработку концепции правовой реформы в Российской Федерации».

Указом Президента РФ «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» № 440 от 1 апреля 1996 г.¹¹ утверждена Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию.

Указом Президента РФ «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» № 1008 от 1 июля 1996 г.¹² утверждена

Концепция развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации.

Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции программы краткосрочных ознакомительных поездок в Российскую Федерацию молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств» № 1394 от 19 октября 2011 г.¹³ утверждена Концепция программы краткосрочных ознакомительных поездок в Российскую Федерацию молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств.

Указом Президента РФ «Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию» № 259 от 20 апреля 2014 г.¹⁴ утверждена Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию.

Указ Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» № 622 от 31 октября 2018 г.¹⁵ утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы.

Также обращаем внимание и на несколько федеральных законов РФ, в которых фактически допущено соотношение политики и права: Федеральный закон РФ «О науке и государственной научно-технической политике» от 12 июля 1996 г.¹⁶; Федеральный закон РФ «О первоочередных мерах в области бюджетной и налоговой политики» от 16 декабря 1998 г.¹⁷; Федеральный закон РФ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 5 марта 1999 г.¹⁸; Федеральный закон РФ «О молодежной политике в Российской Федерации» от 23 декабря 2020 г.¹⁹.

Таким образом, идеология может быть связующим звеном между политикой и правом как самостоятельными регуляторами общественных отношений.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, универсальным регулятором общественных отношений во всяком правовом государстве необходимо рассматривать исключительно право.

Во-вторых, Российская Федерация, как субъект международного права, в соответствии с Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. провозглашена правовым государством.

В-третьих, подмена права при регулировании общественных отношений иными регуляторами (в частности, политикой) неизбежно приводит к негативным последствиям.

В-четвертых, политика, как правило, может использоваться при регулировании общественных отношений, но опосредованно через идеологию.

В-пятых, идеология посредством нормативных правовых актов об утверждении концепций, доктрин, приобретает качество правовой идеологии.

¹ На отдельные аспекты роли политики в регулировании общественных отношений нами уже обращалось внимание (об этом см., например: Батюк В.И., Галузо В.Н. Допустима ли политизация деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации? // Право и государство: теория и практика. 2015. № 11. С. 60-65; они же: Батюк В.И., Галузо В.Н. Право и политика в Российской Федерации: допустимо ли смешение? // Право и жизнь. 2018. № 2. С. 43-56).

² Бредихин А.Л. Правовая основа осуществления идеологической функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. N 6. С. 22 - 25.

³ См.: Росенко М.И., Запорожец С.А., Процевский В.А. Политико-правовые аспекты формирования законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта Федерации: проблемы и перспективы // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. N 10. С. 3 - 6.

⁴ Подробнее о таковом см.: Сухондяева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89.

⁵ Зыков С.В. О государственной правовой семейной политике в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. N 1. С. 13 - 17.

⁶ См.: СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

⁷ Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

⁸ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

⁹ См.: РГ. 2020. 4 июля. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 28. Ст. 2642.

¹¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 15. Ст. 1572.

¹² См.: СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3356.

¹³ См.: СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 6028.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2014, № 17. Ст. 2036; 2016. № 22. Ст. 3198.

¹⁵ См.: СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

¹⁶ См.: СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137; ...; 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8044.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 1999. № 1. Ст. 1; ...; 2008. № 49. Ст. 5731.

¹⁸ См.: СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670; ...; 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4036.

¹⁹ См.: СЗ РФ 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

A MORAL STATE AS A POLITICAL AND LEGAL IDEA, THE TIME
OF WHICH HAS COMEНРАВСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИДЕЯ,
ВРЕМЯ КОТОРОЙ ПРИШЛО

Sergey Nikolaevich Baburin,

Chief Scientist, Scientific Director of the Center for Integration and Civilization Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of Moscow University I.S.S. Witte, Doctor of Law, Professor, Distinguished Scientist of the Russian Federation 1357343@mail.ru

Сергей Николаевич Бабурин,

Главный научный сотрудник, Научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ 1357343@mail.ru

Для цитирования: С.Н. Бабурин Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло// Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 14-20.

Аннотация. Целью статьи является анализ необходимости и закономерности рождения идеи нравственного государства. Методология исследования включает методы историко-правового анализа при междисциплинарном подходе, абстрагирования и мысленного моделирования, восхождение от абстрактного к конкретному. Дается определение нравственного государства, определяются его характерные признаки. Результаты осмысления современных задач государства важны для дальнейшего развития конституционализма, преподавания в вузах теории государства и права, конституционного права.

Ключевые слова: государство, конституционная реформа, духовно-нравственные ценности, публичная власть, духовно-нравственный контроль, народный контроль.

Annotation. The purpose of the article is to analyze the necessity and regularity of the birth of the idea of a moral state. The methodology of the study includes methods of historical and legal analysis in interdisciplinary approach, abstraction and mental modeling, ascent from abstract to concrete. The definition of a moral state is defined, its characteristics are determined. The results of understanding the modern tasks of the state are important for the further development of constitutionalism, teaching in universities the theory of the state and law, constitutional law.

Keywords: state, constitutional reform, spiritual and moral values, public power, spiritual and moral control, people's control.

Все поколения наших предков, уверен, мечтали о лучшей жизни и за неё боролись. Ради выживания людей в недрах человеческого общества родилось государство как территориальная организация политической системы общества, объединяющая население по административно-территориальному принципу, когда публичная власть осуществляется особым аппаратом, разветвлённой системой государственных органов власти (11, с. 379). Затем люди захотели не только существовать, но жить достойно и справедливо. Начался «вечный» поиск человеком наиболее оптимальных условий для его жизнедеятельности и наиболее «рациональных» форм организации «государственного порядка», общества и самого государства [7, с. 209-210].

С полным на то основанием М.Н. Марченко отмечает, что такой поиск имеет не локальный или региональный, а глобальный характер, охватывающий не только отдельные жизненно важные сфе-

ры и регионы, но и все социально значимое государственно-правовое пространство человеческого бытия [12, с. 104]. Так, через стремление к идеалу, к идеальному общественному и государственному строю, сформировалось стремление к правовому социальному государству.

С течением времени стало очевидно, что эпоха секулярного гуманизма привела не к торжеству человека, а к доминированию в обществе потребительского эгоистического начала, утрате духовной сущности человека и самой социальности в существовании людей. Конец XX века породил потребность в возвращении к культурно-историческим корням каждой цивилизации, к устройству универсализма на духовно-нравственных началах. Назрела потребность общества в нравственном государстве.

Идея нравственного государства уходит корнями в глубь веков. Мыслители Античности, да и Древнего Востока, рассуждая о совершенстве –

правильном устройстве государства, видели, как, например, Платон, это корни этого совершенства в мудрости, мужественности, рассудительности и справедливости [15, с. 217]. Даже разделяя нравственность, государство и право, мыслители на протяжении столетий спорили преимущественно лишь о степени единства или разъединения этих явлений. Великий русский философ В.С. Соловьев, например, считал право низшим пределом или определенным минимумом нравственности. «Право – писал В.С. Соловьев в своей работе “Оправдании добра”, – есть требование реализации этого минимума, т.е. осуществления определенного минимального добра, или, что то же, действительного устранения известной доли зла, тогда как интерес собственнo-нравственный относится непосредственно не к внешней реализации добра, а к его внутреннему существованию в сердце человеческом» [18, с. 407, 408].

В момент, когда ресурс традиционного позитивистского понимания государства практически исчерпан, пришло время для создания фундаментальной духовно-нравственной общей теории государствоведения, обобщающей, синтезирующей, интегрирующей знания всех общественных и гуманитарных наук о государстве, о перспективах его развития, как к этому призывал Д.А. Керимов [9, с. 139].

Начало XXI века. Цивилизационный кризис человечества. При анализе нарастающего паралича международного правопорядка [16], выразившегося, в том числе, во всемирной бессистемной суете в борьбе против объявленной ВОЗ пандемии коронавируса, многие думающие люди вспомнили Н.Н. Моисеева и его предостережение конца XX века о сценарии планетарного тоталитаризма, которому потребуются навыки с манипулированием зомбированным населением. Выдающийся отечественный мыслитель ещё тогда указывал на вероятные последствия развития миросистемы ТНК [см.: 13, с. 153-158]. Сегодня мы видим, что все государства и нации в опасности, их пытаются лишиться смысла произволом глобального нивелирования.

Какое устойчивое развитие, на которое человечество ориентируют последние 30 лет? Ныне всё человечество переживает цивилизационный кризис, а давний претендент на всемирное лидерство –

Запад – ещё и кризис духовно-нравственный, чреватый утратой в человеке человеческого. Существует ли в этих условиях путь спасения окружающего нас мира?

Убеждён, что выход – только на пути межгосударственной интеграции, укрепления потенциала интеграционного конституционализма [3], и в нравственном обновлении общества на пути формирования нравственных государств [2, с. 116-130; 4]. Без укрепления в человеке его человеческой, а не звериной сущности, без упрочения его разума и души, справедливости и гармонии в межличностных отношениях, человечество погибнет. Корень нарастающих проблем зарыт не в экономике, политике или праве, а в нравственных качествах личности и самого общества.

Каждый идеал государства, как известно, несёт вполне определённую социальную нагрузку, выполняет определённый социальный «заказ» [12, с. 114]. Что не мешает Н.С. Бондарю писать о «вечных» конституционных идеалах в меняющемся мире, когда в нормативном содержании институтов «метаюридической» части Основного Закона органически сочетаются правовые и нравственно-этические, национальные (социокультурные) и универсальные требования [6, с. 20].

Нам важно разобраться в понятиях, осмыслить глубинную суть необходимых изменений.

Не столь давно термин «нравственное государство» использовался в прогностических работах С.С. Сулакшина, В.И. Якунина и их соавторов. Использовался недолго, но с претензией на оригинальность. К сожалению, авторы совершенно проигнорировали как правовую сторону вопроса, так и его духовно-нравственный характер, сведя проблему к политическим технологиям. Парадоксально противоречивы и в научном плане темны их рассуждения о необходимости нравственного государства при оговорке, что речь идет вовсе «не о нравственности государства: подобная характеристика приложима только человеку и обществу. Речь идет о таком государстве, которое генерирует нравственного человека и общество» [14, с. 397].

Внутренне противоречив В.И. Якунин, когда, например, после аргументации важности концепта нравственного государства утверждает, что «не государство как институт должно быть нравственным,

а результаты его деятельности во всех сферах жизни человека, общества, во всех институтах и системах должны быть нравственны, то есть ориентироваться на нравственность и целеполагаться как нравственные» [25, с. 97]. Согласны, так с древности и понимается. Но как этого добиться?

Досадно, когда о нравственном государстве рассуждают без самого понимания, что такое собственно государство, нравственность, закономерности или хотя бы вопросы государственного развития [20, 21, 24, 14, 17]. Мало продуктивны и крайне примитивны выводы, основанные на механическом смешении научных банальностей, позволяющие считать новацией характеристику государства «социальной оболочкой» [14, с. 398], «социально организующей, координирующей оболочкой», а «новый концепт – концепт нравственного государства» сводить к тому, что «всё, что организует государство, всё, на чем оно основано, должно быть нравственным» [24, с. 96]. Нравственность как собрание поведенческих ценностей просто объявляется идеологией [14, с. 313].

Без аргументов и объяснений остались у С.С. Сулакшина и его соавторов практически все вопросы процессов и объяснения утверждений. Тезис о необходимости перехода «к нравственному ценностному целеполаганию в интересах личности, общества, государства» [14, с. 304], например, оказывается полной бессмыслицей, поскольку не сопровождается ни объяснением общего и особенно в интересах личности, общества и государства, ни анализом особенностей и сущности ценностей и целеполагания, никак не мотивирует соединение в один узел ценностей и интересов, да ещё одновременно и личности, и общества, и самого государства. Нравственность рассматривается лишь как социальность, социализированность, при жёстком подчеркивании, что «это не пресловутая этика и мораль. На самом деле это мера очеловеченности человека как категориальной сущности, как сущности социальной» [20, с. 101]. Публикации указанных авторов о нравственном государстве содержат иногда интересные утверждения, но трудны для понимания, поскольку демонстративно технологичны и лишены аргументов, часто являются набором слов при полном игнорировании особенностей и нравственного, и правового, и социального государства,

тем более – при скорбном непонимании феномена нравственности.

Авторы взяли на себя труд идти от теории к проекту, не имея, собственно, теории, и даже не разобравшись всерьёз в особенностях и чертах нравственного государства. Стоит ли говорить, что их, вероятно искренний порыв был обществом не замечен и не подхвачен.

Сказано было не вовремя, сделано неправильно. Недопустимо предлагать рецепты лечения общества, не разобравшись ни с состоянием социального здоровья, ни с лекарствами.

Ныне, убеждён: время идеи нравственного государства пришло.

Свою недавнюю монографию «Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма» я начинаю с цитаты, позаимствованной из книги президента США Д. Трампа «Думай как чемпион». Это не его высказывание, а приведенные им слова Виктора Гюго: «Есть нечто более сильное, чем все армии мира, – идея, время которой пришло» [22, с. 5]. Для политиков и государственных деятелей ныне пришло время осмыслить и воплотить в жизнь идею нравственного государства.

Вначале о понятии нравственного государства. Смысл перехода к нравственному государству заключается в конструировании универсальной модели идеального государства, которое основывается на культурно-исторических и духовно-нравственных традициях каждой нации. Ещё И. Фихте писал, что новый мир должен быть создан в пределах мира чувственного высшей моральностью [23, с. 695]. В обществе должен быть обеспечен приоритет добродетелей и нравственных решений. Форма правления в нравственном государстве должна отвечать национальным культурно-историческим особенностям при соблюдении общего принципа, указанного М.М. Сперанским применительно и к монархическим формам государства: «Всякое законное на земле правительство должно быть основано на общей воле народа». Тем более, что «не правительство рождает силы народные, но народ составляет силы его. Правительство всемогуще, когда народ быть таковым ему попускает» [19, с. 232, 233]. Принципиально то, что лишь конституционное закрепление духовно-нравственной самоорганизации общества создает нравственное государство.

Конституционализм обретает новую динамику, когда духовно-нравственные нормы, получая в результате новых коренных изменений жизни общества закрепление в конституции, становятся частью политико-правовой основы развития общества на следующем историческом этапе, поскольку именно конституция обладает учредительной функцией и создает предпосылки для новых общественных отношений [1, с. 155-156; 24].

Ценность российской конституционной реформы 2020 г. прежде всего в её духовно-нравственном потенциале [5, с. 3-8]. Б.С. Эбзеев отмечает, что иллюзии саморегулирования рыночной экономики и плюралистической демократии привели при подготовке Конституции РФ 1993 г. к неприятию принципа социального государства, экономических, социальных и культурных прав граждан [24, с. 8], что уж говорить о демонстративном игнорировании духовно-нравственных принципов. Потому и остается бездоказательным одновременное утверждение Б.С. Эбзеева о сохранении Россией при этом собственной цивилизационной идентичности. При появлении в 2020 г. в Конституции РФ новых смыслов, недостаточно к ним относить только институциональные изменения, «национализацию» должностных лиц-носителей суверенитета и даже провозглашение непрерывности Российского государства с наполнением реальным содержанием его социального характера [24, с. 7-24]. Едва ли не более значимо новое духовно-нравственное содержание конституции и конституционализма, возвращающее Россию на свой цивилизационный путь развития.

Не трогая 1 и 2 главы Конституции РФ, конституционные поправки 2020 года изменили не только статус и полномочия высших органов государственной власти, но и укрепили нравственный каркас Конституции, намеченный в её Преамбуле. Ранее Преамбула уже провозгласила стремления нашего многонационального народа утверждать права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохранять исторически сложившееся государственное единство, чтить память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость и т.д. Ныне, восполняя важный пробел, к этим исходным конституционным принципам добавлены дополнительные, имеющие принципиальное значение для русского общества, для

всей семьи народов Российской Федерации, важные принципы, ставшие отныне тоже конституционными. Основные из них:

1) Правопреемственность Российской Федерации от Советского Союза (СССР), отрицавшаяся соглашением о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. у всех государств, ранее входивших в состав СССР (ч. 1 ст. 67.1).

2) Признание исторически сложившегося государственного единства РФ построенным на общей тысячелетней истории, сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также на преемственности в развитии Российского государства (ч. 2 ст. 67.1).

3) Защита государством самой памяти о защитниках Отечества и исторической правды, борьба против умаления значения подвига народа при защите Отечества (ч. 3 ст. 67.1).

4) Защита государством традиционных семейных ценностей, обеспечение приоритета семейного воспитания, создание условий для всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4 ст. 67.1). Совместная защита Российской Федерацией и её субъектами семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (п. ж.1 ч. 1 ст. 72)

5) Культура в РФ объявлена уникальным наследием всего многонационального народа, поддерживаемым и охраняемым государством (ч. 4 ст. 68). Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей РФ (ч. 2 ст. 69).

Все указанные конституционные принципы опираются на многовековой пласт культурно-исторического развития страны, отвечают как архетипам сознания всех народов исторической России, так и потребностям нынешней информационно-цифровой эпохи. Развитие любых технологий должно служить нравственно здоровому человеку, но не делать его игрушкой или заложником этих технологий.

Федеральное Собрание РФ незамедлительно приступило к внесению изменений, вытекающих из

новых конституционных норм, в действующее законодательство. За осеннюю сессию 2020 г. в развитие принятых конституционных поправок был принят 21 закон, ещё 4 находятся в стадии рассмотрения¹. Представляется, однако, что это самая предварительная реакция парламентариев. Дело не только в предстоящем внесении изменений в законы о науке, культуре и здравоохранении, как было объявлено, а в том, что усиление в Конституции духовно-нравственного начала требует аналогичных перемен во всём массиве российского законодательства.

Обретение Конституцией РФ новых важных духовно-нравственных смыслов даёт официальный сигнал обществу для его избавления от неолиберальных заблуждений и создания реальных условий легитимации власти. В современных геополитических условиях консолидация российского общества как никогда важна. Только консолидированное общество способно иметь сильное государство, которое, в свою очередь, только и может, как обоснованно подчеркивает А.Д. Керимов, быть по-настоящему социальным [8, с. 66]. Отсюда тем более значимо, что обновлённый потенциал Конституции РФ закладывает фундамент и для начала формирования отечественного нравственного государства.

Можно наметить принципиально значимые признаки нравственного государства.

Это, во-первых, охват признаваемыми публичной властью высшими ценностями общества как достоинства, свобод и прав человека, так и духовно-нравственных приоритетов нации (народа), включающих стремление к общепланетарному согласию.

Во-вторых, это конституционное закрепление духовно-нравственных ценностей общества в форме правовых категорий, то есть публичное принятие государством на себя обязанности оберегать духовно-нравственные ценности общества.

В-третьих, в обществе должны существовать и конституционно закрепляться органы публичного духовно-нравственного контроля над органами государственной власти.

И, наконец, четвертое. Над деятельностью любых органов государственной и муниципальной власти в нравственном государстве осуществляется народный контроль, основы которого подлежат за-

креплению конституционными нормами [подробнее см.: 4, с. 282-318].

Характеризуя пути перехода государств к нравственной форме своего существования, следует иметь в виду цивилизационные особенности таких трансформаций. Даже универсализм нравственного потенциала империй будет иметь индивидуальные цивилизационные характеристики. Одно дело Китай или Иран, Индия или Латинская Америка, другое дело Славянский мир во главе с Россией или большая западнизмом Европейская цивилизация.

Но при любых цивилизационных особенностях перехода к нравственному государству первые шаги в этом направлении – это продуманные конституционные реформы духовно-нравственного характера. Для Российской Федерации шанс на успешное развитие и на переход к нравственному государству создан конституционной реформой 2020 года, укрепившей социальный характер Российского государства [10, с. 32-49], включившей в число конституционных норм дополнительные духовно-нравственные принципы. Другие государства также могут строить свой путь духовного оздоровления, исходя из собственных цивилизационных особенностей и культурно-исторических предпочтений.

Литература:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. – 5-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 2014.
2. Бабурин С.Н. Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 116-130.
3. Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.
4. Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2020.
5. Бабурин С.Н. О духовности целей и социальной задачи российской конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 3-8.

6. Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № . 6. С. 20-34.
7. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2003.
8. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: Вопросы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
9. Керимов Д.А. Избр. Произв.: В 3 т. Т. 3. М., 2007.
10. Комарова В.В. Социальное благополучие человека: конституционная ценность // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сборник статей / отв. ред. В.В. Комарова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – С. 32-49.
11. Конституционное право: академический курс: учебник: в 3 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М.: Проспект, 2021. Т. II.
12. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учебное пособие. М.: Проспект, 2019.
13. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998.
14. Нравственное государство. От теории к проекту / Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И. / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Наука и политика, 2015.
15. Платон. Государство // Сочинения. В 3 т. Пер. с древнегреч. Под общ. Ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 1. М., 1971.
16. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М.: Проспект, 2020.
17. Соловьев А.И. Нравственное государство: замыслы и реальность // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 4. 2011. С. 104-107.
18. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собрание соч. 2-е изд. Т. 8. СПб. / Собрание соч. В.С. Соловьева. Фототипическое изд. Брюссель, 1966. С. 407, 408.
19. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.
20. Сулакшин С.С. На пороге нравственного государства // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 4. 2011. С. 98-103.
21. Сулакшин С.С. Фундаментальный контекст концепта нравственного государства. М.: Научный эксперт, 2013.
22. Трамп Д. Думай как чемпион: откровения магната о жизни и бизнесе. Пер. с англ. М., 2017.
23. Фихте И.Г. Сочинения. СПб., 2008. С. 695.
24. Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного закона // Государство и право. 2020. № . 4. С. 7-24. // URL:<http://gospravo-journal.ru/s013207690009224-8-1/> (дата обращения 06.01.2021 г.).
25. Якунин В.И. Нравственность как мера социальности поведения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 4. 2011. С. 95-97.

BIBLIOGRAPHIC LIST:

- 1) Avakian S.A. Constitutional Law of Russia. Training course: study. manual: in 2 t. - 5th ed., overworked and additional T. 1. М.: Norma: INFRA-M, 2014. 2014.
- 2) Baburin S.N. The significance of the Great Iranian Revolution for the modern world: the spiritual and value dimension of constitutionalism / Herald of the Moscow State Regional University. Series: Law. 2019. No 3, p. 116-130.
- 3) Baburin S.N. Integration Constitutionalism. М.: Norma: INFRA-M, 2020.
- 4) Baburin S.N. Moral State. Russian view on the values of constitutionalism. М.: Norma, 2020.
- 5) Baburin S.N. On the spirituality of the goals and sociality of the tasks of Russian constitutional reform / Constitutional and municipal law. 2020. No 4, p. 3-8.
- 6) Bondary N.S. "Eternal" constitutional ideals: how unchanged are they in a changing world? State and law. 2020. No . 6, p. 20-34.
- 7) Ellinek G. General doctrine of the state. St. Petersburg, 2003.
- 8) Kerimov A.D. State Organization of Public Life: Theory Issues: Monograph. М.: Norma: INFRA-M, 2018.
- 9) Kerimov D.A. Izbre. Prov. : In 3 t. Т. 3. М., 2007.

- 10) Komarova V.V. Social Well-being of a person: constitutional value // Social well-being of a person: legal parameters: a collection of articles / ed. V.V. Komarova. M.: Norma: INFRA-M, 2019. p. 32-49.
- 11) Constitutional law: academic course: textbook: in 3 tons / under ed. A.I. Kazannik, A.N. Kostyukova. M.: Prospect, 2021. Т. II.
- 12) Marchenko M.N. Legal State and Civil Society (theoretical and legal research): textbook. M.: Prospect, 2019.
- 13) Moiseyev N.N. The Fate of Civilization. The path of reason. M., 1998.
- 14) A moral state. From theory to project / Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E., Vilisov M.V., Netesova M.S., Ponomarev E.G., Sazonova E.S., Spiridonov V.I./under general ed.S.S. Sulakshina. M.: Science and Politics, 2015.
- 15) Plato. State / Works. In 3 t. Per. From ancient Greek. Under the common. A.F. Loseva and V.F. Asmus. Т. 3. Ch. 1. M., 1971.
- 16) Savenkov A.N. State and Law in the Crisis of Modern Civilization. M.: Prospect, 2020. 448 s.
- 17) Solovyov A.I. Moral State: Designs and Reality / Problem Analysis and Public Administration Design. Vol. 4. 2011. S. 104-107.
- 18) Solovyov V.S. Justification for Goodness. Moral philosophy / The collection is about 2nd published. Т. 8. Spb. / The collection of V.S. Solovyov. Phototypic ed. Brussels, 1966. S. 407, 408.
- 19) Speransky M.M. Guide to the knowledge of laws. St. Petersburg, 2002.
- 20) Sulakshin S.S. On the threshold of the moral state / Problematic analysis and public-management design. Vol. 4. 2011. P. 98-103.
- 21) Sulakshin S.S. The fundamental context of the concept of a moral state. M.: Scientific expert, 2013.
- 22) Trump D. Think like a champion: the tycoon's revelations about life and business. Lane. 2017.
- 23) Fichte I.G. Works. St. Petersburg, 2008.
- 24) Ebzeev B.S. Actualization of the Russian Constitution: a collective image of the amendments of President Vladimir Putin and new meanings of the Basic Law / State and Law. 2020. No. 4, pp. 7-24. URL:<http://gospravo-journal.com.au/s01320760009224-8-1/> (address date 06.01.2021).
- 25) Yakunin V.I. Morality as a measure of social behavior / Problematic analysis and public-management design. Vol. 4. 2011, pp. 95-97.

¹ Замахина Т. В духе Конституции. Госдума завершила осеннюю сессию // Российская газета. № 292 (8346). 2020. 24 декабря // [электронная версия] - URL:<http://rg.ru/2020/12/24/gosduma-zavershila-osenniuiu-sessiuiu.html> (дата обращения 06.01.2021 г.).

Актуальные проблемы конституционного права России:

учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» (квалификация «магистр») / [Б.С. Эбзеев и др.]; под ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 495 с. — (Серия «Magister»).

ISBN 978-5-238-03220-7

Рассмотрены проблемные вопросы, относящиеся к предмету науки конституционного права. Цель учебника — раскрыть теоретическое содержание актуальных проблем основных разделов предмета, основы конституционного законодательства и правоприменительной практики по важнейшим проблемам государственного строительства в России.

Для студентов, магистрантов, адъюнктов и аспирантов юридических вузов.

LEGAL-CULTURAL AND IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE CORRELATION OF THE POWER AND NON-POWER PRINCIPLES IN THE LEGAL TECHNIQUE OF MODERN RUSSIA

ПРАВКУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СООТНОШЕНИЯ ВЛАСТНОГО И НЕВЛАСТНОГО НАЧАЛ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Marina Vladimirovna Baranova,

Doctor of Law, PhD (Cultural Study), Professor, Professor of Department of Labor and Environmental Law, National Research Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky
qazxsw1232007@yandex.ru

Марина Владимировна Баранова,

доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры трудового и экологического права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
qazxsw1232007@yandex.ru

Для цитирования: М.В. Баранова. Правовые культурные и идеологические основания соотношения властного и невластного начал в юридической технике современной России // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.21-26/

Abstract. In the conditions of modern post-industrial, technologized existence, the value of systematic knowledge of law has significantly increased, and the process of achieving the proper level of legal culture has become particularly relevant. This requires the involvement of citizens in the law-regulating processes at the power or non-power level. The changed conditions form a new vision of the place and role of law in the state, and the formation of a communicative action that ensures the agreement of the power and non-power principles is of particular importance. Ideologically important is the development of new channels and forms of dissemination and impact of legal information within the framework of public and open dialogue. Giving significant importance to the partnership nature of relations between powerful and non-powerful subjects, through powerful and non-powerful tools of legal technology embodies the ideas of deliberative democracy at the present stage of the development of the mechanism of legal regulation. The relationship between the power and non-power principles in the legal technique requires a special, multi-level analysis that allows us to identify the dominant moments of their relationship.

Keywords: domineering, non-domineering, legal technique, law, legal culture, ideology, legal regulation, communication, technology, state, deliberative democracy, cooperation

Аннотация. В условиях современного постиндустриального, технологизированного бытия заметно возросла ценность системных знаний о праве, особую актуальность приобрел процесс достижения должного уровня правовой культуры. Этого требует включенность граждан в праворегулятивные процессы на властном или невластном уровне. Изменившиеся условия формируют новое видение места и роли права в государстве, особую значимость приобретает выстраивание коммуникативного действия, обеспечивающего достижение согласия властных и невластных начал. Идеологически важной становится разработка новых каналов и форм распространения и воздействия правовой информации в рамках публичного и открытого диалога. Придание весомого значения партнерскому характеру взаимоотношений властных и невластных субъектов, посредством властных и невластных инструментов юридической техники воплощает идеи делиберативной демократии на современном этапе развития механизма правового регулирования. Взаимосвязь властного и невластного начал в юридической технике требует специального, многоуровневого анализа, позволяющего вывить доминантные моменты их соотношения.

Ключевые слова: властное, невластное, юридическая техника, право, правовая культура, идеология, правовое регулирование, коммуникация, технологии, государство, делиберативная демократия, сотрудничество

Реалии постиндустриального общества, активно внедряющего новый технологический уклад в различные ипостаси бытия, обуславливают новое видение места и роли права в государстве, особенностей его восприятия гражданами. При этом сохраняется необходимость достижения качества осознания информации, адекватной рефлексии, выстраивание коммуникативного действия, «ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия»¹. В сложившихся реалиях особую важность

приобретает разработка новых каналов, форм, средств распространения и воздействия правовой информации, обеспечивающих возможность осуществлять публичный и открытый диалог. Актуализируется интегрирование информационных технологий в работу органов государственной власти, поскольку это позволяет «цифровизировать» всю систему государственного управления, повысить прозрачность деятельности госструктур, увеличить скорость обработки обращений граждан, снизить

бюрократические барьеры, внедрить новые формы интерактивного взаимодействия с гражданами»². Востребованными становятся краунд-технологии, обеспечивающие основания для отхода от примата государства в социально-значимых вопросах, позволяющие развивать диалогизированное партнерство властного государственного начала и невластного, присущего гражданам.

Идеи партнерского публичного диалога государства и социума, типичные для европейской модели государственности, в ходе правовой аккультурации трансформировались, адекватно особенностям российской правовой системы, ключевым национальным идеологическим стандартам и установкам. В современных реалиях существования технологически-развитого, демократического государства с развитыми средствами массовой коммуникации, следует осознавать наличие возможных биполярных проявлений такой системы жизнедеятельности. Весьма интересным в этой связи представляется, например, обращение Кирилла Богдановича (Израиль) к понятию «медиократии». Исследователь высказывает опасение по поводу перспектив развития таких государств, отмечая, что «государственное устройство, в котором стабильность государства определяется прессой (условиями ее деятельности, владельцами и их воззрениями) должно быть названо медиократией, которая является одной из разновидностей автократии. ... Несоответствие реальности и создаваемого медиократией виртуальных представлений ... рано или поздно, ведут к неминуемому разложению общества, к социальному взрыву»³. Осознавая небезосновательность авторской позиции, следует отметить, что в менее радикальных ситуациях построение коммуникации, опосредованной широким спектром средств, упрощающих взаимодействие, облегчают построение равноправного диалога социума и государства. Налицо эффективный механизм актуализации идей делиберативной демократии, воплощающей ключевые позиции партнерского характера взаимоотношений властных и невластных субъектов правовой реальности.

Осознание необходимости включенности в праворегулятивные процессы в условиях постиндустриального технологизированного общества на властном и невластном уровне требует от человека

системных базовых юридических знаний, должного уровня правосознания и правовой культуры. «... Правовой механизм представляет собой сложный аппарат, для эффективной работы которого требуется целенаправленная духовная активность всех членов общества. Каждая личность своим участием в осуществлении права претворяет в социальных отношениях необходимое в требовании должного. Этот творческий процесс возможен только благодаря сознательной и волевой деятельности всех членов общества – самодостаточных граждан своего государства»⁴. Осознанная включенность в процессы делиберации проявляет высокий уровень правовой культуры в социуме.

Наиболее полно сущностная основа правовой культуры проявляется в процессе влияния на генезис различных социальных институтов. Представляя собой сложную систему ценностей правовой сферы, она демонстрирует и фиксирует уровень развития юридической техники, инструментальной ценности права в конкретный период времени. Исторически правовая культура России сложилась на основе базового ценностного ориентира «правды»/«справедливости»/«совести», принимаемых в качестве неоспоримой ценности, базы для оценки поведения, выбора модели поведения. Между пониманием права, требованием юридической нормы и представлениями о «правде»/«справедливости»/«совести» возникали спорные моменты и неизбежные противоречия, по сей день оказывающие некоторое влияние на жизнь современного российского общества, национальную правовую систему. Рассуждая о культурных традициях права, профессор Г.В. Мальцев справедливо отмечал, что право «всегда ассоциировалось с порядком, законами, устанавливающими порядок, и в этом отношении оно универсально. Право четко вписывается в структуры бытия, если они устойчивы и целостны, но дестабилизация и разрушение порядка, произвол, хаос, ослабляют, а затем прекращают действие права»⁵. Представление о «правде»/«справедливости»/«совести» рождается из недр бытия, весьма органично, в меньшей мере подвержено дестабилизации. Специфика понимания правовой культуры проявилась в современных правовых регламентах, обусловила взаимодействие государства и социума, соотношение властного и невластного начал в юридической технике.

Профессиональная подготовка юриста, отвечающего требованиям современности, предполагает формирование широкого спектра специальных знаний, владение приемами, средствами, правилами юридической техники, а так же умениями и навыками их использования. Юридическая техника гармонично объединяет властное и невластное начала. Властная составляющая довольно часто становится предметом доктринального анализа, привычна и понятна в рамках юридической практики, а невластная при поверхностном рассмотрении представляется фрагментарной и малозначимой. В реалиях, технико-юридические приемы и способы в контексте невластной деятельности обретают специфическую окраску, проявляют себя иначе. Генезис представлений о юридической технике в нашей стране традиционно отталкивается именно от властного начала техники правотворчества. Со временем возрождался предельно широкий подход, вобравший весь спектр властной и невластной юридической деятельности с присущим ему специальным инструментарием. В рамках данного подхода юридическая техника представляет собой систему «профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»⁶. Данный подход позволил, опираясь на специфику субъекта, выделить технику властной и технику невластной юридической деятельности. Отдавая себе отчет в том, что субъект действительно может быть или не быть носителем властных полномочий, следовательно, подобное деление на виды вполне приемлемо и оправданно, справедливым будет отметить, что в реальной жизни государства и общества не все так однозначно. Властное и невластное начало, порой тесно взаимосвязано и трудно делимо. Интересным представляется такой пример: Россия является светским государством, где церковь не облечена государственной властью, однако, в приложении к Указу Президента РФ от 27 июля 1992 года № 804 было впервые установлено «Протокольное старшинство российских официальных лиц», где на восемнадцатой позиции значился Патриарх Московский и всея Руси. Статус «российского офи-

циального лица» в данном случае указывает на уважение со стороны светской власти к представителю духовенства и Церкви в целом. В Указе Президента РФ от 16 сентября 2004 года № 118 «Основные положения государственной протокольной практики Российской Федерации», пришедшем на смену ранее обозначенному акту, Патриарх находится на десятой позиции среди других указанных российских официальных лиц. Роль Патриарха Московского и всея Руси на международной политической арене весома, его влияние на жизнь российских граждан велико, позитивно и безусловно ценно. Здесь имеет место возможность преломления юридической техники в целом, специального технико-юридического инструментария от типичного властного к менее ярко-выраженному невластному через «обращение к власти». В этой связи интерес также представляет возможность и специфика использования властных и невластных приемов и средств представителем духовенства в светском государстве, от имени светского государства.

Анализ юридической деятельности, позволяет заключить, что невластная составляющая ярко проявляется в рамках использования, соблюдения, исполнения, неофициального толкования, неофициальной инкорпорации, неофициального учета. Правотворческая юридическая техника, на первый взгляд носящая исключительно властный характер, так же проявляет невластное начало, свидетельствующее о работающих механизмах делиберации в нашей стране. Об этом свидетельствуют Указ Президента РФ N167 от 9 февраля 2011 года «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» и Указ Президента РФ №183 от 04 марта 2013 года «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»». Эти нормативные правовые акты ознаменовали вступление в новую фазу взаимодействия социума и власти на пути построения делиберативной демократии. «Рассматривая частный случай делиберативного процесса, можно отметить, что применительно к сфере правообразования речь идет о формализации того многоканального дискурса, который ведет общественность, и переводе его в политическую плоскость принятия

законодательных решений. С позиций такого подхода современное право формируется и совершенствуется в процессе живого, постоянно обновляющегося диалога между парламентом и обществом»⁷.

Готовность граждан к такому диалогу оценивается неоднозначно, поскольку весьма сложно, а порой и невозможно без специальных юридических знаний и властных полномочий участвовать в правовой жизни социума и государства в определенных технико-юридических формах. Представители юридической практики изначально обладают некоторым объемом власти, действуют от имени власти или по властному указанию, в рамках закрепленных властных требований и форм. При этом, невластная составляющая в профессиональной деятельности юриста есть и обусловлена она современным пониманием модели специалиста, включающей требования к функциональной профессиональной пригодности и социально-психологических качеств личности. Проявление личностной составляющей в профессиональной деятельности влияет на специфику востребованных властных и невластных технико-юридических инструментов. Правовая регламентация процесса отбора специалистов в правовой сфере содержит требования властного и невластного характера, позволяющие оценивать функциональный уровень и личностные качества претендентов. К нравственным убеждениям кандидатов обращается пункт «д» статьи 6 Постановления Правительства РФ от 6 декабря 2012 года № 1259 «Об утверждении Правил профессионального отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации», требование высоких моральных качествах судей фиксирует пункт 1 статьи 21 Европейской Конвенции о правах человека.

Социальные неправомерные регуляторы в настоящее время востребованы для широкого спектра отношений, что дает почву для размышлений правоведов о допустимости их перспективного слияния с правом. Профессор Ю.А. Тихомиров, раскрывая свое видение социальной концепции права, отмечал, что «в российском законодательстве социальные регуляторы нашли отражение в содержании экономических и иных отраслей права»⁸. Должное внимание к широкому спектру социальных норм (правовых и неправомерных), позволит эффективно осуществлять правовое регулирование. Указывали

на наличие невластной составляющей Р. Пэнто и М. Гравитц, утверждая, что «в виде правовых норм могут выступать различные социальные нормы»⁹. Рассуждая о нормативном порядке, авторы указывали: «Всякая социальная группа характеризуется соответствующим нормативным порядком. Нормативный порядок политического общества исключительно и безраздельно является правовым. Политическое общество целиком основано на праве. Напротив, нормативный порядок других социальных групп предполагает наличие неправомерных норм. Так, нормативный порядок конгрегации (при принципе отделения церкви от государства) включает в себя правила, не обладающие правовыми свойствами. Нормативный режим семейной группы также является частью правовым, частью неправомерным»¹⁰. Следует признать, что и сегодня характер и специфика социальной группы во многом обуславливают соотношение властных и невластных регуляторов в ее жизни.

Реализация регуляторных установлений представляет собой властное и невластное воплощение правовых предписаний в поведении людей и в общественных отношениях. Специфика использования права зависит от правового статуса гражданина, поскольку именно статус обуславливает осуществление конкретных действий в соответствии с субъективными правами. Здесь представляется значимым отметить важность границ допустимой свободы использования права, устанавливаемых, как властно, так и невластными регуляторами. Исполнение возложенной властно обязанности может выражаться в деяниях, возможно, и не носящих властный характер. При этом, данные деяния могут попадать под действие требований, предусмотренных конкретным властным велением или договором или актом применения права. Взаимопроникновение, неразрывная связь властного и невластного начал в этом случае проявляется особенно ярко. В случае с соблюдением права, чаще всего, не требуется осуществлять специальные действия, прилагать волевые усилия. Достаточным является воздержание от совершения запрещенных государственными властными велениями действий. В ряде случаев граждане соблюдают привычные запреты неосознанно, не ощущая давления некоего силового воздействия от имени государства.

Часто правом определен порядок совершения конкретных, одобряемых государством, действий, вызывающих определенные правовые последствия, а так же форма, объем, перечни документов, сроки или очередность их представления, специфика необходимых согласований, размеры и способы оплаты пошлин, сборов. Несоблюдение этого порядка (полное или частичное) гражданином не является, в силу действующей правовой регламентации, противоправным деянием, но вполне может повлечь негативные последствия для заинтересованного в результате лица, поскольку желаемый юридический результат не наступит. Юридизация отношений в современном российском обществе обусловила наличие технико-юридических требований, правил, несоблюдение которых повлечет невозможность подачи жалобы по истечении срока обжалования, предъявления иска по окончании срока исковой давности, юридический отказ принять копию документа при отсутствии необходимого нотариального заверения. Таким образом, в рамках коммуникации социума и государства невластный отказ гражданина от следования требованиям властного характера может привести к негативным, юридически значимым последствиям.

Технологический прогресс способствует перемещению диалога государства и общества в Интернет, предельно упростивший и ускоривший взаимодействие культур, правовых культур в глобализованном мире. В этих условиях инновационные элементы адаптивно внедряются в жизнь социума и правовую реальность быстро, приводя, порой, к неожиданным воплощениям сочетаний властного и невластного регулятивных начал. Интересным представляется пример социального феномена канселинга (cancel culture), приобретший социальную значимость в 2015-2020 годах. Канселинг представляет собой «культуру отмены», «стирания», невластное удаление из доступного информационного пространства сведений о человеке, бренде, событиях, получивших негативную оценку, исключение таких физических и юридических лиц из коммуникативной среды. В 2019 году словосочетание Cancel Culture было признано «словом года» по версии Macquarie Dictionary¹¹. Перспективным видится осмысление тесной связи этого феномена с правом, выражающейся в прямых и опосредованных, от-

сроченных юридических последствиях канселинга. Причины появления этого инновационного элемента современной цифровизированной коммуникации можно условно разделить на базовые/собственные причины и особенные/деятельностные. Идея зарождения и становления глобального гражданского общества востребовала новые информационные каналы, не только обеспечивающие возможность коммуникации государства и социума, различных социальных сегментов, но и позволяющие снижать напряженность в обществе за счет выплескивания полярных мнений, индивидуальных позиций неприятия. Заметное место в этой нише занял канселинг, как базовая возможность доступного многоуровневого взаимодействия и средство демонстрации и погашения социальной агрессии. Биполярность подавляющего большинства сложных феноменов, позволяет говорить о том, что утвердивший позиции без властного государственного участия cancel culture способен также создавать социальную напряженность, разжигать рознь.

Канселинг (cancel culture) представляет собой «изъятие» неугодного субъекта из культурной (правокультурной) среды социума с помощью специальных невластных технико-социальных приемов и средств дискриминации человека, унижения его чести и достоинства, агрессивного преследования, применения насилия. Общество использует этот специфичный механизм, как своеобразный невластный инструмент воздействия социума на нежелательные, неэтичные, противоправные проявления, который может детерминировать негативные правовые (властные) последствия. Так вслед за, приобретшим массовый характер, осуждением и вариативным порицанием в интернет-пространстве может последовать расторжение с осуждаемым физическим или юридическим лицом договорных отношений, ранее заключенных контрактов, отказ в заключение ранее обусловленного договора или контракта, увольнение, падение уровня продаж продукции и последующее банкротство, бойкотирование продукции, реальная агрессия (угрозы, силового воздействие). Представляется перспективным поиск путей оптимизации и разумное ограничение властными технико-юридическими средствами этого процесса, преломление проблемы толерантности к реальным проявлениям cancel culture, поиск путей

использования канселинга, как инновационного самостоятельного технико-юридического общесоциального средства, сочетающего властное и невластное начала.

В заключение следует отметить ряд доминантных моментов, проявляющих соотношение властного и невластного в юридической технике. В первую очередь следует констатировать взаимозависимость этих начал, обусловленную исторически сложившимся в правовой культуре России и ставшим гармоничным с течением времени соотношением ценностного ориентира «правды»/«справедливости»/«совести» и исходящих от государства нормативных правовых установлений. Ориентация исключительно на властный характер юридической техники не позволяет провести дифференциацию властного и невластного в полной мере. Осознание ценности единства властного и невластного способствует полному проявлению государственного властного начала и гармонизации его деятельности с интересами современного активного общества, готового к участию в политических и юридических процессах. Властное начало в ряде случаев «вбирает» в себя невластное и это следует учитывать при анализе реальной ситуации и правовом прогнозировании. Типично властные виды юридической техники в некоторых случаях могут воплощаться в невластной деятельности. Техничко-юридический инструментарий един для властной и невластной деятельности, но получает особое преломление, способствуя достижению желаемого юридически значимого результата в невластной деятельности. Нельзя недооценивать неправовые социальные регуляторы, поскольку, порой, на них основан технико-юридический аспект регламентации невластной деятельности.

Литература:

1. Баканова Е.А. Технонаука в информационном обществе: социально-философский анализ. Авторкф. дис. канд. философ. наук. 09.00.11. Томск, 2020.
2. Богданович К. О моделях государственности // <http://www.elektron2000.com/> (Дата обращения 11.09.2020)
3. Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография / Г.В. Мальцев. М., 2013.
4. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.
5. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2015. С. 97.
6. Политико-правовая концепция Ю. Хабермаса (с позиций либертарногоправопонимания) / Лапаева В.В. / <http://igpran.ru/articles/2964/>(дата обращения: 15.12.2020).
7. Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев: монография. М., 1017.
8. Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В.М. Баранова. М., 2016.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. // <https://cyberleninka.ru/> (Дата обращения 15.11.2020)

Literature:

1. Bakanova E. A. Technoscience in the information society: socio-philosophical analysis. Autarch. dis. Cand. philosopher. Sciences. 09.00.11. Tomsk, 2020.
2. Bogdanovich K. About models of statehood // <http://www.elektron2000.com/> (Accessed 11.09.2020)
3. Maltsev G. V. Cultural traditions of law: monograph / G. V. Maltsev. M. . 2013.
4. Pento R., Gravitz M. Methods of social sciences. M., 1972.
5. Tikhomirov Yu. A. Law: forecasts and risks: monograph. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 2015. S. 97.
6. Political and legal concept of Yu. Habermas (from the standpoint of libertarianism) / Lapaeva V. V. / <http://igpran.ru/articles/2964/>(accessed: 15.12.2020).
7. Frolova E. A. Methodology and philosophy of law: from Descartes to Russian neo-Kantians: monograph. M., 1017.
8. Yuridicheskaya tekhnika. In 2 vols. Volume 1: textbook for universities / ed. V. M. Baranov. M., 2016.
9. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg, 2000. // <https://cyberleninka.ru/> (Accessed 15.11.2020)

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. // <https://cyberleninka.ru/> (Дата обращения 15.11.2020)

² Баканова Е.А. Технонаука в информационном обществе: социально-философский анализ. Авторкф. дис. канд. философ. наук. 09.00.11. Томск, 2020. С.24.

³ Богданович К. О моделях государственности // <http://www.elektron2000.com/> (Дата обращения 11.09.2020)

⁴ Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев: монография. М., 1017. С.128.

⁵Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография / Г.В. Мальцев. М., 2013. С.6.

⁶Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В.М. Баранова. М., 2016. С. 32.

⁷ Политико-правовая концепция Ю. Хабермаса (с позиций либертарногоправопонимания) / Лапаева В.В. / <http://igpran.ru/articles/2964/>(дата обращения: 15.12.2020).

⁸ Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2015. С. 97.

⁹ Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 54.

¹⁰ Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 59.

¹¹ <https://www.macquariedictionary.com.au/> (Дата обращения 11.12.2020)

THE STATE: ITS ESSENCE AND SOCIAL PURPOSE

ГОСУДАРСТВО: СУЩНОСТЬ И ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Yuliya Alexandrovna Ivanova,

candidate of law, associate Professor, associate Professor of the Department of state and administrative law Russian technological University – MIREA e-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

Nodari Darchoevich Eriashvili,

professor department of the civil and labor law, civil process of the «Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot», doctor of economics, candidate of law, candidate of

Юлия Александровна Иванова,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры государственного и административного права Российского технологического университета – МИРЭА julia-ivanova-77@yandex.ru

Нодари Дарчоевич Эриашвили,

профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор professor60@mail.ru

Для цитирования: Ю.А. Иванова, Н.Д. Эриашвили. Государство: сущность и его социальное назначение // Международный журнал конституционного и государственного права 3/2021. С. 27-34.

Annotation. The question of the essence of the state and the related understanding of its social purpose has always been a subject of discussion. This is due to the fact that the state and its life affect all layers and groups of the population, concerns all public institutions and organizations of their life. The state, like no other institution of society, has the most diverse functions and tasks, combining a variety of interests and goals.

Keywords: state, social state, functions of the state, society

Аннотация. Вопрос о сущности государства и связанным с этим пониманием его социального назначения всегда имел место быть среди дискуссионных. Это связано с тем, что государство и его жизнь затрагивает все слои и группы населения, касается всех общественных институтов и организаций их жизнедеятельности. Государство, как никакой другой институт общества, обладает самыми многообразными функциями и задачами, совмещающая в себе самые разные интересы и цели.

Ключевые слова: государство, социальное государство, функции государства, общество

Проблема происхождения государства исследовалась мыслителями, правоведами с древнейших времен. Философы, историки и юристы на протяжении многих веков предполагали самые разные причины и пути становления государственности.

Политико-правовой науке известны несколько сотен определений государства, сформулированные разными деятелями культуры, политики и права. Их анализ позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся основных положений в определении государства. В их число входит:

- государство – это результат, своеобразный итог деятельности общества;
- общество и государство взаимосвязаны, для общества, в котором есть государство, само государство – это выражение его существования;
- государственно-организованным может считаться только то общество, в котором есть развита система всех областей и отраслей его жизни;

- при любом определении государства следует учитывать также определения всех властных механизмов и институтов, государственного аппарата и его органов.

«Государство – это организация политической суверенной власти, осуществляющая управление социальными, экономическими, политическими, духовными процессами жизни общества».¹ Несмотря на выведенное определение необходимо помнить о том, что само по себе определение термина «государство» всегда будет недостаточно полным, четким и ясным. Недостатком любого определения является то, что оно не может теоретически обосновать все многочисленные сущностные, структурные и функциональные признаки и свойства государства. Это также связано с тем, что общее понятие государства должно вобрать в себе характеристики, привязанные к определенному историческому периоду, общественной формации, идеологии, террито-

рии, религии, национальности. Данная особенность государственного определения позволяет сформировать широкую и разветвленную систему понятий государства на различных уровнях и ступенях обобщенности, которая способствует формированию представления о мировом опыте развития государственного строительства.

В научно-правовой литературе наиболее часто встречающимися признаками государства является:

- наличие определенной территории;
- территориальная организация населения;
- государственная (публичная) власть;
- наличие государственного суверенитета;
- право государственной публичной власти

на взимание налогов.

Анализируя функции государства (способы и формы реализации задач и целей государства), нельзя не отметить, что функции современного государства можно разделять по разным критериям, основаниям и все они значимы и существенны.

Наиболее распространенной является классификация государственных функций на внешние и внутренние. Внутренние и внешние функции взаимозависимы и взаимовозникаемы. Международная политика любого государства определяется условиями и реалиями его внутренней жизни, а внутренняя жизнь является полем для реализации обязательств государства, взятых им на основании международных договоров.

В свою очередь у деления функций государства по внешней и внутренней деятельности существует своя структура. Это связано с тем, что деятельность государства распространяется на все сферы общественной жизни. Поэтому государство осуществляет свои функции в экономической, политической, социальной, культурной, экологических сферах.

Одной из основных задач современного государства является обеспечение функционирования и последовательного развития экономики. Направления экономической деятельности государства довольно разнообразны и широки. Если рассматривать экономическую функцию государства в рамках условий демократии и рыночной экономики, то можно сформулировать две области экономического регулирования.

Во-первых, это законодательное установление и разъяснение субъектов и объектов, принимающих

участие в экономических отношениях, а также их взаимоотношения.

Во-вторых, это регулирование, контроль, охрана и защита социально, политически, экономически значимых форм хозяйственной деятельности с помощью элементов и механизмов, относящихся к мерам государственного экономического характера. В качестве примера мер государственного экономического характера можно привести систему налогообложения, систему кредитования и относящиеся к ней специальные условия, субсидии и различные выплаты.

Особенно важным направлением деятельности любого современного государства является выполнение задач, связанных с его политической функцией. На первом месте стоит такая политическая функция государства как признание и защита прав и свобод человека и гражданина, а также связанные с этим уважение человеческого достоинства и обеспечение условий для развития общества и личности. Свидетельство данной функции можно найти в государственных нормативных правовых актах, закрепляющих права и обязанности человека и гражданина. Следует упомянуть также такую политическую функцию государства как контроль и регулирование политических процессов в обществе, выражаемое в законодательном закреплении системы государственных органов, учреждений, организаций, принципов их взаимодействия.

Не менее значимой функцией государства является социальная функция, именно через нее выражается социальная сущность и назначение государства. Социальная функция государства позволяет сделать вывод о развитости общества и об общественных отношениях, в свою очередь свидетельствующих о связи между данным обществом и самим государством.

Отобразить содержание социальной функции государства можно в следующих положениях:

- поддержка и защита достойного уровня жизни населения;
- оказание социальной помощи и поддержки незащищенным слоям населения (инвалиды, многодетные семьи, пенсионеры, безработные), выражающихся в материальных выплатах и иных способах;
- охрана труда и трудовой деятельности, поддержка профсоюзов и их объединений;

- государственная политика в области поддержки культуры, образования, медицины, а также жилищной сферы.

Выполнение задач, связанных с социальной функцией государства, обеспечивается законодательной и иной нормативной правовой деятельностью, разработкой и осуществлением государственных программ в названных областях.

С социальной функцией государства можно связать другую – экологическую. Экологическая функция на сегодняшний день, является составляющей частью государственной политики в обеспечении населения достойными условиями для жизни и существования.

Данная государственная функция выражается в охране и рациональном использовании природных ресурсов.

Государственными гарантиями регулирования и контроля за пользованием природными ресурсами и обеспечения экологической безопасности в целях поддержания достойной жизни населения являются предупреждение, предотвращение, санкционирование, ликвидация последствий экологически опасных видов деятельности, научный и государственный контроль за качеством окружающей среды, страхование граждан, образование фондов помощи и возмещение вреда, причиненного здоровью и жизни граждан в результате вредных воздействий на окружающую среду, разработка, контроль и охрана экологического законодательства и ответственность, как органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и физических и юридических лиц в вопросах обеспечения благоприятной окружающей среды.

Таким образом, все вышеперечисленные внутренние функции государства позволяют оценивать государство, используя по отношению к нему характеристику правового, демократического и социального.

Успешная реализация внешних государственных функций, также является важным моментом в условиях современного мирового сообщества.

К наиболее значимым внешним функциям государства относятся:

- сотрудничество и обмен знаниями, технологиями, разработками с другими участниками мирового сообщества в социальной, экономической,

военной, экологической, культурной и духовных сферах;

- оборона страны и обеспечение безопасности государственной территории;

- поддержание мира в различных сферах общественной жизни с другими государствами, в том числе предотвращение войн, разоружение (например, ликвидация ядерного и другого оружия массового поражения и уничтожения);

- борьба с международным терроризмом и преступностью;

- оказание посильной помощи странам, пострадавшим по причине чрезвычайных ситуаций и природных действий;

- участие в решении глобальных мировых проблем.

Кроме деления функций государства на внешние и внутренние существуют и другие классификации. Одной из них является деление государственных функций на постоянные и временные. В основе данного разделения лежит время их осуществления. Постоянные функции существуют на всех этапах развития и эволюции государственности, а временные же возникают с учетом особенностей конкретного исторического этапа, периода, а также нужд населения в данный момент.

Также существует классификация на основе форм деятельности государства и государственных органов, функции которых можно разделить на законотворческие, управленческие, судебные, а также контрольно-надзорные.

«Сущность государства представляет собой многогранный стержень, который состоит из множества взаимосвязанных внутренних и внешних сторон, придающих ему качественную определенность универсальной управляющей системы».²

Можно сказать, что сущность государства отражает главные черты, пути развития, внутренние связи и закономерности государства. Юристами, политиками, общественными деятелями и философами было разработано множество теорий о сущности государства. Причиной такого многообразия является то, что, во-первых, сам процесс становления и возникновения государственности очень сложен и многосторонен, что вызывает споры в его понимании. Из этого вытекает вся субъективность восприятия образования государственности, как слож-

ного социального, политического и экономического явления. Во-вторых, причиной разности теорий и мнений является то, что зачастую образование государства исследователями непреднамеренно или преднамеренно смешивается с другими похожими процессами.

Одной из теорий о сущности государства является теория элит, возникшая в начале прошлого века в работах В. Парето и Г. Моски. Содержание данной теории состоит в том, что управление государством должно осуществляться определенной малочисленной группой людей, элитой. Это связано с мнением о том, что народная масса не способна качественно управлять государством, однако наиболее способные ее представители могут войти в состав элиты. Однако у теории элит существуют некоторые минусы, в числе которых отстранение народа от власти, отсутствие гарантированности представления ограниченной группой людей (депутатами, чиновниками, работниками государственного аппарата) реальных интересов и потребностей народа. Устранить же эти недостатки сможет лишь строгий контроль за деятельностью народных представителей, осознание избирательного характера их власти.

Отражением политических взглядов социал-демократов и либералов можно назвать теорию плюралистической демократии. По мнению представителей данной теории, в условиях современного мира общество и государство потеряли смысл деления людей на классы.

На данный момент критерием дифференцированности людей являются страты. Страты – особые объединения людей, образованные по разным общим признакам (возраст, профессия, интересы, место жительства и пребывания, хобби). Таким образом, один человек может быть включен в несколько страт, на основе которых могут создаваться уже политические объединения и организации. Такие групповые отражения политических взглядов людей способны оказывать влияние и давление на официальные органы государственной власти, способствуя тому, что каждый человек окажется включенным в политическую деятельность, сможет участвовать в управлении обществом и государством. Также можно сказать, что так направления политической деятельности будут соответствовать реальным интересам и потребностям людей.

Сущность государства как инструмента для достижения осуществления интересов всех слоев общества и обеспечения всех достойными условиями для жизни выражает теория государства всеобщего благоденствия. Теория государства всеобщего благоденствия возникла в виде антиутопии на фоне разрушительных событий второй мировой войны. Она подчеркивает и отстаивает ценность каждой человеческой жизни, права человека и общества, ставит интересы личности в основу государственного управления и деятельности.

Перечисленные выше теории о сущности государства по отдельности рассматривают вопросы целей государственной власти и средств, методов, функций осуществления государственной деятельности. Однако существует теория, освещающая все эти вопросы, - теория правового государства. Согласно положениям данной теории сущность государства состоит в построении такого государственного строя, в главе которого стоит право, а достижение этой цели производится лишь правовыми способами и методами.

Составить целостное и верное представление о сущности государства возможно только при подробном и тщательном анализе понятий, функций, признаков, форм и режимов данного института жизни общества. Однако все перечисленное относится к тому процессу познания, который включает в себя лишь характеристику государства как отдельно взятого образования, отвечая на вопрос о том, что оно из себя представляет. Проследить же взаимосвязь государства с другими элементами системы общественной жизни, оценить их взаимовлияние, историческое течение и развитие относительно друг друга поможет обращение к факторам, лежащим в основе такого понятия как сущность государства.

К факторам, формирующим сущность государства относятся: политический, экономический, социальный, культурный. Данные факторы охватывают все сферы общества, демонстрируя их значение на примере не только сложности и разветвленности каждой сферы, но и на примере их зависимости друг от друга.

Одним из основных факторов считается политический, сочетающий в себе одну из главных функций и сфер деятельности государства. Политика – важная часть государственной жизни. Она

включает в себя не только производство действий касательно вопросов и явлений общественной жизни, связанных с функционированием государства, но и политическое сознание, политические идеологии, нормы и ценности, политические партии и политические отношения. Политический фактор в своем проявлении довольно сложен и многообразен. В подтверждение данному утверждению можно сказать о том, что политические идеологии, нормы и ценности играют большую роль в определении вектора движения государственной деятельности, они определяют настроения и отношения внутри государства и его политику за пределами своих территорий, подстраивая под себя сознание людей. Политические партии также имеют огромное влияние на характеристику деятельности государства в целом. Они способны не просто оказать воздействие на направления деятельности государства, но и подчинить себе его. В истории нередко встречались случаи, когда политическая партия и государство срачивались в единое образование и аппарат функционирования, в том числе можно сказать об опыте нашего государства, когда Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) являлась правящей партией Союза Советских Социалистических Республик и обладала монопольным и неоспоримым правом на политическую власть, ведение политической деятельности в целом.

Напрямую с политическим фактором связан экономический. Характер и содержание, мотивация индивидуального и коллективного (общественного) труда, наличие и эволюция разных форм собственности, степень развитости научно-технической оснащенности производственной деятельности, методы и средства распределения, материальных благ образуют всю экономическую подоплеку государства, направляют и решающим образом определяют степень возможностей государственной деятельности и содержание его функционирования, адекватно оценивают реальность его суверенитета и структуру государственного аппарата, государственных органов. Сам по себе тип экономической системы (в современной науке, научной литературе выделяют традиционную экономику, командно-административную экономику, рыночную экономику, смешанную экономику) способен определить и охарактеризовать государственную деятельность, а

экономические проблемы, кризисы привести к государственному падению и деградации. Экономический фактор во всех своих выражениях воздействует на сущностное значение государства через понимание экономических процессов, отражая их в сознании как властвующих и управляющих государством, так и в сознании его населения.

Достаточно важным фактором, лежащем в основе определения сущности государства, является социальный. Данный фактор учитывает социальную структуру общества, ее многообразие и разветвленность, развитость и характер внутренних социальных отношений. В подтверждение стоит сказать об обществах и их социальных характеристиках на разных исторических этапах. Социальный фактор менялся и изменялся, подстраиваясь под разные условия, в соответствии с различными эпохами. Проследить данные изменения можно на примере перехода от рабовладельческого общества к феодальному.

Структура и система рабовладельческого общества проста и понятна: существует два класса (рабы и их владельцы), противоположных, антагонистичных друг другу. Само себе социальное сущностное выражение государства не допускает возможности личностного выражения в виде ценности, уплотнения и усложнения отношений. Рабовладельческое государство и общество – тип, характеризуемый четкой классовой структурой, закрытыми социальными группами. Сущность такого государства и содержится в его строгой социальной дифференциации, так как функционирование рабовладельческого типа государства и общества имеет классовый характер.

Иначе построено феодальное общество. Осуществляя переход от рабовладельческого типа к феодальному, общественная социальная система и структура приобрели новые особенности, разделились на новые составляющие.

Однако стоит отметить, что в лице главенствующего класса (феодалов) нередко сосредотачивалась как государственная, так и правовая власть. Такое строение государство и общества лишило их сущностную характеристику динамичности, подвижности. Можно увидеть отделение государственного института от общественного, разрыв и минимизирование связей между ними, несмотря на то, что

данные образования должны максимально взаимодействовать и связываться друг с другом.

Современные общественные и государственные системы (в качестве наиболее часто встречающейся классификации считается необходимым привести индустриальный и постиндустриальный типы общества) не признают деление на классы. Их сущностное выражение довольно динамично и функционально, так как берет в учет дифференциацию, которая основывается не только на различиях в социальном положении, а также включает в себя народ, нации, народности. При этом в современных обществах и государствах придается большое значение личности, межличностным явлениям и отношениям, индивидуальным и групповым (коллективным) интересам. Конечно, приведенные и рассмотренные структуры общества и государства схематичны, однако и они показывают зависимость общества и государства, их сущности, от такого фактора, как социальный.

Влияние на сущность общества и государства оказывает также культурный фактор, так как государство – это не только политическое, экономическое и социальное явление, но и культурное. Государство и его образование – особая часть культурной жизни общества, переплетающаяся с остальными сферами жизни. Культурный фактор можно свести к идее личности и ее выражения, проявления. Культура провозглашает человека, его права и достоинства в качестве наивысшей ценности. Именно это и проявляется во влиянии культурного фактора на государственные ориентиры и формы, средства его деятельности.

Помимо политического, экономического, социального и культурного фактора существует и множество других. К ним стоит отнести морально-нравственный, национальный, религиозный и многие другие. Факторы, лежащие в основе формирования сущности государства меняются в зависимости от того исторического этапа, на котором находится общество. К примеру, современному миру присущ такой процесс, как глобализационный, проникший во все сферы общественной жизни и деятельности. Все государства мира формируют свою политику во всех областях с учетом глобализационного фактора, что, в свою очередь, влияет на их сущность.

Анализ факторов сущности государства позволяет доказать и подтвердить положение о том, что методологический, научный и теоретический образ государства возможно собрать лишь тогда, когда при этом будут рассматриваться другие аспекты и составные части жизни общества. Важным правилом будет являться также и то, что при оценке и классификации различных факторов необходимо помнить об их равнозначности.

Факторный анализ демонстрирует динамичность общества и государства, их изменчивость и противоречивость, а данные характеристики позволяют определить природу и сущность государства в целом, его содержательные и функциональные стороны.

С понятием сущности государства связано понятие социального государства. Социальное государство представляет собой особый тип высоко развитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности. Основной целью социального государства является проведение социальной политики, направленной на обеспечение достойных условий жизни всех слоев населения.

В течение исторического развития государства и общества сложилось несколько разных моделей социального государства. В современном мире наиболее часто встречаемая модель, социального государства - в которой, само общество выступает в лице основного носителя ответственности за судьбу граждан. Данная модель демонстрирует значение гражданского общества как института жизни общества и государства. Роль государства состоит в перераспределении бюджета, состоящего из налоговых отчислений, на разные направления социальной политики, с помощью участия частных институтов, на которых лежит вспомогательная функция.

Несмотря на различия в распределении ролей, в основе деятельности всех социальных государств лежат некоторые общие принципы:

- социальное партнерство, признание автономии предпринимателей, предпринимательских

объединений, лиц наемного труда, содержащееся в экономической свободе человека;

- признание роли рынка в социальной политике, выражающейся в спросе, предложении, конкуренции и ценообразовании при должном контроле рыночных процессов государством;
- социальная справедливость, ее поддержка обществом, и государством.

Опираясь на вынесенные принципы функционирования социального государства, можно сформулировать ряд положений, характеризующих его.

Одним из них является положение о том, что частная собственность играет важную роль в жизни человека, обеспечивая ему материальную опору для поддержания и улучшения собственного благосостояния.

Следующим важным положением является социальное партнерство, определение которого содержится в Трудовом кодексе Российской Федерации: «социальное партнерство в сфере труда (далее - социальное партнерство) - система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений»³. Однако нормы, регулирующие социальное партнерство относятся только к сфере трудовых отношений, что создает определенную преграду для его полного понимания, так как сфера взаимодействия гражданина и государства многообразна и сложна.

Среди положений о социальном государстве следует сказать об обеспечении социального и экономического равенства среди индивидов и их общностей. В основе данного положения лежат неотчуждаемые (естественные) права человека в социальной и экономических сферах общественной жизни. Установление верховенства этих прав способствует установлению в обществе и государстве социальной справедливости – важнейшего теоретического и практического постулата социального государства.

У социального государства есть главная задача, выражающаяся в достижении того уровня обще-

ственного развития, которое опирается на принципы и правила социальной справедливости, закрепленных правом и защищаемых государством. Социальное государство обязано предоставлять поддержку всем слоям населения, обеспечить всем достойные условия для жизни и деятельности, уделяя особое внимание тем, кто в этом нуждается.

Согласно Конституции Российской Федерации, Россия – социальное государство. В Российской Федерации реализуется принцип разделения властей на ветви, принцип обеспечения свободных выборов и правовое закрепление прав граждан в экономических, политических и социальных сферах. Однако зачастую разработанные социальные программы поддержки и социального обеспечения граждан не работают или оказываются неэффективными. На данный момент Российская Федерация находится на неоконченном этапе формирования социального государства и нуждается в разработке более эффективных программ социального обеспечения и поддержки, динамично подстраивающихся под разные экономические и политические условия.

Многие функции социального государства совпадают с функциями государства в целом, однако функции, присущие конкретно социальному государству оказывают влияние на остальные, подстраивая их под себя. Такое преломление функциональной системы государства позволяет судить о его общем социальном назначении.

Социальное государство обладает также и особыми, специфическими, функциями, характеризующими именно его. Среди специфических функций социального государства можно выделить следующие:

- социальная защита и поддержка наиболее незащищенных слоев населения (пожилые граждане, многодетные семьи, лица с ограниченными возможностями, многодетные семьи и другие);
- охрана труда и здоровья всех граждан;
- защит и поддержка детства, отцовства и материнства;
- разработка и проведение специальных социальных программ, способствующих сглаживанию и уменьшению социального неравенства;
- поддержка фондов и организаций, занимающихся благотворительной деятельностью;

- поддержка организаций, занимающихся научными исследованиями и изысканиями, культурными программами и культурной деятельностью;
- поддержка и контроль за трудовой занятостью населения и безработицей;
- обеспечение взаимодействия между экономической сферой государственной деятельности и течением и развитием рыночной экономики, нуждающейся в определенной свободе, в вопросе укрепления и совершенствования условий жизни для граждан;
- участие на международной арене в вопросах решения мировых общечеловеческих проблем и в вопросах сохранения и защиты мира во всем мировом сообществе.

Однако стоит отметить, что не каждое государство может считаться социальным. Для того, чтобы государству был присвоен статус социального, оно должно обладать определенными признаками, должна быть прочная демократическая система организации власти и государственных институтов. Демократические условия определяют главенство прав и свобод человека и гражданина – основного постулата социального государства.

Для функционирования социального государства ему необходимо обладать также и такой характеристикой, как высокий нравственный, моральный и культурный уровень сознания граждан, также включающий в себя и правосознание. Социальное государство должно иметь хороший уровень экономического развития с прочной системой экономических отношений между разными общественными и государственными институтами, частными и юридическими лицами. Данный признак необходим для четкого перераспределения расходов и доходов в государстве. Нужно выделить также то, что сама по себе структура и система экономики, экономических отношений должны быть социально ориентированными.

Для того, чтобы государство могло считаться социальным, отношения и взаимодействия в нем должны быть полностью подчинены нормам права, соответствовать ему, иначе говоря, оно должно быть правовым. Из правового государства вытекает институт гражданского общества, также присущий и необходимый социальному государству.

Социальное государство обладает определенными целями, которые тоже можно назвать неотъемлемым его признаком. Цель и назначение социального государства состоит в установлении всеобщего блага, утверждении социальной справедливости и устранении социального неравенства, обеспечении

граждан достойными условиями жизни и труда, социальной защищенностью и равными условиями для самореализации.

Среди признаков социального государства хотелось бы выделить наличие точного, четкого социального законодательства, обеспечивающего государственный правовой контроль над реализацией социальной политики государства. Из данного признака вытекает положение о том, что существует некая необходимость конституционно закрепить государством статус социального (например, данное положение прописано в Конституции Российской Федерации).

Необходимо отметить, что современное социальное государство направлено в первую очередь, на правовое урегулирование сферы социальных отношений путем гуманизации общества в целом. Социальное государство, его основное назначение состоит в обязательном обеспечении блага индивида, выражаемом в предоставлении ему социальной безопасности, материальной свободы и поддержки, а также достойных условий существования.

Литература

1. Абдулаев М. И. Теория государства и права. Учебник. // М. И. Абдулаев. – СПб: Питер, 2012. – 396 с.
2. Иванова Ю.А., Функции современного российского государства: актуальные аспекты. Журнал Государственная служба и кадры №4. 2015. С.33-35.
3. Марченко М. Н. / Теория государства и права: Учебник / М.: Издательство «Зерцало», 2019. – 720 с.
4. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. // Под редакцией В. М. Карельского, В. Д. Перевалова. М.: Норма – М.: 2012. 355 с.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001. № 197-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 года) // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - № 1. - Ст. 23.
6. Эриашвили Н.Д., О генезисе федерализма в Российской Федерации. Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 1. С. 105-108.
7. Эриашвили Н.Д., О федеративном устройстве Российской Федерации. Образование и право. 2019. №1. С.40-43.

¹ Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. // Под редакцией В. М. Карельского и В. Д. Перевалова. М.: Норма – М., 2012. 355 с..

² Абдулаев М. И. Теория государства и права. Учебник. // М. И. Абдулаев. – СПб: Питер, 2012. – 396 с..

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001. № 197-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 года) // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - № 1. - Ст. 23.

CULTURE AND LAW: THE PROBLEM OF CORRELATION
IN THE RUSSIAN FEDERATIONКУЛЬТУРА И ПРАВО: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Alexandra Alexandrovna Kalgina,

Candidate of Law Sciences, associate professor, manager
departments of civil and arbitral procedure Moscow state institute
international relations (University) MFA of Russia
e-mail: AleksandraNauka6@yandex.ru

Александра Александровна Кальгина,

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса
Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России
AleksandraNauka6@yandex.ru

Для цитирования: А.А. Кальгина. Культура и право: проблема соотношения в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 35-37.

Annotation. In the article, when analyzing the legal literature and normative legal acts, several judgments are made about the relationship between culture and law: right as a universal regulator of social relations can and should be used in determining the contents of culture; the optimal combination of culture and law assumes the existence of a single normative legal act that is specifically designed to control the culture, laws and regulations designed to regulate culture can be re-adopted Federal law «On culture in the Russian Federation»; all other regulatory legal acts of the culture may not contradict the hypothetical Federal law «On culture in the Russian Federation».

Keywords: Russian Federation, legislation, international treaty, Constitution of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation, «Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on culture» of October 9, 1992, law, culture, regulation, correlation

Аннотация. В статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов о соотношении культуры и права высказано несколько суждений: право, как универсальный регулятор общественных отношений, может и должно использоваться при определении содержания культуры; оптимальное сочетание культуры и права предполагает наличие единого нормативного правового акта, специально предназначенного для регулирования культуры; нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования культуры, может быть вновь принятый Федеральный закон РФ «О культуре в Российской Федерации»; все иные нормативные правовые акты о культуре не могут противоречить гипотетическому Федеральному закону РФ «О культуре в Российской Федерации».

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, международный договор, Конституция РФ, федеральный закон РФ, «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г., право, культура, регулирование, соотношение

Предметом данной статьи является соотношение культуры и права в Российской Федерации¹.

Первоначально о состоянии теории.

Так, авторами – единомышленниками (Н.А. Славова и В.А. Чвякин) «определены и проанализированы основные элементы правовой культуры общества, а также ее роль в развитии общества и правового государства» («Таким образом, правовая культура – это состояние общества, которое характеризуется формированием культурно-правовых ценностей, сложившихся в определенном национально-правовом пространстве, и выражается в реальности, эффективности, совершенстве действующего законодательства, режиме законности в законотворческой, правореализационной, правоприменительной деятельности, стабильности правопорядка и высоком уровне воспитания общества. Степень правовой культуры всегда обусловлена со-

гласованностью ее элементов (правовые взгляды, уровень совершенства законодательства, качество правоприменительной деятельности, стабильность правопорядка, уровень правового воспитания)»; «Социологические показатели культуры права свидетельствуют о том, что само это понятие не безразлично для граждан и имеет большой потенциал для развития. Поэтому целесообразно уделять дополнительное внимание для формирования у граждан основ правовой культуры с учетом согласованности всех ее элементов»².

О.Г. Остапец проанализировала «состояние правовой культуры населения муниципальных образований в сфере местного самоуправления, определяются причины, препятствующие эффективному развитию института местного самоуправления на современном этапе, обосновывается необходимость системного подхода со стороны региональных и

местных властей к решению проблемы, связанной с просветительской деятельностью в сфере местного самоуправления» («Следовательно, для развития правовой культуры, инициативности и самостоятельности местного сообщества приоритетным становится формирование эффективной системы всеобщего, непрерывного и последовательного правового просвещения в сфере местного самоуправления в рамках целевых программ, финансируемых в полном объеме из бюджетов соответствующих уровней»)³.

Статья А.А. Жегалова «посвящена исследованию взаимосвязи местных и общенациональных традиций, их влияния на формирование муниципально-правовой культуры, а также современного состояния правового регулирования местного самоуправления и востребованности форм непосредственной демократии в российском обществе» («Российское общество должно найти собственные действенные механизмы взаимодействия власти и населения, и в данных взаимоотношениях, на наш взгляд, в условиях демократического правления народ должен иметь возможность оказывать большее воздействие на государственную власть»)⁴.

Д.В. Жуков исследовал «понятие "культурные ценности"» («Итак, следует признать, что концепции "культурных прав" и "культурных ценностей" не являются сегодня сложившимися окончательно понятиями, а находятся в самом начале своего развития. Международное право продолжает играть векторную роль, устанавливая универсальные права и свободы человека и гражданина в области культурных прав, определяя их содержание и устанавливая единообразное регулирование. Задачей каждого государства является не только их детализация в национальном законодательстве, но и их практическая реализация в целях сохранения и рационального использования своего культурного наследия. Вместе с тем неустоявшаяся концепция понятия "культурные ценности" в Российской Федерации, а также в странах СНГ, где одни категории культурных ценностей относятся к имуществу, а другие - к нематериальным благам, позволяет предположить, что проблема классификации объектов права собственности на культурные ценности двух типов - блага и вещи - дело ближайшего будущего. Представляется, что обращение к опыту европейских стран сможет

помочь выработать соответствующие механизмы защиты культурных ценностей и, соответственно, решить вопросы права доступа к ним как гарантированную государством конституционную возможность, обеспечивающую культурное развитие личности»)⁵.

В правовой литературе указывается на тесную связь права и социальных возможностей человека (включая его возможности пользования благами культуры), в т.ч. посредством связи правового и социального статусов человека⁶.

Не столь совершенные результаты научных изысканий относительно соотношения культуры и права определяют и несовершенство законодательства Российской Федерации.

Первоначально обращаемся к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой⁷: к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.⁸: «1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. 2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. 3. Скрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом» - ст. 41; «1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом. 2. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. 3. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» - ст. 44; «1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего

в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. 2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. 3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. 4. Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством» - ст. 68; «1. Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. 2. Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия. 3. Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» - ст. 69.

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

Так, в преамбуле нормативного правового акта с трудно определяемым местом в системе нормативных правовых актов Российской Федерации – «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г.⁹ - закреплено следующее положение: «Руководствуясь Конституцией (Основным Законом) Российской Федерации, Федеративным договором, нормами международного права, признавая основополагающую роль культуры в развитии и самореализации личности, гуманизации общества и сохранении национальной самобытности народов, утверждении их достоинства, отмечая неразрывную связь создания и сохранения культурных ценностей, приобщения к ним всех граждан с социально-экономическим прогрессом, развитием демократии, укреплением целостности и суверенитета Российской Федерации, выражая стремление к межнациональному культурному сотрудничеству и интеграции отечественной культуры в мировую культуру, Верховный Совет Российской Федерации принимает настоящие Основы законода-

тельства о культуре ... в качестве правовой базы сохранения и развития культуры в России».

Таким образом, относительно культуры и права необходимо продолжение поиска критериев их оптимального сочетания.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, право, как универсальный регулятор общественных отношений, может и должно использоваться при определении содержания культуры.

Во-вторых, оптимальное сочетание культуры и права предполагает наличие единого нормативного правового акта, специально предназначенного для регулирования культуры.

В-третьих, нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования культуры, может быть вновь принятый Федеральный закон РФ «О культуре в Российской Федерации».

В-четвертых, все иные нормативные правовые акты о культуре не могут противоречить гипотетическому Федеральному закону РФ «О культуре в Российской Федерации».

¹ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

² См.: Славова Н.А., Чвякин В.А. Правовая культура как фактор эффективного развития общества и государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6. С. 11 - 16.

³ Остапец О.Г. Пути повышения правовой культуры населения муниципальных образований // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 15 - 19.

⁴ Жегалова А.А. Общациональные и местные традиции в муниципально-правовой культуре России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 52 - 54.

⁵ Жуков Д.В. Право на доступ к культурным ценностям: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 81 - 86.

⁶ Смирнов С.Н. Правовой и социальный статусы человека: проблема соотношения понятий // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 1. С. 124 - 126.

⁷ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

⁸ См.: РГ. 2020. 4 июля. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

⁹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615; СЗ РФ, 1999. № 26. Ст. 3172; ...; 2020. № 14 (часть I). Ст. 2028.

ON THE REGULATION OF LEGAL IDEOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

О РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Alexey Yurevich Kirsanov,
Senior Researcher, Candidate of Legal Sciences
Scientific-research institute of education and science

Алексей Юрьевич Кирсанов,
старший научный сотрудник, кандидат юридических наук, Научно-исследовательский институт образования и науки

Для цитирования: А.Ю. Кирсанов. О регулировании правовой идеологии в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 38-40.

Annotation. In the article, when analyzing the legal literature and normative legal acts on the regulation of legal ideology in the Russian Federation, several judgments are made: reforming the legislation of the Russian Federation, regardless of its industry, involves normative consolidation of normative legal acts established and generally accepted ideological positions; a well-established and common ideological position, it is advisable to consolidate the Federal constitutional laws of the Russian Federation, the Federal laws of the Russian Federation in the form of annotations to the named varieties of normative legal acts.

Keywords: Russian Federation, legislation, Constitution of the Russian Federation, federal constitutional law of the Russian Federation, federal law of the Russian Federation, subordinate normative legal act, law, ideology, moral principles

Аннотация. В статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов о регулировании правовой идеологии в Российской Федерации несколько суждений: реформирование законодательства Российской Федерации, независимо от его отраслевой принадлежности, предполагает нормативное закрепление в нормативных правовых актов устоявшихся и общепринятых идеологических положений; устоявшиеся и общепринятые идеологические положения целесообразно закреплять в федеральных конституционных законах РФ, в федеральных законах РФ в виде аннотаций к названным разновидностям нормативных правовых актов.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, Конституция РФ, федеральный конституционный закон РФ, федеральный закон РФ, подзаконный нормативный правовой акт, право, идеология, нравственные начала

Предметом данной статьи является идеология и ее правовое регулирование в Российской Федерации¹.

Первоначально о состоянии теории.

Так, Н.В. Акимовой рассмотрена «проблема идеологической основы правовой политики, реализуемой в отношении криминальной сферы» и при этом отмечено то, что «ее деидеологизация приводит к бессистемности и малоэффективности, особенно заметным на фоне неблагоприятных тенденций в развитии криминальной сферы современного российского общества» («Представляется, что для того, чтобы оградить законопослушное население от непрекращающегося роста преступности, следует наряду с традиционными средствами воздействия использовать растущую популярность религии и влияние церкви, которое она имеет на людей.

Обращение к нравственным аспектам преступления и наказания позволит обеспечить более глубокое проникновение уголовного права в общественное и индивидуальное правосознание и, как следствие, будет способствовать, вполне вероятно, эффективному применению закона. И в этом смыс-

ле следует подчеркнуть такую взаимосвязь синергетического плана, как нравственность, формирующая право, и закон, который, в свою очередь, формируется под воздействием правовых воззрений, проникнутых нравственностью»².

А.А. Беседин провел анализ «ключевых идей, положенных в основу легитимации государственной власти средствами и механизмами правовой идеологии»: «Подводя итог соображениям, предложенным в настоящей статье, следует указать на то, что легитимация государственной власти является одной из основных задач правовой идеологии.

Легитимность есть важное свойство государственной власти (но не власти вообще), потеряв которое она более не сможет существовать в обществе.

Легитимация государственной власти посредством правовой идеологии возможна через актуализацию системообразующих идей правовой идеологии (в частности, идей справедливости и порядка). Идея свободы как системообразующая идея правовой идеологии и идея безопасности также содержат в себе легитимационный потенциал»³.

А.Л. Бредихин рассмотрел «связь идеологической функции государства и государственного режима» («Несоответствие государственного режима идеологическим установкам конституции еще может свидетельствовать о расхождении юридической и фактической конституции <6>. Впрочем, наличие фактической конституции в противовес юридической не поддается юридическому анализу и является субъективной оценкой политической системы. Задача идеологической функции государства состоит в устранении такого несоответствия»)⁴.

Авторы – единомышленники (М.В. Бавсун и В.В. Векленко), рассмотрев влияние «идеологии на формирование средств уголовно-правового воздействия на преступность», внимание уделили «исследованию зависимости ее основных показателей от доминирующей в обществе системы ценностей» и на основании чего сформулировали вывод «о необходимости закрепления идеологических основ непосредственно в тексте уголовного закона»⁵. Некоторые авторы обращают внимание на несовершенство термина «уголовный закон»⁶.

И. Тенберга обосновала следующее суждение: «Сегодня Исламский банк развития проводит последовательную политику вывода исламского банковского дела за пределы стран исламского мира ("дар аль-ислам" (dar al-Islam)). Его главной целью является формирование исламской финансовой системы на религиозных началах и расширение границ экономического влияния коммерческих банков, осуществляющих свою деятельность без взимания и выплаты процентов, на финансовую повестку дня, в том числе в немусульманских юрисдикциях. В данной статье автор раскрывает идеологически-правовые основы исламского банковского дела и базовые аспекты, объясняющие природу денег в исламской традиции, а также поднимает вопрос о перспективах становления беспроцентной банковской деятельности в России» («Анализ перспектив становления беспроцентного банковского дела в Российской Федерации показал следующее: во-первых, имплементация альтернативных банковских инструментов наподобие исламских возможна при создании обособленного банковского сектора, поскольку это предоставит российским гражданам возможность, исходя из экономической целесообразности и этических предпочтений, вне зависимости от вероис-

поведания сделать выбор: вступать в договорные отношения на процентной или беспроцентной основе. Сегодня физические и юридические лица в России лишены права выбора, поскольку действующее законодательство блокирует возможность привлечения банковских вкладов на инвестиционно-доверительной основе и распределения их посредством инвестиций в неспекулятивные активы; во-вторых, для создания коммерческих банков нового типа в качестве альтернативы процентным банковским механизмам необходимо принять федеральный закон, регламентирующий инвестиционно-доверительную банковскую деятельность; в-третьих, для осуществления банковской деятельности на доверительно-инвестиционной основе не обойтись без заимствования частноправовой конструкции траста в форме одной из уже существующих в континентальном праве вариаций на эту тему или их комбинации»⁷.

За пределами юридической науки в научной литературе зачастую уделяется мало внимания рассмотрению роли правовой идеологии и права вообще при анализе политической, экономической и социальной сфер жизни общества. Даже авторы теорий, предполагающих исследование данных вопросов на национальном или глобальном уровнях, нередко обходятся без анализа государственного воздействия, в т.ч. государственного сферы идеологии⁸.

Не столь совершенные результаты научных изысканий относительно регулирования правовой идеологии определяют и несовершенство законодательства Российской Федерации об идеологии.

Первоначально обращаемся к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой⁹: к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.¹⁰: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность. 4. Общественные объединения равны перед законом. 5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» - ст. 13.

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

Так, приказом Росмолодежи «Об утверждении Методических рекомендаций по противодействию распространению идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде в субъектах Российской Федерации» № 91 от 29 марта 2018 г.¹¹ утверждены Методические рекомендации по противодействию распространения идеологии терроризма в молодежной среде в субъектах Российской Федерации («Настоящие методические рекомендации разработаны с целью совершенствования работы по исполнению Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013 - 2018 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации 26 апреля 2013 г. N Пр-1069, в части работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, реализующих государственную молодежную политику, а также Системой показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, реализующих государственную молодежную политику, утвержденной приказом Федерального агентства по делам молодежи от 21 марта 2016 г. N 54» - п. 1 «Общие положения»).

Приказом Минспорта РФ «О реализации Министерством спорта Российской Федерации в 2020 году мероприятий Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 - 2023 годы» № 3 от 14 января 2020 г.¹² утвержден План на 2020 год по реализации Министерством спорта Российской Федерации мероприятий Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 - 2023 годы («1. Мероприятия организационно-правового характера по противодействию и профилактике идеологии терроризма»; «2. Мероприятия с организациями, подведомственными Министерству спорта Российской Федерации, общероссийскими спортивными федерациями по видам спорта, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта по противодействию и профилактике идеологии терроризма, включая сбор и обобщение информации по вопросам реализации мероприятий Комплексного плана»).

Таким образом, идеология может регулироваться в нормативных правовых актах.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, реформирование законодательства Российской Федерации, независимо от его отраслевой принадлежности, предполагает нормативное закрепление в нормативных правовых актов устоявшихся и общепринятых идеологических положений.

Во-вторых, устоявшиеся и общепринятые идеологические положения целесообразно закреплять в федеральных конституционных законах РФ, в федеральных законах РФ в виде аннотаций к названным разновидностям нормативных правовых актов.

¹ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

² Акимова Н.В. Государственная идеология как неотъемлемый элемент современной правовой политики, осуществляемой в отношении криминальной сферы российского общества // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. N 9. С. 11 - 15.

³ Беседин А.А. Значение правовой идеологии в решении задачи легитимации государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 3. С. 8 - 11.

⁴ Бредихин А.Л. Идеологическая функция государства и государственный режим // Конституционное и муниципальное право. 2020. N 3. С. 8 - 9.

⁵ См.: Бавсун М.В., Векленко В.В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. N 5. С. 131 - 138.

⁶ Подробнее об см., например: Галузо В.Н. О системе уголовного законодательства в Российской Федерации / Конвенционные начала в уголовном праве: Международная научно-практическая конференция 22 ноября 2013 года / Отв. ред. Б.В. Яценко. М.: РПА Минюста России, 2014. С. 99-104; он же: «Уголовный закон» или «уголовное законодательство» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов / Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: Сборник материалов международной научно-практической конференции, 23 мая 2014 г. / Науч. ред. С.Л. Никонович. Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. С. 74-78; Галузо В.Н., Никонович С.Л. Уголовное законодательство в системе законодательства Российской Федерации / Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Волгоград, 14-15 мая 2015 г. / Отв. ред. В.И. Третьяков. Краснослободск (Волгоградская область): ИП Головченко Е.А., 2015. С. 117-123.

⁷ Тенберга И. Идеологическая и правовая составляющая исламского банковского дела и процесс становления беспроцентной банковской деятельности в России в условиях развертывания санкционной политики // Закон. 2019. N 3. С. 116 - 137.

⁸ Смирнов С.Н. К вопросу о типизации моделей социальной стратификации стран мира (краткий обзор некоторых концепций и авторский комментарий) // Социология и право. 2020. № 3 (49). С. 65 - 75.

⁹ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

¹⁰ См.: РГ. 2020. 4 июля. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

¹¹ В официальных источниках не публиковался.

¹² В официальных источниках не публиковался.

PROBLEMS OF FORMATION OF TECHNICAL AND LEGAL CULTURE
IN MODERN RUSSIAN SOCIETYПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ольга Борисовна Купцова,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры

трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

(603105, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4)

Olga Borisovna Kuptsova,

associate Professor, Department of Labor and Environmental Law, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod state University, PhD in law, associate Professor

E-mail: olga.kuptsova@mail.ru

Для цитирования: Купцова О.Б. Проблемы формирования технико-юридической культуры в современном российском обществе // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 41-45.

Abstract. This article analyzes the conceptual foundations of technical and legal culture, its axiological basis. Technical and legal culture is manifested in the formation, transmission, and preservation of legal values that serve as a guide for legally significant behavior in creating and changing normative legal, interpretative, law enforcement, and legal systematizing acts. Attention is focused on the mutual connection of technical and legal culture with legal culture, the main problems of its formation are investigated.

Keywords: legal culture, legal technic, technical and legal culture.

Аннотация. В данной статье осуществлен анализ понятийных оснований технико-юридической культуры с точки зрения ее аксиологического базиса. Техничко-юридическая культура проявляется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения по созданию и изменению нормативных правовых, интерпретационных, правоприменительных и правосистематизирующих актов. Акцентировано внимание на взаимной связи технико-юридической культуры с правовой культурой, исследованы основные проблемы ее формирования.

Ключевые слова: правовая культура, юридическая техника, технико-юридическая культура

Современный этап существования правовой культуры характеризуется выработкой ее видоизмененной концепции на основе развития предшествующих юридических знаний, возрождения некоторых традиций и внесения новаций на основе активно формирующегося постиндустриального общества и активно осуществляемой цифровизации социума.

Учитывая существенный опыт доктринального и научно практического исследования требований к созданию различных видов правовых актов, разрабатываемых в русле нижегородской научной школы под руководством В.М. Баранова «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческого процесса России (история, теория, практика)», их накопление, популяризацию и возможности активного внедрения в юридическую практику, есть основания полагать, что можно вести речь о самостоятельном правовом явлении - элементе правовой культуры – технико-юридической культуре. Предпосылки к ее выделению постепен-

но складывались на протяжении определенного количества времени, и в последнее время целый ряд исследователей в той или иной мере раскрывали ее аспекты. Так, например, В.М. Баранов ведет речь о законотворческой культуре¹, Г.А. Тосунян и Л.В. Санникова исследуют культуру правотворчества², Л.А. Петручак выделяет культуру правотворческой деятельности и правоприменения³, С.Н. Болдырев выделяет культуру юридической техники⁴ и этот перечень можно продолжить.

Существуют научные мнения, в соответствии с которыми, уровень развития юридической техники представляется лишь как один из показателей правовой культуры общества. Вместе с тем, как справедливо отмечает Е.Ф. Усманова, юридическая техника рассматривается как средство повышения уровня правовой культуры лишь с точки зрения узкого ее понимания⁵.

Учитывая тот факт, что однозначно определить понятие культуры в настоящее время невозможно по причине широкого спектра подходов к трактов-

ке данного феномена, за основу примем наиболее распространенную позицию, которая, кроме того, привлекает своей эффективностью применительно к анализу трансформируемой действительности. В современных научных исследованиях начинает доминировать ценностный (аксиологический) подход, который позволяет относить к культуре не всю человеческую деятельность и ее результаты, а только то, что является благом, определенной ценностью для индивидов и их общностей⁶. Кроме того, как справедливо отмечал Г.П. Выжлецов, обосновавший концепцию аксиологии культуры, ценностное учение о культуре в отличие от множества других теоретических подходов к ней, позволяют увидеть культуру изнутри⁷. С точки зрения данной концепции в общем абстрактном понимании правовая культура представляет собой совокупность правовых ценностей, выработанных человечеством, отражающих прогрессивно-правовое развитие общества.

Множество подходов к определению специфики и содержания ценностей располагаются между крайностями субъективно-релятивистских и объективно-абсолютистских концепций⁸. Вместе с тем, правовые ценности выступают в качестве критериев оценки реально существующих правовых явлений и процессов⁹. Учитывая, что технико-юридическая культура в рассматриваемом аспекте является составным элементом правовой культуры, есть основания полагать, что ценности ее являются в определенной степени развитием правокультурных аксиологических конструкций в целом.

Правовые ценности достаточно многообразны, причем ценности технико-юридической культуры являются производными от основных правовых ценностей. Так, например, справедливость и законность как правовые ценности находят выражение в аксиологических конструкциях справедливости нормативных правовых актов или законности правоприменительных актов. При этом существенную роль в их формировании играет юридино-технический инструментарий.

Технико-юридическая культура проявляется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения по созданию и изменению норма-

тивных правовых, интерпретационных, правоприменительных и правосистематизирующих актов.

Технико-юридическую культуру можно разделить на виды в соответствии с выделяемыми разновидностями юридической техники – правотворческую, правоинтерпретационную, правоприменительную, правосистематизирующую и другие. Обращаясь к анализу проблем формирования исследуемого правового феномена, отметим важнейшие из них в соответствии с указанными типологическими группами.

Проблемы правотворческой юридической техники в той или иной степени детализации неоднократно рассматривались в научных исследованиях. Общий весомый недостаток технико-юридической культуры в правотворчестве – это отсутствие большого количества специалистов, которые могли бы подготовить качественные нормативные правовые акты, обладая при этом необходимыми профессионально сформированными знаниями в этой сфере и развитым профессиональным технико-юридическим сознанием, которое отражает отношение к требованиям подготовки нормативных правовых актов, специалистов, обладающих осознанием значимости подготовки качественных нормативных документов и роли их в эффективном правовом регулировании. Профессор В.М. Баранов справедливо и своевременно предлагает ввести профессиональную подготовку по специальности «Нормрайтер» для будущих юристов, так как в России нет особого слоя людей, которых специально готовили бы для правотворческой работы¹⁰.

Технико-юридическая культура данной категории субъектов тесно связана в первую очередь с умениями формулирования качественных законодательных дефиниций. Не отрицая наличие неплохого уровня правовых установлений, содержащихся в современном нормативном массиве, следует отметить, что значительное количество составляющих легального дефинитивного ряда с точки зрения технико-юридических требований нуждаются в совершенствовании. Недостатки, которые в них содержатся, в ряде случаев могут повлечь за собой снижение эффективности правоприменения, затруднения в системном толковании норм права, а также вызывать необходимость дополнительной правовой интерпретации и внесения изменений.

Учитывая уровень требований к законотворческим процедурам, этот процесс будет занимать достаточно длительный период времени и повлечет за собой возникновение ситуации правовой неопределенности, возможно даже пробельности в правовом регулировании. Использование правил юридической техники в процессе создания и совершенствования различных видов нормативных правовых актов является конструктивной тенденцией современной правовой действительности, и ее необходимо поддерживать.

Еще одна проблема правотворческой технико-юридической культуры – это формирование позитивного отношения к использованию иноязычной лексики в текстах нормативных правовых актов. Это является отражением не только развивающейся правовой культуры общества, которая характеризуется возрождением традиций латинской юридической терминологии в языке права и языке правовой доктрины, но и является следствием развития лингвистической культуры, которая в условиях цифровизации общественных отношений отличается активным внедрением в словарный запас иноязычной лексики, например, таких терминов как «майнинг», «криптовалюта» и т.д. В этом случае так же необходимо уделять внимание реализации комплекса мероприятий по формированию общественного и профессионального сознания. Уместно и эффективно используемые иноязычные заимствования являются факторами развития права, способствуя повышению уровня точности и речевой экономии правовых предписаний, обогащению его новыми элементами, что в конечном итоге повысит качественный уровень нормативных установлений.

Среди проблем правоинтерпретационной технико-юридической культуры следует отметить недостаточный уровень готовности субъектов права к эффективной интерпретации, в частности, к эффективному мониторингу в этой сфере. В подтверждение этому можно привести пример с толкованием дефиниции «фискальный сбор» в экологическом праве. Она была введена определением Конституционного Суда РФ от 10.12.2002 № 284-О¹¹, который сформулировал положение о том, что платежи за негативное воздействие на окружающую среду носят индивидуально-возмездный и компенсационный характер и являются по своей правовой природе

фискальным сбором. Данный вывод представляется весьма спорным и противоречит в своей сути налоговому законодательству. Упуская детализированный анализ данной дефиниции в целях экономии объема статьи, отметим, что платежи за негативное воздействие на окружающую среду фискальными сборами можно называть лишь с определенной долей условности, в законодательстве в этой сфере существует ситуация правовой неопределенности.

Отметим, что настоящего времени так и не было принято законодательной нормы-дефиниции, раскрывающей это понятие. Несмотря на то, что Постановление Правительства РФ от 28.08.1992 № 632 «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия»¹², нормы которого проверялись на предмет соответствия Конституции РФ, уже давно утратило свою законную силу. В связи с этим возникает вопрос – насколько эффективно использовать в настоящее время разъяснения Конституционного Суда РФ по поводу соответствия Конституции РФ установлений нормативного правового акта, который на данный момент времени уже давно утратил юридическую силу? Достаточно ли этих разъяснений и нужно ли осуществлять корректировку правовых позиций высших судебных органов с течением времени и не должны ли важнейшие из них в дальнейшем «перерастать» этот уровень и переходить с определенной долей корректировки в изменения, которые вносятся в действующее российское законодательство. И в какой степени изменяющее нормотворчество должно сопровождать интерпретационную деятельность высших судебных органов? Эти вопросы еще ждут своего окончательного решения в правовой доктрине и в технико-юридическом сознании интерпретатора.

Анализируя технико-юридическую культуру в сфере правоприменения, следует отметить все возрастающую тенденцию шаблонизации создания правоприменительных актов, а также тенденцию формирования волонтаризма правоприменителя. Так, можно привести пример возражения государственного обвинителя на апелляционную жалобу, в которой содержатся формулировки, не соответствующие стилю правоприменительного акта «Отбытие наказания не препятствует ни обряду венча-

ния, который осужденный хочет провести с одной из потерпевших по делу, ни созданию ими семьи, а напротив может явиться хорошей проверкой любви, возникшей между ними. Мир знает много примеров, когда влюбленные годами ждут друг друга (Лилит и Теон, Юнона и Авось, Грей и Ассоль)¹³. Бесспорно, при характеристике технико-юридической культуры в той или иной степени находят проявление доминанты духовности и системообразующие идеи российской правовой культуры в целом, которые выделяет профессор В.П. Малахов.

Он отмечает, что своеобразие российской духовности заключено в базовом сочетании религиозности и моральности. Причем, смысл российской моральности в восприятии социальной реальности заключается в первую очередь в пассивно-критическом, иронично-скептическом отношении¹⁴. В случае с данным правоприменительным актом ирония представляется неуместной, приведенное нарушение носит не только стилистический, но и содержательный характер, так как художественные обороты не содержат важной для данного документа информации. Кроме того, в целом эта тенденция не способствует построению конструктивного диалога различных субъектов данного правоотношения и формирования уважения к органам государственной власти.

Проблемы технико-юридической культуры в сфере систематизации правовых установлений в первую очередь сводятся к недостаточной степени осуществления данного вида деятельности. В Российской Федерации существуют нормативные правовые акты, в которых действующей является лишь одна статья, остальные утратили юридическую силу. Так, например, в земельном праве в Законе РФ от 11.10.1991 №1738-1 (ред. от 26.06.2007) «О плате за землю» из 26 статей осталась только одна действующая статья 25, содержащая следующие положения: «Нормативная цена земли – это показатель, характеризующий стоимость участка определенного качества и местоположения, исходя из потенциального дохода за расчетный счет окупаемости. Порядок определения нормативной цены земли устанавливается Правительством РФ»¹⁵.

В этом плане в сознании субъектов, которые осуществляют правосистематизирующую деятельность необходимо формировать более активное от-

ношение к такого вида обстоятельствам, следует предусмотреть процедуры реагирования для инициирования процедур консолидации или кодификации в данном и аналогичных случаях.

Кроме того, следует отметить еще один аспект формирования технико-юридической культуры – развитие вариативности технико-юридического сознания. Сегодня юристу-профессионалу необходимо быть готовым к трансформации привычных положений и устоявшихся постулатов. В настоящее время меняется сознание субъектов права, идет развитие цифровизации правоотношений, меняется специфика анализа и обработки правовой информации.

В связи с этим необходимо на перспективу прорабатывать варианты оперирования нормами права, которые объединяются в определенные комплексы системного характера и использовать в своей работе иное структурирование нормативного материала. Нет сомнений, что сегодня этого еще не произойдет, но развитие данного направления – всего лишь вопрос времени. В частности, профессор И.В. Понкин отмечает важный аспект правового развития – концепт машиничитаемого права и машиноисполняемого права, который является одним из основных направлений цифровых трансформаций в праве, что потребует изменения подходов к юридической технике и самому процессу правового регулирования¹⁶.

Есть основания полагать, что в русле указанных правовых трансформаций конструктивными и своевременными будут исследования топик в праве. Топы юридического языка как структурно-смысловые модели языкового характера обладают существенным потенциалом совершенствования юридико-технических составляющих правовой материи.

Причина этого видится в следующем. Юридико-технические константы все в большей степени получают свое новое видение, осмысление и применение в правовых исследованиях, которые отражают реалии современного поступательного развития общества в рамках научно-технического прогресса. Топы – это определенные лингвистические модели, существующие в языковом отражении окружающей действительности, которые имеют определенную структуру и смысловую наполненность. Унификация, глобализация и цифровизация права предопределяют изменения в содержательных и формальных

характеристиках формулируемых положений нормативного характера. В этом плане топиическая юриспруденция представляется актуальным направлением развития базиса не только культуры юридического языка, но и технико-юридической культуры. К топам юридического языка следует относить структурные элементы текста правового акта, которые имеют свою содержательную наполненность и взаимодействуют между собой, предопределяя дополнительную внутреннюю структуризацию права, но также и интерпретационных и правоприменительных положений.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что технико-юридическая культура как самостоятельное явление находится в настоящее время в стадии формирования, ее активное развитие будет способствовать не только совершенствованию правовой культуры в целом, но и развитию различных сфер современного социума.

¹ Культура и юридическая техника. Вступительное слово профессора Владимира Михайловича Баранова // Юридическая техника, 2016. № 10. С. 1.

² Тосунян Г.А., Санникова Л.В. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28-34.

³ Петручак Л.А. Правовая культура современного российского общества: теоретико-правовое исследование: Дис... канд. юрид. наук. М. 2012. С. 304.

⁴ Болдырев С.Н. Правовая культура общества и культура юридической техники // Философия права. 2011.

⁵ Усманова Е.Ф. Юридическая техника и правовая культура: проблемы взаимодействия // Современные проблемы общественных, экономических и правовых наук: теория и практика: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием XVII Маркинские научные чтения. Саранск. 2017. С. 200-201.

⁶ Петручак Л.А. Правовая культура современного российского общества: теоретико-правовое исследование: Дис... канд. юрид. наук. М. 2012. С.34.

⁷ Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб, 1996. С. 3.

⁸ Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб, 1996. С. 51.

⁹ Петручак Л.А. Правовая культура: обоснование аксиологического подхода // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 33.

¹⁰ Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. М., 2019. 352 с.

¹¹ Российская газета. 2002. 25 декабря.

¹² Собрании актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 10. ст. 726.

¹³ Возражение на апелляционную жалобу в порядке ст. 389-7 УПК РФ

¹⁴ Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, доктрина. М., 2001. С. 352-353.

¹⁵ Российская газета. 1991. 30 октября.

¹⁶ Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTexe, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Tecnologies. 2020. № 9. С.

Конституционное право России: учебник для студентов

образовательных учреждений СПО / под ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 447 с. — (Серия «Среднее профессиональное образование»).

ISBN 978-5-238-03222-1

Рассмотрены конституционные основы гражданского общества, юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, система органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и др. Особое внимание уделено избирательной системе в России. Представлен порядок выборов депутатов Государственной Думы и формирования Совета Федерации ФС РФ.

Для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования.

THE LAW OF THE UZBEK KHANATES IN THE LEGAL CULTURE
OF THE RUSSIAN EMPIREПРАВО УЗБЕКСКИХ ХАНСТВ В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Yuri Fedorovich Lunev,

postgraduate student of the Department of Theory and History
state and law Faculty of Law, Moscow University named after S.Yu. Witte,
Moscow

Юрий Федорович Лунев,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета, Московского университета имени С.Ю. Витте,
г. Москва

Для цитирования: Лунев Ю.Ф. Право узбекских ханств в правовой культуре российской империи // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.46-49.

Annotation. The article examines the features of the region annexed to the Russian state in the form of three absolute theocratic monarchies (Emirate of Bukhara, Khiva and Kokand khanates). The centuries-old cultural lifestyle of the local sedentary population is based on the ideological basis of Islam, enclosed in the framework of strict Muslim law - Sharia, taking into account the deep traditions and customs of the tribal nomadic population. Actions of representatives of the Russian military administration of the Turkestan Territory in the implementation of the ideas of legal culture and legal ideology of the Russian Empire in Central Asia.

Keywords: Uzbek khanates, Sharia, Turkestan region, legal Muslim culture, absolute theocratic monarchies

Аннотация. В статье рассматриваются особенности присоединённого к российскому государству региона в виде трёх абсолютных теократических монархий (Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств). Многовековой культурный уклад местного оседлого населения основанный на идеологической базе ислама, заключённый в рамки строгого мусульманского права - шариата, учитывающий глубокие традиции и обычаи родового кочевого населения. Действия представителей российской военной администрации Туркестанского края в воплощении в жизнь идей правовой культуры и правовой идеологии Российской империи в Средней Азии.

Ключевые слова: Узбекские ханства, шариат, Туркестанский край, правовая мусульманская культура, абсолютные теократические монархии

С момента распада в XV веке Золотой Орды расширение России происходило во многом за счет поглощения бывших улусов этого некогда всесильного государства. В состав Московского царства, а потом и Российской империи поэтапно вошли: Казанское ханство, Башкирский народ, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Крымское ханство и Младший казахский жуз.

Надо отметить, что башкирские племена сами выразили желание стать подданными русского царя на условиях уплаты ясака, который они выплачивали Казанскому ханству. При вхождении башкирских племен в состав Русского государства был существенно уменьшен размер ясака, сохранена свобода вероисповедания, подтверждены вотчинные права на землю и угодия, сохранялось внутреннее устройство общины. На башкир возлагалась обязанность по охране границы и несение военной повинности.

Так же путем добровольного волеизъявления произошло и присоединение к России в 1731 году

Младшего казахского жуза во главе с ханом Абулхаиром.

С принятием ханом Узбеком в 1320 году в качестве основной религии ислама, постепенно как оседлое, так и кочевое население Орды, стало переходить из числа исповедующих тенгрианство и другие местные верования в ислам.

Российские княжества, хотя и находились в вассальной зависимости по отношению к Орде, но не являлись ее улусом. И принятие ислама, причем насильственное, так за отказ от принятия ислама было казнено более 70 чингизидов, на русских не распространялось. Вопрос вероисповедания русских княжеств даже не рассматривался. Хан Узбек признал, что у русских такая сильная вера, что пусть они с нею живут и дальше. Более того он по просьбе своей любимой сестры Кончаки выдал её замуж за московского князя Юрия Даниловича, разрешив ей при этом принять православие и крестится под именем Агафьи.

Постепенно присоединяя к себе разрозненные осколки Орды, Россия получала новых подданных, исповедующих исламскую веру и мусульманскую правовую культуру.

На момент включения Средней Азии в состав Российской империи мусульмане татары и башкиры, являясь коренными народами Российского государства, уже органично вписывались в национальную структуру Российской империи. В случае принятия православной веры, они уже ничем, не отличались от остального христианского населения России.

Совсем по-другому обстояло дело с присоединением к Российской империи трех среднеазиатских государств: Узбекских ханств (Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств).

В отличие от ранее вошедших в состав Российского государства территорий с мусульманским населением Поволжья, Урала и Западной Сибири, в состав России вошли области, где мусульманская культура достигла высокой степени развития задолго до принятия русским народом христианства и где население в эпоху принятия ислама уже имело продолжительный, многовековой период культурной жизни. [1, с. 1]

Окончательное завоевание арабами Средней Азии завершилось в 751 году Таласской битвой, которая прекратила взаимное продвижение арабов на Восток, а китайцев на Запад. На покоренных арабами территориях Мавераннахра произошёл синтез арабской и персидско-тюркской культур.

Арабское завоевание принесло в Среднюю Азию вместе с исламом и основанной на нём системе мусульманского права – шариатом государственно-правовую идеологию теократического феодального государства с неограниченной властью главы государства, как божественного наместника на земле.

Уже в IX веке Мавераннахр был полностью мусульманской страной, где было положено основание местной богословской школе. Мавераннахр стал родиной многих выдающихся мусульманских законодателей, разрабатывавших шариат на основе ханафитского мазхаба суннитского толка и оставивших после себя ряд крупных сочинений, пользовавшихся в Средней Азии большим авторитетом и служивших руководством в судебной практике. Наиболее

значимым трудом в области права является Китаб аль Хидоя или комментарии мусульманского права Бархануддина аль Маргинани, тарикат (братство) Накжбандия является самым многочисленным и самым почитаемым суфийским орденом среди суннитов, [10, с. 151-152] а Сахих аль Бухари и вовсе считается самым авторитетным сборником хадисов в суннитском мире и является вторым источником мусульманского права после Корана.

Ни монгольское завоевание Средней Азии с кочевой формой государственности, ни военная феодально-бюрократическая империя Тимура, ставшие впоследствии образцом при формировании аппарата среднеазиатских Узбекских ханств, никак не сумели изменить религиозно-правовой облик Мавераннахра.

Узбекские ханства на момент завоевания их Российской империей представляли из себя абсолютные теократические монархии с властью правителя, ограниченной только предписаниями ислама и законами шариата.

За тысячелетнее господство ислама в структуре государственной власти в ханствах сложилась хорошо отлаженная, идеологически обоснованная, нравственно востребованная правовая мусульманская культура. Она представляла из себя устойчивую пирамиду, в основании которой находились мактабы и медресе с имамами и мударисами, дающие начальное и высшее религиозное образование, аксакалы и муллы кишлаков, махалля и гузаров, руководящих городскими кварталами и сельскими общинами, а на вершине которой располагался всемогущий хан с вверенной ему Аллахом верховной светской и религиозной властью.

Устойчивость государственной власти в ханствах как при смене правителя, так и правящей династии обеспечивалась строгим распределением прав и обязанностей всех чиновников государства и установленной иерархичностью власти.

Будущий чиновник или священнослужитель обязан был начинать свою карьеру сначала в медресе, проходя поэтапно курсы изучения религиозных наук, норм фикха и шариата, арабский язык, математику, проживать в худжре, обретая там новых знакомых и будущих партнеров. [8, с. 130-134].

Затем он, в зависимости от родства, связей или образованности, уезжал в кишлак и занимал там

должность муллы в сельской общине либо оставался в городе муллою городского махалля либо становился мударисом и преподавал в медресе или мактабе.

Приобретая опыт, накопив средства, расширив знакомства и связи, бывший выпускник медресе неустанно следовал вверх по иерархической лестнице бюрократически-чиновнического аппарата Узбекских ханств. Круг должностей, функций и обязанностей служивого класса ханств был достаточно велик, особенно на нижнем уровне.

Судебно-духовная система и правовая мусульманская культура буквально пронизывала остов этих монархических теократических мусульманских государств. Вершителями права на низовом уровне были выборные населением аксакалы. Они самостоятельно разрешали, конфликты и разногласия между жителями сельской общины или городского квартала. Судьи-нотариусы казии рассматривали судебные споры в сфере имущественных, наследственных и семейных отношений. Мухтасибы, раисы, миршабы привлекали к ответственности в виде порицания или наказания лиц виновных в нарушении религиозных предписаний, правил торговли, бытовых правонарушений и преступлений. [4, с. 47; 5, с. 45]. Зякятчи разбирали дела по неуплате собираемых с населения налогов и сборов. Амлякдары, беки и кушбеги могли в судебном порядке рассматривать все споры и обладали правом применения широкого спектра наказаний за исключением смертной казни. Хан являлся последней и высшей судебной инстанцией с правом вынесения смертного приговора, помилования преступника и пересмотра или отмены уже вынесенного судебного решения или приговора. [2, с. 230].

Представители российской власти, столкнувшись с отлаженной, монолитной и поддерживаемой туземным населением мусульманской правовой культурой, в данных условиях, действовали как Михаил Дмитриевич Скобелев «твердо, но сердцем, решительно, но справедливо». Первым делом отменялось рабство. Рабы отпускались на волю. Любое неповиновение жестко пресекалось. Не допускались надругательства и бесчестие. Для связи с местным туземным населением в воинских частях и формированиях, гражданских администрациях и торговых представительствах назначались толма-

чи переводчики, как правило, из татар, башкир или Букеевских казахов, знающих языки и обычаи туземного населения. Оренбургским магометанским духовным собранием в распоряжение генерал-губернатора Туркестанской области делегировались муфтии, российские подданные – знатоки мусульманского права.

Положением об управлении Туркестанским краем от 1892 года на территории края устанавливалась русская Администрация и новое Судебное устройство. Для разрешения споров между туземным населением вводятся народные суды. Определяется перечень преступлений туземного населения, по которым лица их совершившие привлекаются к ответственности на общем основании. Согласно Положению, все дела с участием русских (под русскими понимались подданные Российской империи) рассматривались только мировыми судьями и Окружными судами империи, а споры между туземным населением разрешались по законам шариата в ханствах казиями, а на территории Туркестанского военного округа народными судьями. Отличие их состояло только в том, что казиев на должности назначали ханы, а народные судьи были выборными и утверждались генерал-губернатором округа.

Во всем остальном русская администрация действовала строго по принципу «уважения местных традиций при сохранении жесткой силы».

В русскую администрацию привлекается местное население, но только со знанием русского языка. Для этого повсеместно открываются русские школы и библиотеки. Так только в 1874 году Константином Петровичем фон Кауфманом было открыто 4 гимназии и 60 школ. Согласно отчету военного министра Куропаткина Алексея Николаевича о служебной поездке в Туркестанский военный округ в 1901 году только в 45 русско-туземных школах, не считая гимназий, реальных училищ, обучалось 1600 мальчиков и 500 взрослых мужчин. [7, с. 127] Кауфман К.П. для офицеров и служащих округа открывает курсы по изучению таджикского и узбекского языков. В Ташкенте в 1909 году открывается офицерская школа восточных языков, где наряду с языками преподают и основы мусульманского права. [6, с. 416] В военно-юридической академии и Московском императорском университете профессором Нофалем Ирением Георгиевичем и бароном Торнау Николаем

Егоровичем читаются курсы лекций по мусульманскому праву ханафитского мазхаба.

Генерал губернатор Гродеков Николай Иванович лично выпускает памятку нижнего чина, где излагает общие правила общения военных с местным туземным населением и краткий русско-таджикский словарь солдата Туркестанского края, издает приказ об обязательном ответном приветствии мусульман всеми подданными Российской империи. [9, с. 14]

Уважение местных, традиций, культуры, кульга, религии, чести и достоинства человека при одновременном сохранении жесткой силы и строгом соблюдении законов Российской империи явились залогом успеха Российского государства в Узбекских ханствах и в Средней Азии в целом.

Примером положительного воплощения в жизнь правовой культуры и правовой идеологии Российской империи в Средней Азии могут служить взаимоотношения губернатора Ферганской области генерала Скобелева Михаила Дмитриевича и Алайской царицы Курмаджан датки благодаря которым удалось осуществить бескровное присоединение Алайских киргиз к Российской империи и установление дружественных отношений киргизов с российскими властями. [3, с. 968]

Литература:

1. · Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана /В.В. Бартольд; Академия наук СССР, Комис. По изучению естеств. Производит. Сил СССР, - Л.: Акад. Наук СССР, 1927. – [2], II, 256 с. - Текст: непосредственный.
2. · Ханьков, Н.В. Описание Бухарского Ханства /Н.В. Ханьков; сост. Ханьковым Н. - СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1843. - 284 с. - Текст: непосредственный.
3. · Ювачев, И.П. Курбан-Джан-датка, кара-киргизская царица Алая. /Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том СХ. - С-Пб. Типография А.С. Суворина. Эртелев пер., д.13, 1907. - С. 954 - 1051. - Текст: непосредственный.
4. · Крыльцов, И.И. Государственное управление и суд в Средне Азиатских Ханствах накануне завоевания Туркестана царской Россией. //Уч. записки Свердловского юридического института. Т.-2, ОГИЗ. - Свердловск, 1947. - С.32 - 62. - Текст: непосредственный.
5. · Семенов, А.А. Очерк устройства административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. /Труды АН Тадж. ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Вып. 2, - Сталинабад, 1954. - С. 137 - 153. - Текст: непосредственный.
6. · Басханов, М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. - СПб.: Нестор-История, 2018. - 632 с. ISBN 978-5-4469-1403-6. - Текст: непосредственный.
7. · Куропаткин, А.Н. Отчёт о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году. - С-Пб. Военная Типография (в здании Главного Штаба). 1902. - 147 с. - Текст: непосредственный.
8. · Айни Садриддин. Бухара. Воспоминания. В четырех книгах; перевод с таджикского С. Бородина. Советский издатель. - М. 1961. - 599 с. - Текст: непосредственный.
9. · Гродеков, Н.И. Памятка нижнего чина по правилам общения с туземным населением Туркестанского края. /Н.И. Гродеков. - Ташкент: Тип. штаба Туркест. округа, 1907. - 24 с. - Текст: непосредственный.
10. · Гордлевский, В.А. Баха-уд-дин Накшбенд Бухарский (К вопросу о наслоениях в исламе) // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882-1932. Издательство АН СССР. Сборник статей. - Л., 1934. - С. 147 - 169. - Текст: непосредственный.

THE SOCIAL NATURE AND SIGNIFICANCE OF LEGAL CULTURE IN THE FIELD OF PROTECTION AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И ЗНАЧИМОСТЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Andrey Alexandrovich Metzger,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private Law, Institute of Public Administration and Law, State University of Management»

Андрей Александрович Мецгер,

кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права Института государственного управления и права ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,

e-mail: metzger@yandex.ru

Для цитирования: А.А. Мецгер. Социальная сущность и значимость правовой культуры в сфере охраны и защиты прав человека в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.50-59.

Annotation. In Russia, since the end of the XX century, there has been an increased interest in the legal culture and its relationship with the institution of protection and protection of human rights. Defining legal culture as the level of knowledge and the attitude of the individual to the established norms and legislative acts adopted in the country, as elements designed to regulate the legal basis of social relations, the author of the article argues for the important social essence and significance of legal culture in the field of protection and protection of human rights in modern Russia.

Keywords: legal culture, human rights, protection and protection of rights, Constitution, doctrine, individual rights

Аннотация. В России, начиная с конца XX века, наблюдается повышенный интерес к правовой культуре и ее взаимосвязи с институтом охраны и защиты прав человека. Определяя правовую культуру как уровень знаний и отношения личности к установленным нормам и законодательным актам, принятым в стране, как элементы, призванные регулировать правовые основы общественных взаимоотношений, автор статьи аргументирует вывод о важной социальной сущности и значимости правовой культуры в сфере охраны и защиты прав человека в современной России.

Ключевые слова: правовая культура, права человека, охрана и защита прав, Конституция, доктрина, права личности

На фоне меняющихся в последние десятилетия государственно-политических, социально-экономических и правовых приоритетов становится актуальным вопрос об уровне правовой культуры общества в целом и личности, в частности.

Правовая культура является базисом в процессе построения правового государства, в котором ключевая позиция – это соблюдение правовых норм и законов. На фоне построения правового государства особую значимость приобрели такие элементы как соблюдение прав и свобод гражданина и человека. На сегодняшний день является значимым вопрос законодательного регулирования норм соблюдения интересов граждан в рамках действующего законодательства применительно к уровню развития правовой культуры в обществе.

В современной Конституции РФ закрепились права и свободы граждан и личностей как одни из высших ценностей в действующем мире. Исследование проблем сущности и применения правовой ценности человека представляется трудоемкой ра-

ботой, сравнимой с «домостроительством» человеческой жизни, раскрытием правового устройства общества и существования человека. В проблемном поле необходимо учесть основы устройства общества, проникнуть в глубины сознания человека, особенности философского, исторического и культурного факторов развития мысли и познания. Такое исследование невозможно осуществить без обращения к современным исследованиям права и без учета современных мегатенденций в общественном бытии и нравах.

Право требует гарантий его реализации, в том числе, с помощью организованного принуждения, точнее, угрозы принуждения, которая может быть осуществлена даже физически. Примечательно, что возможность реализации физического принуждения как крайней меры характерна именно для права, когда другие нормы ограничиваются принуждением только психического характера. Другими словами, нормы права отличаются от других социальных регуляторов тем, что в конечном итоге их принуди-

тельная реализация компетентными учреждениями физическим образом вынудит субъекта права вести себя так, как предписано данной нормой. Отметим, что личность в области права и правовой культуры мало изучена. Особенно непрост для научного освоения переход между человеческим, гражданским и личностным в области права. Нельзя, правда, сказать, чтобы этой теме не уделялось внимание вовсе. Напротив, очень многие исследователи обращались и обращаются к теме личности. Однако в действительности нередко речь идет лишь об отдельных оттенках или ракурсах восприятия антропологического начала в праве: то это человек, эволюционирующий в истории, то это носитель и обладатель статусов, например, как римский гражданин, то это человек религиозный или политический (Аристотель), то это человек свободный и равноправный (естественно-правовая доктрина), то это человек психологический (Э.Р. Бирлинг, Л.И. Петражицкий) и социологический (Р. Иеринг, К. Маркс, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, М. Вебер) и т.д.

Вся история социогуманитарной мысли, в том числе, юридической и политической, свидетельствует о том, что различные этапы истории и культуры систематически приводят к «открытию» нового типа личности.

Права являются необходимым средством социального существования человека и его позитивного развития. Здесь, очевидно, проявляются два классических юридических момента: положительный и отрицательный. Первый состоит в утверждении, признании прав как «периферии личности» (Р. Иеринг), ее необходимый социальный атрибут. Второй момент - отрицательный - состоит в исключении всякого рода препятствий для осуществления, реализации личности, чему должна служить вся система государства, основным принципом организации и деятельности которого является идеал правового государства. Но такая свобода личности в ее реализации оказывается возможной только в неразрывной связи и логической схеме «личность - общество». Соответственно, права человека являются, по существу, гарантией его социального существования и развития.

Право, как необходимая форма общежития человека, устойчивого социального развития и позитив-

ных социальных изменений является не придатком в понятии «права человека», а безусловно значимой формой его социального сосуществования и в связи с этим обеспечения максимально возможного пространства свободы для раскрытия его личных способностей и реализации интересов. Права человека есть проекция самого права, не нечто более высокое, чем само право, а некая его сущностная характеристика; так же как право представляет собой необходимую форму и предпосылку социального порядка, так и права человека являются конкретизацией понятия права. Права человека и есть само право, точнее, - одна из его сущностных характеристик, как необходимая форма конкретизации, развития, реализации социальной, общежительной природы человека наряду с нравственностью. Права человека могут противопоставляться понятию права лишь в легистских концепциях, в которых право сведено к волеустановленному, официально-властному закону.

Система защиты прав человека включает в себя два основных направления: защита прав человека органами власти и самозащита прав человека. Становление и развитие этих направлений в России всегда было сопряжено с определенными трудностями.

В современной литературе широко употребляется название «человек юридический», которое обобщает разные ракурсы: права человека, права гражданина, права личности. Права человека открывают такой ракурс, который показывает связь права с человеком вне каких-либо специальных оговорок, например, о религии, политике, морали, нравственности, правовой культуре и т.д. В срезе прав гражданина отчетливее просматривается связь человека с его принадлежностью к определенному политическому сообществу или государству, имеющая даже чувствительный национально-патриотический оттенок, что обуславливает духовно-нравственную силу идеи гражданственности. Наконец, права личности нередко демонстрируют некий более высокий идеал социального (культурного) человека, средства для его самораскрытия и развития. Наряду с глубоко философскими духовно-нравственными обоснованиями личности и ее роли в социальном общении в юридической литературе многократно предпринимаются попытки (в частности, в немецкой юри-

дической литературе¹) обнаружить юридическую сущность личности, проявляющуюся в значительной степени в конкретизации комплекса ее прав.²

С одной стороны, речь идет о том, чтобы признавать и гарантировать права (заслуга доктрины естественного права), с другой - не менее важным является, как к ним относятся и как ими пользуются. Р. Иеринг, в частности, писал, что право, и, в первую очередь, идея о том, что человек как таковой свободен, а потому субъект права является «вечным достоянием человечества», сохранение и приумножение которого является нравственной обязанностью современного и всех последующих поколений. Еще римские юристы сформулировали положение о том, что права могут использоваться с намерением причинить вред другому (злоупотребление).

Права человека, как представляется, характеризуют момент обладания правами, факт признания и принадлежности; незыблемая гарантия фактических возможностей реализации интересов и потребностей человека, живущего в обществе. Права личности подчеркивают момент отношения к правам, их использование, сбережение и сохранение, а в случае необходимости - отстаивания и защиты. При этом права личности показывают такой срез, как непрерывный рост и развитие человека. Отсюда, соответственно, задача приобщения к праву, правовая педагогика (Л.И. Петражицкий), правовая социализация (Р. Иеринг) и т.п. Наконец, права человека - это универсальная сущность, которая конкретизируется в динамике прав личности. Довольно неуклюжий вариант использования слова «личность» в законодательных текстах предлагается в ст. 6 УПК РФ, в которой потерпевший называется лицом, а подвергнутый незаконному и необоснованному обвинению - личностью.³

Действие позитивного права, стабильное функционирование правовой системы современного общества в значительной мере зависят от того, насколько адекватно в его правоустановлениях отражены потребности общественного развития и степени соответствия, сбалансированности этих потребностей, объективированных в нормах права, и жизненно важных, социально обоснованных потребностей, интересов, ожиданий людей, возникающих в реальных правовых ситуациях.

В правовой культуре и правовом сознании отражается правовая действительность, с которой взаимодействует индивид. Правовые нормы, прежде чем выполнить соответствующую функцию, опосредуются сложным комплексом психической деятельности человека, в процессе которой внешние требования, выраженные в праве, анализируются, оцениваются, усваиваются и на этой основе переводятся во внутренние мотивы и установки личности, а затем в ее реальное поведение.

Иными словами, волевые юридически значимые деяния индивида выражают в сущности его отношение к праву в целом (его правовой культуре), к определенным нормативным правовым актам, конкретным правоустановлениям, существующей юридической практике как необходимым и целесообразным, справедливым или несправедливым, соответствующим или не соответствующим его потребностям и интересам и т. и. Без воли, сознания и деятельности людей право функционировать не может. Для выявления социальной ценности объектов и явлений окружающего мира, таким образом, необходимо выяснить их способность удовлетворять определенные потребности и интересы общества и человека.

В истории политико-правовой мысли известны разные подходы к пониманию ценности права. Но в целом преобладали взгляды, рассматривающие право как высокозначимое явление цивилизации и культуры. В советском правоведении с позиций марксистской методологии право расценивалось с нигилистических позиций как явление, присущее только эксплуататорским обществам, а также как средство регулирования общественных отношений в переходный от капитализма к социализму период, потребность в котором при построении коммунизма отпадет, поскольку ему на смену придут правила коммунистического общежития.

При освещении аксиологических аспектов права традиционно подчеркивалась его инструментальная ценность. С.С. Алексеев подчеркивал, что право может внести в жизнь людей такие высокозначимые блага, как безопасность человека в людских взаимоотношениях, стабильность сложившихся отношений, гарантированность прав, социального долга, торжество правды, справедливости, истины в конфликтных ситуациях.⁴

В постсоветской юридической литературе акцент в оценках права как регулятивной системы несколько сместился. Обозначились попытки рассматривать не только инструментальную ценность права, но и его общесоциальную и собственную ценность.

Стали подвергаться анализу и критике некоторые элементы функционирующих правовых систем, сложившиеся на постсоветском пространстве, с позиций их влияния на положение личности в праве и др. Но при всех критических оценках ряда элементов национальных правовых систем в постсоветских государствах на доктринальном уровне право в целом рассматривается как безусловная социальная ценность, способная утверждать в человеческих взаимоотношениях начала цивилизованности и социального равновесия, предотвращать произвол и насилие. Хотя это совсем не означает, что в правоведении проблемы ценности права в достаточной степени разработаны.

В основном как ценность право воспринимается и практическим профессиональным правосознанием. Однако на уровне обыденного и даже массового правосознания право, его функциональное значение, его роль в обществе расцениваются весьма неоднозначно. Определенная часть населения по-прежнему воспринимает право как форму воздействия на поведение людей главным образом с позиции интересов властных структур.⁵

Право представляет собой особую специфическую социальную ценность, которая не всегда проявляется в общественных отношениях непосредственно и идеально. Право, правовые явления должны быть соответствующим образом восприняты, осмыслены, осознаны и поняты субъектами правового общения. Причем в этом процессе играют свою роль факторы как общесоциального характера (экономические, политические, идеологические, культурные и т.п.) (на макроуровне), так и факторы непосредственной социальной среды, с которой взаимодействует человек в повседневной жизни (семья, трудовые коллективы, организации социально-бытового обслуживания и т.п.) (на микроуровне). Имеет значение и то обстоятельство, что отражение в сознании личности правовой действительности не является «зеркальным». Оно непременно наслаивается на ранее сложившиеся в

обществе, в социальных группах взгляды, оценки, стереотипы, суждения, представления о праве, о правовой жизни. При этом, различные оценочные компоненты права складываются под воздействием морали, обычаев, традиций, политических и религиозных нормативов и просто житейского опыта.

Правосознание личности формируется в процессе вхождения (вживания) ее в социальную среду, т.е. в рамках общей, но, прежде всего, правовой социализации. Содержанием правовой социализации является усвоение индивидом правовых ценностей, приобретение навыков правового общения, восприятие стандартов правовой культуры и т.д. Но правовая социализация - процесс весьма непростой, многофакторный. В ее рамках действуют факторы как позитивного, так и негативного характера.

Часто введение в действие даже весьма прогрессивных правовых новаций автоматически не приводит к позитивным сдвигам в их реализации. Правовые требования относительно медленно укрепляются в сознании людей, особенно в тех случаях, когда их содержание вступает в противоречие с укоренившимися в обществе устарелыми традициями, моральными стереотипами и др. Личность обладает способностью относительно самостоятельно усваивать различные, в том числе правовые, ценности и реагировать на социальные влияния, примеряя к ним свои стандарты, приспособляя их к своим, подчас эгоистическим потребностям и интересам. Добровольное и сознательное следование нормативным правовым предписаниям, модель поведения, к которой стремится законодатель, нередко достигаются с трудом и определенными издержками. На пути к достижению целей, которые преследуют правоустановления, на практике часто встают преграды, имеющие своим источником экономические, психологические, организационные, нормотворческие и другие факторы. Все они определенным образом воспринимаются сознанием личности и оказывают влияние на оценки права и как результат - на соответствующее поведение.⁶

Например, нигилистические настроения людей в оценках права существенно подпитывают факты формально-бюрократического отношения низовых органов управления к решению бытовых вопросов, с которыми обоснованно обращаются граждане. Тем не менее, при всех сложностях важно внедрять

в сознание членов общества понимание права не как простого творения государства, а как средства выражения согласованной воли всего общества.⁷ А целью государства, как утверждал И. Кант, является обеспечение торжества права, требованиям которого оно само должно подчиняться. Естественно, такой подход требует соответствующей аргументации. Следует учитывать и исходить из того, что согласованная воля общества, выраженная в законах, - результат сложного процесса достижения компромисса различных социальных сил. Ординарный человек не может повлиять на принятие соответствующего нормотворческого решения, поэтому нельзя трактовать это понятие упрощенно, только на уровне индивидуального правосознания. Правовые же установления непосредственно населением принимаются нечасто.

Но в демократических обществах функционируют институты народного представительства, которые обязаны, отслеживая процессы мирового развития, своей страны, реагировать на запросы, потребности и интересы представляемого ими населения и отражать их в законах. Конечно, изложенное относится в значительной степени к сфере идеальных оценок деятельности органов народного представительства. Но в рамках обозначенной цели оно не лишено смысла. Понятно, что позитивное восприятие права зависит не только от качества актов высокой юридической силы, но и от нормативно-правовых решений на всех уровнях. Более того, отношение к праву как к ценности формируется в сознании индивидов чаще всего в связи с его воплощением в жизнь, в реальную действительность, т. е. с правореализацией. Большинство населения обычно не обращается к текстам законов, если они непосредственно не затрагивают личные интересы. Общее представление о праве люди получают из средств массовой коммуникации, в процессе взаимодействия, из иных источников, нередко извращающих суть права и его применения (например, материалы кинопродукции). Поэтому наиболее существенно аксиологические аспекты права получают отражение в сознании индивидов в случаях их, образно говоря, встречи с законом, т. е. в конкретных правовых ситуациях при разрешении определенных юридических дел. Речь идет главным образом о применении права как особой форме его реализации.⁸

Применение права - это особый вид социальной деятельности, который, как правило, носит публичный характер и предполагает наличие у его исполнителей специальных юридических знаний, определенного практического опыта, высокого уровня профессионального правосознания и правовой культуры, позитивных нравственно-личностных качеств.

Если в процессе рассмотрения дел соответствующие интересы индивидов получают законное удовлетворение, право и деятельность правоохранительных органов воспринимаются положительно, признаются престиж права и его ценность. Но бывают и случаи, когда результаты применения права в какой-то части или полностью не совпадают с положениями нормативных правовых актов, на основе которых рассматривалось дело. Такие ситуации рождают в сознании заинтересованных субъектов чувство неопределенности законов, непредсказуемости исхода дела.⁹ Причины принятия ошибочных и даже выходящих за пределы правовых установлений правоприменительных актов при рассмотрении конкретных юридических дел могут быть разные.

Нередко они связаны с недостаточной профессиональной компетентностью должностных лиц. Они могут быть обусловлены служебными и корпоративными зависимостями, элементами деформации профессионального правосознания правоприменителей и др.¹⁰

Очень часто такие случаи связываются с личной заинтересованностью и добропорядочностью соответствующих должностных лиц, чего нельзя исключить. Такие суждения в дальнейшем могут тиражироваться в процессе общения индивидов. В результате в массовом правосознании формируются крайне нежелательные элементы нигилистического отношения к праву.

Названные жизненные реалии указывают на важность проблемы формирования профессионального правосознания, т.е. правосознания лиц, профессионально осуществляющих юридическую деятельность. Профессиональное правосознание базируется на высоком уровне специальных юридических знаний. Причем эти знания должны носить комплексный характер и сочетаться с их правильной политической и нравственной мировоззренческой оценкой, умением практического применения.¹¹

Значение профессионального правового сознания, как видно, определяется не только тем, что на его основе обеспечивается качество правотворческих и правоприменительных решений, соответствующих принципам законности и справедливости.

Несомненно, значение профессионального сознания диктуется и тем, что именно оно наиболее предметно влияет на процессы формирования правосознания и правовой культуры всего общества.

Таким образом, в процессе реального функционирования позитивного права в сознании индивидов, действующих в правовой сфере, могут отражаться и утверждаться как его позитивные качества, так и его недостатки.

В условиях трансформации экономических и политико-правовых институтов современного общества, когда возрастают роль и значение субъективных факторов во всех сферах социальной жизни, весьма важно, чтобы в индивидуальном правосознании личности нашли отражение позитивные аспекты права, его ценностные качества.

От этого зависят не только стабильность правопорядка, общественная дисциплина в целом, но и развитие и совершенствование самой личности.¹²

В этих целях следовало бы на основе социологического анализа и всесторонней оценки нынешнего состояния правового сознания осуществлять исследования по определению и уточнению основных каналов, направлений формирования ценностно-ориентированных установок правосознания на уровне индивидов, социальных групп и всего общества.

Это позволило бы предметно оказывать воздействие на социальные факторы, позитивно влияющие на отражение в сознании индивидов ценностей права, поддерживать и всячески их стимулировать. И одновременно, в рамках возможностей текущего периода, осуществлять меры по блокированию, нейтрализации и устранению факторов противоположного действия.

При всех недостатках позитивного права и практики его реализации важной общественной задачей становится постепенное преодоление исторически сложившихся в сознании людей негативных правовых стереотипов. элементов нигилизма, оказание влияния на переосмысление сущности правовой жизни. Добиться таких перемен в правовом мыш-

лении людей - задача непростая. Однако становится очевидным их необходимость.

Правовая политика государства, правовая практика, правовая идеология содержательно должны быть нацелены на решение этой задачи. Поскольку реализация идеи правового государства без позитивных перемен в политико-правовом мышлении будет затруднительной.¹³

Советская и постсоветская теория права традиционно провозглашала своим предметом познание общих закономерностей возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений, оставляя на периферии вопрос о взаимосвязях национальной юриспруденции и культуры. Между тем именно понятия и ценности «материнской» культуры выступают отправной точкой (не всегда осознаваемой) правового теоретизирования, формируют значимые для него ограничения. В этом плане методологическая рефлексия указанных взаимосвязей – важный элемент состоятельности правовой теории, основа более взвешенной оценки ее концептуального и практического потенциала.¹⁴

В рамках данного сообщения предлагается авторский комментарий по трем вопросам темы: 1) насколько автономна правовая теория от понятий и ценностей «материнской» культуры? 2) насколько состоятелен проект универсальной теории права? 3) какой должна быть установка национальной правовой теории в отношении инокультурных концепций и текстов?

Право – один из феноменов культуры. Отсюда и теория права (юриспруденция в целом) представляет собой институционализированную культурную практику рассуждений о праве, его объяснения и легитимации. Соответственно, вполне оправданна трактовка теории права как культурно-обусловленной конструкции.

Аксиологическая проблематика анализировалась семиотиками права уже с момента зарождения данной науки. Так, основоположница пирсеанской школы семиотики права профессор Пенсильванского университета Роберта Кевельзон в двенадцатой главе фундаментального труда «Право как система знаков» (1988 г.) исследует проблемы «отображения в праве этики, морали и ценностей».¹⁵ Отмечая, что традиция объединения этики с правом берет свое начало в истории западной мысли в творчестве

Аристотеля, она указывает на сложность обнаружения этических концептов, и прежде всего справедливости, в правовых системах романо-германского и англо-американского общего права, развившихся из римского права. Тем не менее автор приходит к выводу, что «свобода и ответственный выбор являются проявлением унификации этических принципов и экзистенциальных актов» в праве. В указанной главе Р. Кевельзон, ссылаясь на семиотическую концепцию и прагматическую философию Ч.С. Пирса, пытается посредством анализа чрезвычайно сложной и постоянно трансформирующейся сети знаков, функционирующих в области права, доказать, что сам выбор способа правового рассуждения является этическим выбором и зависит от ценностных установок. Автор демонстрирует, что выбор И. Кантом дедуктивного подхода к концепту обязательства в праве обусловлен вполне определенной ценностной ориентацией и приводит к совершенно иным результатам, нежели сочетание абдуктивных, дедуктивных и индуктивных рассуждений, принятых Ч.С. Пирсом. При этом Р. Кевельзон отмечает, что традиционный для юридического обоснования дедуктивный способ опирается на ценности, которые всегда заметно отличаются от первоначальных целей их использования. Однако строгая связь между способом правового рассуждения и той или иной системой ценностных установок Р. Кевельзон, как представляется, так и не была убедительно доказана.¹⁶

Процессы глобальных изменений в современном мире обуславливают повышение внимания к их ценностной составляющей, которая как несет на себе отпечаток этих процессов, так и дает сигналы о тенденциях и перспективах их дальнейшего развития. Особенно это заметно применительно к такой сфере жизни общества, как право, в котором наблюдается смещение ориентиров с ценностной нейтральности к ценностной наполненности. Этим обуславливается повышенный интерес к исследованиям в области аксиологии права и даже выделение ценностного компонента права в особый структурный элемент правовой системы, так называемую аксиосферу права. Что же представляют собой ценности, как связаны между собой ценности и право и какие ценности определяют внутреннее содержание права, его основу?

Ценность - это то, что является значимым, важным для человека и вызывает положительное отношение к себе. Они представляют собой цели, к которым люди стремятся. Ценности связаны с удовлетворением человеческих потребностей, они мотивируют деятельность человека.

Человек оценивает определенные явления или процессы с точки зрения их значимости как хорошие или плохие, правильные или неправильные. т.е. осуществляет деятельность оценивания. Тем же критерием, на основании которого осуществляется оценка, и являются ценности. Они воплощаются в реальной жизни людей: с одной стороны, в бытии самих людей как их определенные качества, или добродетели (благоразумие, мужество, мудрость, справедливость), с другой - в бытии вещей и событий как блага (порядка, культуры, цивилизации).¹⁷

Каждая из сфер человеческой деятельности имеет свою систему ценностей, которая репрезентирована в главной ценности. Последняя определяет природу этой деятельности и составляет ее основу. Общеизвестно, что основной ценностью науки является истина, морали - добро, а главной ценностью искусства - красота (прекрасное). К этим универсальным или, как иногда говорят, общечеловеческим ценностям относятся и справедливость, которая олицетворяет в себе высокое назначение права.¹⁸ Поскольку право является культурно-историческим, т.е. созданным человеком, феноменом, его природу и содержание невозможно понять без обращения к ценностям, которые оно воплощает и которые оно защищает.

Такие ценности называются правовыми. Таким образом, правовые ценности определяют сущность и цели права, лежащие в его основе. Они находят свое воплощение (объективацию) в принципах права и правовых нормах. Каждая правовая норма, которая не имеет чисто технического характера, служит воплощением, развитием, конкретизацией какой-то ценности. Особенно тесная связь существует между правовыми ценностями и принципами права. Если ценность ориентирует деятельность на желаемую цель, то принцип определяет общие требования обеспечения реализации такой цели (справедливость как ценность и принцип справедливости).

Понятие правовых ценностей обычно связывают с естественно-правовым подходом, который

делает акцент на содержании права. Так, еще Августин подчеркивал, что отличие государства от шайки разбойников заключается в том, что оно основано на справедливости. Однако это понятие не чуждо и правовому позитивизму, который хотя и придерживается ценностно-нейтрального подхода к праву, однако при этом выдвигает на первый план ценность нормативного порядка. Среди ценностей, которые воплощаются в праве (или защищаются правом), отличаются универсальные ценности, которые не зависят от конкретно-исторических условий и целей законодателя. В своей совокупности они образуют идею права.¹⁹

Выдающийся немецкий правовед Г. Радбрух считал, что идею права составляют три основные ценности, которые находятся между собой в определенном взаимодействии и подчинении: справедливость, правовая определенность и целесообразность.²⁰ Можно сказать, что на каждой из них акцентирует свое внимание определенный тип правопонимания. соответственно: естественно-правовой подход, правовой позитивизм и социологический подход к праву. Справедливость олицетворяет в себе высокое назначение права и является основной правовой ценностью. Она является сложной ценностью и воплощает в себе определенное соотношение относительно более простых, но не менее универсальных правовых ценностей, а именно: человеческое достоинство, свобода и равенство. Они в наибольшей степени связаны с пониманием человека как высшей ценности и составляют основу права. Именно эти ценности находят признание в трех категорических принципах права, формулируют требования справедливости в обостренной и лаконичной форме: «Предписания закона таковы: жить честно. не обижать другого, каждому) воздавать должное». Эти принципы, в которых находят воплощение все правовые требования и которые ведут свое происхождение от римского юриста Домиция Ульпиана (ок. 170-228), сформулированы в самом важном западном собрании права, утвержденном императором Юстинианом (527-565), *Corpus Juris Civilis* («Свод гражданского (нецерковного) права»), в начале Дигест.²¹

Современной модификацией этой формулы, которая прошла сквозь века, является ст. 1 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются

свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».²²

Правовые ценности принято делить на ценности-цели и ценности-средства. Кроме упомянутых универсальных ценностей к ценностям-целям могут быть отнесены более конкретные ценности, занимающие в иерархии ценностей менее высокую степень. Это те блага, которые непосредственным образом позволяют человеку взаимодействовать с обществом, правом и государством: собственность, порядок, образование, наука, культура, гражданское общество, местное самоуправление и др.

Наряду с ценностями-целями в сферу права также относятся ценности-средства, которые определяют понятийные рамки права и выражают его инструментальную ценность (т. е. правовые ценности в собственном смысле). Это законность, правовая определенность, нормативность, правосудие, правопорядок и др.

Они значимы как инструменты постижения и обеспечения ценностей-целей.²³ Одним из аспектов темы ценностей права является вопрос о ценности самого права. Обладает ли право собственной ценностью или ценность права является лишь инструментальной? За правом безусловно признается инструментальная ценность как средства реализации указанных ценностей.

В то же время право имеет и собственную ценность, поскольку воплощает в себе универсальные ценности, такие как свобода, равенство, справедливость и человеческое достоинство, которые положены в основу правовой системы, определяют природу права.

Взгляд на данные феномены с аксиологической перспективы (т.е. как на правовые ценности) не отменяет, а дополняет традиционный подход к ним с деонтологической перспективы - как основополагающих принципов права в единстве с общими принципами права.

За последние несколько лет в мировом сообществе сложилось международное гуманистическое движение, объединяющее передовых представителей мировой культуры. Этим движением сформулированы ключевые принципы этики гуманизма современной цивилизации:

а) главная ценность - достоинство и независимость личности, свобода выбора, которая не нарушает права и свободы других лиц и государства;

б) правовое осознание ответственности и обязанностей человека по отношению к другим лицам, государству;

в) готовность человека к коррекции своих моральных принципов и ценностей в свете будущего и возможности возникновения новых уникальных ситуаций;

г) насущной задачей общественной культуры является выработка концептуального мировоззрения, отвечающего современным потребностям и возможностям мирового сообщества.

Этим мировоззрением может быть планетарный гуманизм, стоящий на страже прав человека, указывающий на этический долг каждого культурного человека перед единым человечеством и его будущим.

Литература:

1. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg: C.F. Muller, 2016. XXIX, 479 S.

2. Gnisa J. Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm. Freiburg im Breisgau: Herder, 2017. 288 S.

3. Roberta Kevelson. The Law as a System of Signs. — Springer, 1988. — (Topics in Contemporary Semiotics).

4. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 252 с.

5. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.

6. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью. М., 2002. 395 с.

7. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.

8. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. URL: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/declhr.shtml> (дата обращения: 21.12.2020).

9. Горобец К.В. Аксиосфера права: философский и правовой дискурс. Одесса: Феникс, 2013. 218 с.

10. Графский В.Г. Непрерывно растущий человек и право // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении: материалы 12-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2018. С. 6-10.

11. Дигесты Юстиниана. Титул 1. Справедливость и право. URL: <https://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Pravo/digest/01.php> (дата обращения: 21.12.2020).

12. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарог, 1993. 235 с.

13. Касаткин С.Н. Значимость правовой теории: интегративность, догматика, вызовы контекста // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы 7-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М., 2013. С. 104-108.

14. Касаткин С.Н. Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридизации правовых понятий // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2009. С. 27-33.

15. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.

16. Михайлов А.М. Сравнительное правоведение: догма романо-германского права. 2-е изд. М., 2019.

17. Моисеев С.В. Философия права. 2-е изд. Новосибирск, 2004.

18. Неклассическая философия права: вопросы и ответы / Под ред. А.В. Стовбы. Харьков, 2013.

19. Павлов В.И. Общность и различие в формировании исследовательских программ антропологии права и юридической герменевтики // Проблемы методологии и философии права: сб. ст. участников III Междунар. круглого стола. Самара. 2016. С. 44-55.

20. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права. Минск. 2017.

21. Пермяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006.

22. Постклассическая онтология права / Под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.

23. Радбрух Г. Философия права. Киев: Тандем, 2006. 316 с.

24. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.

¹ Gnisa J. Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm. Freiburg im Breisgau: Herder, 2017. 288 S.

² Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg: C.F. Müller, 2016. XXIX, 479 S.

³ Графский В.Г. Непрерывно растущий человек и право // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении: материалы 12-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2018. С. 6-10.

⁴ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.

⁵ Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Парогъ, 1993. 235 с.

⁶ См., напр.: Неклассическая философия права: вопросы и ответы / Под ред. А.В. Стовбы. Харьков, 2013; Постклассическая онтология права / Под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.

⁷ Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.

⁸ Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.

⁹ Пермяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006.

¹⁰ Павлов В.И. Общность и различие в формировании исследовательских программ антропологии права и юридической герменевтики // Проблемы методологии и философии права: сб. ст. участников III Междунар. круглого стола. Самара, 2016. С. 44-55.

¹¹ Михайлов А.М. Сравнительное правоведение: догма романо-германского права. 2-е изд. М., 2019; Моисеев С.В. Философия права. 2-е изд. Новосибирск, 2004.

¹² Касаткин С.Н. Значимость правовой теории: интегративность, догматика, вызовы контекста // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы 7-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М., 2013. С. 104-108.

¹³ Касаткин С.Н. Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридизации правовых понятий // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2009. С. 27-33.

¹⁴ Павлов В.И. Проблемы теории государства и права. Минск, 2017.

¹⁵ Roberta Kevelson. The Law as a System of Signs. — Springer, 1988. — P. 344. — (Topics in Contemporary Semiotics).

¹⁶ Roberta Kevelson. The Law as a System of Signs. — Springer, 1988. — P. 345. — (Topics in Contemporary Semiotics).

¹⁷ Горобец К.В. Аксиосфера права: философский и правовой дискурс. Одесса: Феникс, 2013. 218 с.

¹⁸ Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.

¹⁹ Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью. М., 2002. 395 с.

²⁰ Радбрух Г. Философия права. Киев: Тандем, 2006. 316 с.

²¹ Дигесты Юстиниана. Титул 1. Справедливость и право. URL: https://www.gumer.info/bibhotek/Buks/Pravo_digest_01.php (дата обращения: 21.12.2020).

²² Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. URL: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/declhr.shtml> (дата обращения: 21.12.2020).

²³ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 252 с.

Гражданство Российской Федерации: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А.С. Прудникова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. — 303 с.

ISBN 978-5-238-03401-0

Рассмотрены вопросы приобретения, изменения и восстановления в гражданстве Российской Федерации, международные и национальные стандарты в области регулирования вопросов гражданства, а также деятельность уполномоченных субъектов по вопросам гражданства.

Пособие подготовлено с учетом последних изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации и Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция».

ON THE ROLE OF MORAL PRINCIPLES IN EXPERT EXAMINATIONS
IN THE RUSSIAN FEDERATIONО РОЛИ НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ ПРИ ЭКСПЕРТИЗАХ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Pavel Mikhailovich Murashev,

Postgraduate student of the Department of Information Systems, Tver State Technical University

Павел Михайлович Мурашев,

аспирант кафедры информационных систем, «Тверской государственной технической университет»

e-mail: myptver@gmail.com

Для цитирования: П.М. Мурашев. О роли нравственных начал при экспертизах в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 60-62.

Annotation. In the article, when analyzing the legal literature and normative legal acts on the role of moral principles in expert examinations in the Russian Federation, several judgments are made: normative legal act that is specifically designed to regulate examinations, is the Federal law of the Russian Federation «On state forensic activities in the Russian Federation» dated 5 April 2001; the Federal law of the Russian Federation «On state forensic activities in the Russian Federation» dated April 5, 2001, you must provide some articles that consolidate the provisions of the moral basis of the examination; non-compliance with moral principles in the production of expert examinations in all types of legal proceedings (with the exception of constitutional proceedings) should entail the inadmissibility of evidence.

Keywords: state, Russian Federation, legislation, normative legal act, federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On State forensic expert activity in the Russian Federation» of April 5, 2001, expert research, expertise, expert, law, morality

Аннотация. В статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов о роли нравственных начал при экспертизах в Российской Федерации высказано несколько суждений: нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования экспертиз, является Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.; в Федеральном законе РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г. необходимо предусмотреть несколько статей, в которых закрепить положения о нравственных началах производства экспертиз; несоблюдение нравственных начал при производстве экспертиз во всех видах судопроизводства (за исключением, конституционного судопроизводства) должно влечь недопустимость доказательств.

Ключевые слова: государство, Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г., экспертное исследование, экспертиза, эксперт, право, нравственность

Предметом данной статьи является соблюдение нравственных начал при экспертизах в Российской Федерации¹.

Первоначально о состоянии теории.

Так, О.С. Ладейнова при рассмотрении «соотношение нравственности и права» «подняла» «вопрос о необходимости повышения авторитета права с помощью нравственно-философской экспертизы»: «Таким образом, нравственно-философская экспертиза является важным и необходимым шагом, направленным на развитие законодательства России в русле его очеловечивания. Без учета социально-нравственных ценностей, которые создаются в обществе естественным образом, без справедливого общественного механизма реализации и защиты право (законодательство) будет выражать преимущественно или исключительно волю и интересы политически господствующей части общества. Ко-

нечно, технология нравственно-философской экспертизы требует дальнейшей проработки, однако ее необходимость уже не вызывает сомнений².

Авторы – единомышленники (Н.И. Матузов и С.П. Желтобрюхов) в рецензии «на монографию кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз юридического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского Н.Н. Сенякина «Нравственные основы уголовного правосудия в Российской Федерации» отметили следующее: «Автор прав в том, что нравственные основы уголовного судопроизводства не утрачивают непосредственного регулирующего воздействия на уголовно-процессуальную деятельность всех ее субъектов, хотя большая часть нравственных начал получила нормативно-правовое закрепление. Реализация многих принципов процесса (независимость судебной власти и суда, уважение

чести и достоинства человека и гражданина и другие) неразрывно связана с субъективным осознанием судьей его роли в обеспечении нравственных начал правосудия, его нравственным самоконтролем и самооценкой³. В данном случае речь о теме, представляющей интерес для уголовно-процессуальной науки, а поэтому избравшегося Н.Н. Сенякиным в качестве предмета научного исследования⁴.

Т.В. Злотникова определила «конституционные основы эколого-экспертной деятельности»: «В перечне более чем 30 законодательных нормативных актов России, в разработке и принятии которых автор этих строк непосредственно участвовала, являясь заместителем председателя (1-й созыв), а затем председателем Комитета по экологии Государственной Думы Российской Федерации (2-й созыв), Федеральный закон "Об экологической экспертизе" ... занимает особое место: это был единственный проект из всего массива природоохранных законов, в авторах которого значился один депутат-разработчик. Это обстоятельство до сих пор является предметом нашей профессиональной гордости и удовлетворения, так как любому хоть немного знакомому с законодательным процессом в парламенте России ясно, что обеспечить принятие законопроекта без участия в числе его авторов представителей всех фракций практически малореально» («Комплекс таких мер наряду с мощным неприятием и протестом со стороны научной и экологической общественности, как и всего гражданского общества, может позволить повернуть вспять уже запущенную машину по принятию роковых изменений»⁵.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что заключение эксперта «не обладает непогрешимостью в сравнении с иными доказательствами» и может вызывать сомнения «в мотивированности выводов эксперта»⁶.

Не столь совершенные результаты научных изысканий относительно нравственных начал при экспертизах предопределяют и несовершенство законодательства Российской Федерации.

Первоначально обращаемся к нормативному правовому акту, по юридической силе приравненному к федеральному закону РФ⁷: Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.⁸ определяет «правовую основу, принципы

организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации ... в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве»

Производство экспертиз с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства урегулировано и в кодифицированных нормативных правовых актах (УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ).

Помимо кодифицированных нормативных правовых актах (УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ) принято еще несколько оригинальных нормативных правовых актов об экспертизах.

Так, Федеральным законом РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 3 июля 2009 г.⁹ установлены «правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения. 2. Коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудно-выполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» - ст. 1).

Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 19 июля 1995 г.¹⁰ «регулирует отношения в области экологической экспертизы, направлен на реализацию конституционного права граждан Российской Федерации на благоприятную окружающую среду посредством предупреждения негативных воздействий хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду» (аннотация).

Принято несколько и так называемых «модельных законов» об экспертизах.

Так, «Модельный закон о научной и научно-технической экспертизе» (принят в г. Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 г. постановлением 22-17 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ)¹¹ регулирует «отношения, возникающие в связи с назначением и проведением научной и научно-технической

экспертизы, устанавливает общественно значимые объекты, подлежащие обязательной научной и научно-технической экспертизе, определяет основные права и обязанности заказчиков и исполнителей научной и научно-технической экспертизы».

«Модельный закон об общественной экспертизе» (принят в г. Санкт-Петербурге 29 ноября 2013 г. постановлением 39-8 на 39-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ)¹² устанавливает «институциональные и правовые основы организации проведения общественной экспертизы в государствах-участниках СНГ, определяет требования к порядку проведения общественной экспертизы, полномочия общественных организаций и граждан по организации и проведению общественной экспертизы, устанавливает принципы взаимоотношений органов государственной власти, органов муниципального управления, общественных организаций и экспертов в государствах СНГ при организации проведения общественной экспертизы. Настоящий Закон призван способствовать обеспечению методологического единства и гармонизации правовых требований к организации проведения общественной экспертизы социально значимых решений, принимаемых органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и хозяйствующими субъектами, затрагивающих законные права и интересы граждан государств-участников Содружества Независимых Государств» (аннотация).

Таким образом, при производстве всякой экспертизы необходимо соблюдение нравственных начал.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования экспертиз, является Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.

Во-вторых, в Федеральном законе РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в

Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г. необходимо предусмотреть несколько статей, в которых закрепить положения о нравственных началах производства экспертиз.

В-третьих, несоблюдение нравственных начал при производстве экспертиз во всех видах судопроизводства (за исключением, конституционного судопроизводства) должно влечь недопустимость доказательств.

¹ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

² Ладейнова О.С. Нравственно-философская экспертиза как инструмент эволюции права (на примере программно-стратегических документов) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7. С. 21 - 26.

³ См.: Матузов Н.И., Желтобрюхов С.П. Рецензия на монографию кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз юридического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского Н.Н. Сенякина "Нравственные основы уголовного правосудия в Российской Федерации" // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 29 - 30.

⁴ Сенякин Н.Н. Нравственные основы уголовного правосудия в Российской Федерации: Монография. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2008. Правда, здесь необходимо уточнить: во-первых, нравственная основа, в том числе и для уголовно-процессуальной деятельности, одна и, во-вторых, нравственная основа относится не к уголовному правосудию, а к уголовному судопроизводству (см. об этом: Галузо В.Н., Якупов Р.Х. Уголовный процесс: Учебник. 7-е изд., пере-раб. М.: ТЕИС, 2013).

⁵ Злотникова Т.В. Эколого-правовые, социально-экономические и нравственные аспекты десятилетнего применения Федерального закона "Об экологической экспертизе" // Право и политика. 2006. № 10)ь.

⁶ Смирнов С.Н. Процессуальные особенности рассмотрения судами общей юрисдикции гражданских дел по возмещению экологического вреда: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. С. 151 – 152. Общее количество страниц 212 с.

⁷ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

⁸ См.: СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291; ...; 2019. № 30. Ст. 4126.

⁹ См.: СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

¹¹ См.: Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33. С. 273 - 290.

¹² См.: Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 60 (часть 1).

ON THE MORAL PRINCIPLES IN THE ACTIVITIES OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES WHEN ENSURING PUBLIC EVENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

О ПРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Anatoly Konstantinovich Pimanov,

Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Department of Legal Disciplines, Faculty of Humanities

Анатолий Константинович Пиманов,

Академия Гражданской защиты МЧС России, кафедра юридических дисциплин гуманитарного факультета

e-mail: antpmn@yandex.ru

Для цитирования: А.К. Пиманов. О нравственных началах в деятельности сотрудников органов внутренних дел при обеспечении публичных мероприятий в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.63-65.

Annotation. In the article, when analyzing the legal literature and normative legal acts on the activities of employees of the internal affairs bodies in ensuring public events in the Russian Federation, several judgments are made: the bodies of internal Affairs, as a law enforcement Agency, intended for law enforcement, including in the organization of mass events; organization and activities of the internal Affairs bodies, as a law enforcement officer, should be settled in the newly adopted Federal law «On internal Affairs bodies of the Russian Federation»; in the hypothetical Federal law "On internal Affairs bodies of the Russian Federation" it is necessary to provide the Chapter «Provision of moral principles in the activities of employees of internal Affairs bodies».

Keywords: Russian Federation, legislation, Constitution of the Russian Federation, federal law of the Russian Federation, law, culture, theory of law enforcement, law enforcement agency, internal affairs bodies, public events, employee of internal affairs bodies, moral principles

Аннотация. В статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов о деятельности сотрудников органов внутренних дел при обеспечении публичных мероприятий в Российской Федерации высказано несколько суждений: органы внутренних дел, являясь правоохранительным органом, предназначены для обеспечения правопорядка, в том числе и при организации массовых мероприятий; организация и деятельность органов внутренних дел, как правоохранительного органа, должна быть урегулирована во вновь принятом Федеральном законе РФ «Об органах внутренних дел в Российской Федерации»; в гипотетическом Федеральном законе РФ «Об органах внутренних дел в Российской Федерации» необходимо предусмотреть главу «Обеспечение нравственных начал в деятельности сотрудников органов внутренних дел».

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, Конституция РФ, федеральный закон РФ, право, культура, теория правоохраны, правоохранительный орган, органы внутренних дел, публичные мероприятия, сотрудник органов внутренних дел, нравственные начала

Предметом данной статьи является деятельность сотрудников органов внутренних дел при обеспечении публичных мероприятий, причем нравственный аспект этой правоохраны¹.

Первоначально о состоянии теории.

Так, И.С. Полянская под публичным мероприятием предлагает понимать «открытое, мирное, доступное каждому публичное выражение индивидуального и (или) коллективного мнения граждан России, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, на законных основаниях находящихся на территории России, по различным вопросам общественной жизни, привлечения внимания общественности, государственных органов или органов местного самоуправления или предъявления к последним определенных требований, а также прово-

димое с целью поддержания, защиты или порицания какого-либо решения органов государственной власти или органов местного самоуправления или общественной инициативы в области политической, экономической, социальной, культурной или иной жизни общества, осуществляемое гражданами России, политическими партиями, общественными или религиозными объединениями, а также гражданами иностранных государств и лицами без гражданства в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или в сочетании этих форм с использованием (или без такового) различных средств наглядной агитации, а также звукоусиливающих технических средств» («Таким образом, основываясь на изложенном, можно сделать следующие выводы.

1. Органы внутренних дел являются звеном системы государственных органов, обеспечивающих реализацию гражданами свободы собраний.

2. В деятельности органов внутренних дел в сфере реализации гражданами права на проведение публичных мероприятий выделяются следующие формы: правоприменительная, нормотворческая, организационная, правоохранительная, профилактическая. Каждая из форм имеет свои особенности, специфику и осуществляется в строгом соответствии с нормами права.

3. В России, признающей приоритет международного права, деятельность правоохранительных органов в рассматриваемой сфере приводится в соответствие с нормами международного права, с учетом положительного опыта полицейской этики зарубежных государств.

4. С целью улучшения деятельности органов внутренних дел в исследуемой сфере общественных отношений предлагается наделить инспекции по работе с личным составом функциями по изучению, обобщению и внедрению в практику МВД России положительного опыта деятельности полицейских подразделений зарубежных стран.

5. Внести дополнения в должностные инструкции сотрудников органов внутренних дел, касающиеся вменения в обязанности сотрудников оказания помощи гражданам в реализации их прав и свобод путем предоставления необходимой информации и документов, распространения среди населения правовых знаний, контроля за исполнением нормативно-правовых актов органов внутренних дел, относящихся к свободе собраний.

6. С целью оптимизации деятельности органов внутренних дел в рассматриваемой сфере предлагается создать специальные подразделения в управленческих структурах МВД России, а также при муниципальных органах охраны правопорядка»².

Авторы – единомышленники (С.В. Бубнов и М.М. Звягин) высказали несколько обобщающих суждений: «Основы охраны общественного порядка при проведении собраний, митингов, демонстраций и пикетирования закреплены в целом ряде законодательных и иных нормативных правовых актов. В частности, Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. «Об оружии» определяет, что на территории Российской Федерации запрещается ношение гражданами

оружия при проведении митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и других массовых публичных мероприятий" (ст. 6). Согласно Закону РФ от 18 апреля 1991 г. «О милиции», запрещается применять специальные средства при пресечении незаконных собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций ненасильственного характера, которые не нарушают работы транспорта, связи, организаций (ст. 14)»; «Кроме вышеназванных нормативных правовых актов, режим общественного порядка в ходе проведения публичных мероприятий обеспечивают предписания КоАП РФ, Приказа МВД России от 13 апреля 1993 г. № 166 «О совершенствовании организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности», а также Приказа МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности»³.

Г. Нурлыбаева обосновала следующее суждение: «Для повышения как общей, так и педагогической культуры руководителя, осуществляющего педагогические функции в системе правоохранения, весьма полезным, на наш взгляд, явилось бы рассмотрение результатов сравнительного изучения педагогического опыта европейских высших учебных заведений полицейского образования в области педагогических систем нравственного воспитания сотрудников полиции в процессе их профессиональной подготовки.

Педагогический опыт, заимствованный у зарубежных коллег, конечно, с учетом различий в условиях работы, менталитете, национальных особенностях европейских полицейских и их российских коллег, мог бы оказаться весьма полезным в деле нравственного воспитания профессиональных кадров. Такой опыт мог бы использоваться как в системе образования руководящих кадров МВД, так и при профессиональной подготовке всех звеньев личного состава ОВД. Учитывая тот факт, что назначение на руководящую должность осуществляется с учетом, с одной стороны, профессиональных требований, а с другой - способности кандидата возглавить коллектив ОВД, актуальным становится обращение к личности руководителя и его обшей и профессиональной культуре, его этическим, нравственным качествам, а также его широкой ин-

формированности в области новых педагогических технологий. Именно от культуры руководящего состава и его педагогических способностей в основном зависит нравственный климат в коллективе. Поэтому нам представляется необходимым ознакомить руководителей МВД с общеевропейскими тенденциями в области преподавания полицейской этики, с педагогическими технологиями и методиками европейских преподавателей полицейской этики, с педагогическими системами нравственного воспитания сотрудников полиции в Европе, полученными в ходе сотрудничества с высшими учебными заведениями полицейского образования, входящими в Ассоциацию европейских высших полицейских колледжей. Всего таких учебных заведений, включая Академию управления МВД России, по последним сведениям, 38»⁴.

Развитие определенных компетенций у сотрудников органов внутренних дел может осуществляться в ходе реализации программ повышения квалификации, в т.ч. на базе классических университетов. В научной литературе приводятся примеры взаимодействия вузов и органов внутренних дел⁵.

Не столь совершенные результаты научных изысканий относительно нравственных начал в деятельности сотрудников органов внутренних дел при обеспечении публичных мероприятий предопределяют и несовершенство законодательства Российской Федерации⁶.

Первоначально обращаемся к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой⁷: к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.⁸: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование» - ст. 31.

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

Так, Федеральный закон РФ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 4 июня 2004 г.⁹ «направлен на обеспечение реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования» (преамбула).

Таким образом, в нормативные правовые акты о деятельности сотрудников органов внутренних дел, в особенности при организации публичных мероприятий, необходимо инкорпорировать нравственные нормы.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, органы внутренних дел, являясь правоохранительным органом, предназначены для обеспечения правопорядка, в том числе и при организации массовых мероприятий.

Во-вторых, организация и деятельность органов внутренних дел, как правоохранительного органа, должна быть урегулирована во вновь принятом Федеральном законе РФ «Об органах внутренних дел в Российской Федерации».

В-третьих, в гипотетическом Федеральном законе РФ «Об органах внутренних дел в Российской Федерации» необходимо предусмотреть главу «Обеспечение нравственных начал в деятельности сотрудников органов внутренних дел».

¹ О теории правоохраны подробнее см.: Галузо В.Н. Теория правоохраны - новое направление в юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15-16; он же: Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110-113.

² Полянская И.С. Компетенция органов внутренних дел в сфере обеспечения реализации права граждан на проведение публичных мероприятий // Административное и муниципальное право. 2009. № 4.

³ См.: Бубнов С.В., Звягин М.М. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере охраны порядка при проведении публичных мероприятий в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2009. № 4.

⁴ Нурлыбаева Г. Поиск новых эффективных педагогических технологий в области нравственного воспитания руководящих сотрудников правоохранительных органов в ходе сотрудничества с высшими полицейскими учебными заведениями Европы // Российский следователь. 2006. № 10.

⁵ Смирнов С.Н. Некоторые правовые и институциональные аспекты организации профпереподготовки и повышения квалификации сотрудников контрольно-надзорных органов в Тверском государственном университете // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 4. С. 120 – 127.

⁶ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

⁷ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

⁸ См.: РГ. 2020. 4 июля. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

⁹ См.: СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485; ...; 2021. № 1 (часть I). Ст. 80.

RETROSPECTIVE ASPECT OF OFFICER TRAINING
AT THE STATE LEVELРЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ НА
ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

Vasily Dmitrievich Samoilov,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, corresponding of the Academy of military sciences

Василий Дмитриевич Самойлов,

Доктор педагогических наук, профессор, корреспондент Академии военных наук

Для цитирования: В.Д. Самойлов. Ретроспективный аспект подготовки офицерских кадров на государственном уровне // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 66-69.

Abstract. In the historical and pedagogical interpretation of various events and facts in the field of officer training, there is periodically an appeal to the retrospective. The article presents the author's scientifically-based data presented at the Meeting of University Rectors in the report from the rectors of the power unit on October 27, and then on December 7, 2000.

Keywords: officer cadres; professional education

Аннотация. В историко-педагогической трактовке различных событий и фактов в области подготовки офицерских кадров периодически возникает обращение к ретроспективе. В статье представлены подготовленные автором научно-обоснованные данные, изложенные на Совещании ректоров вузов в докладе от ректоров силового блока 27 октября, а затем 7 декабря 2000 г.

Ключевые слова: офицерские кадры; профессиональное образование

Возрождение России в столь чуткой и отзывчивой сфере общественной жизни, какой является высшая военная школа, связано с Концепцией развития отечественной системы высшего военного образования на период до 2005 г. Её реализация обуславливала существенные перемены в организации высшего военного образования (далее – ВВО), которое приобрело реальную самостоятельность и все необходимые возможности для воплощения в жизнь академических свобод: а) свободы преподавания; б) свободы исследования; в) свободы обучения; г) академическую мобильность согласно Национальной доктрине образования РФ [6, с. 18-20; 8].

Цель статьи заключена в изыскании путей совершенствования подготовки офицерских кадров с ВВО на основе Государственных образовательных стандартов (далее – ГОСов, ныне – ФГОС ВО).

Как известно, основное предназначение ГОСов состоит в том, чтобы чётко определить контуры федерального образовательного пространства, единого для всей страны. Отсюда, вузы в соответствии со своими возможностями и потребностями заказчиков, получают право вполне самостоятельно осуществлять образовательную деятельность [6, с. 18; 8-9].

Следовательно, по сути, ГОСы выступают в качестве всеобщего регулирующего начала, гармонизирующего деятельность всех вузов страны, в том

числе и военных вузов. Существенно важно, что стандарты устанавливают требования к уровню подготовленности лиц, завершивших обучение в вузе в соответствии с общими требованиями к образованности выпускника и требованиями по циклам учебных дисциплин.

Они фиксируют те общеобязательные знания, умения и навыки, которыми должен обладать каждый выпускник, чтобы получить соответствующую квалификацию.

Безусловно, система ГОСов и структура учебных дисциплин должны способствовать выпуску образованных специалистов не только с добротной профессиональной квалификацией, но и способных к целостному и системному анализу сложнейших проблем Вооружённых Сил РФ, связанных с должностным предназначением того или иного выпускника. Причём, подготовка выпускников ориентирована на деятельность как теоретического, так и прикладного характера на базе единства процесса обучения и воспитания в русле целостной человеческой культуры.

Создание и ввод в действие ГОСов открыли второй этап в развитии высшей военной школы на период 2000 – 2005 г. Его основное содержание составило осмысление и освоение многоплановой образовательной деятельности вуза всеми категориями должностных лиц [1, с. 35; 4; 5, с. 188].

Структурными элементами статьи являются три проблемных вопроса:

1-й – анализ условий подготовки офицерских кадров в Общевойсковой академии Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ОВА) и вытекающие из них объективные и субъективные требования к уровню подготовки офицеров-выпускников;

2-й – отражающий краткий анализ существовавшей системы подготовки офицерских кадров за два года функционирования ОВА (1998-2000 г.);

3-й – определение основных путей совершенствования подготовки офицерских кадров с ВВО в самом начале XXI в.

1. Под условиями подготовки офицеров в академии следует понимать совокупность факторов и обстоятельств, влияющих на образовательную деятельность. Из всей их совокупности мы останавливаемся на тех факторах, что оказывают, на наш взгляд, наибольшее влияние на обучение офицеров: а) продолжающаяся военная реформа страны, вступившая в заключительный этап; б) динамичный характер вооружённой борьбы, всё больше приобретающий всеобъемлемость; в) нормативная и правовая база образовательной деятельности [4; 7; 9; 11, с. 746-751; 12, с. 251-253].

Во-первых, по военной реформе, применительно к системе военного образования, можно утверждать, что некоторые, уже принятые положения, в буквальном смысле ставят под угрозу процесс обучения в академии с целью получения высшего профессионального образования (далее – ВПО) на основе ГОСов. Проблема в снижении статуса педагога высшей военной школы по воинскому званию с полковника до подполковника. Вот эта чья-то догадка в области экономии государственных средств академии обошлась в несколько десятков уволившихся из ВС РФ педагогов (человек): в 1999 г. – 26, в 2000 г. – 45; с учёной степенью – 52. В своём большинстве указанные педагоги окончили адъюнктуру и защитили кандидатские диссертации [8].

Проблема эффективности учебной деятельности тесно связана с двумя качествами: качеством педагога и качеством слушателя. Не просто стать педагогом вообще, а квалифицированным военным педагогом, в частности. Затянувшееся реформирование и неопределённость будущего обусловили стойкую тенденцию снижения качества военного

педагога. На самом деле, гражданские педагоги в своих вузах зарабатывают гораздо больше.

Проблема несовершенства существующей системы профессионального отбора кандидатов для обучения в ОВА обусловила порой непредсказуемое качество базовой подготовленности слушателей. Академия в их отборе непосредственного участия несколько лет не принимает.

Для нас очевидно, что разрешение объективного противоречия двух качеств: и педагога, и слушателя лежит в финансово-экономическом русле военной реформы. Проблему финансирования ОВА не будем комментировать, но только тогда ГОСы станут подлинной основой объективной оценки уровня военного образования и квалификации выпускников, способствовать спаду регрессивной тенденции развития субъекта и объекта обучения в вузе.

В связи с тем, что разработанные при нашем непосредственном участии ГОСы до сих пор не утверждены, мы предлагаем в течение декабря 2000 г. их доработать и представить в виде ГОСов, действительно отражающих потребности современной вооружённой борьбы в тех её аспектах, которые каждый из ректоров военных вузов представляет. Сколько необходимых военных знаний недополучают выпускники? Какова цена их необоснованных решений в человеческих жизнях (истреблении людей), в затратах на военную технику и вооружение (ВВТ)? Как измерить тот вред, что наносят недоучки на различных ступенях своей профессиональной деятельности в ВС РФ? [1, с. 35; 2, с. 316-320; 3, с. 68-69; 10; 12, с. 251].

Немаловажный фактор. Руководящие документы не отражают облик современной российской армии, особенно в связи с оживлением военной реформы. Очевидно, что заведомо оборонительный характер боевых действий обрекает отечественное военное искусство на пассивность, преимущественно одностороннее толкование основных принципов в пользу обороны.

Это оказывает негативное влияние на место и роль педагога в образовательном процессе, а также на степень подготовленности офицеров к решению боевых задач в современных вооружённых конфликтах. Отсюда, требуется чётко обоснованная, выверенная и материально обеспеченная реформа, основанная на государственной мудрости её ис-

полнителей. Её отдельные положения содержит Стратегия развития военного образования, которую представил в своём докладе министр образования В.М. Филиппов.

Изменившийся характер вооружённой борьбы связан с первым фактором. Почему? Потому что военная реформа должна чётко отражать и учитывать характерные черты самой борьбы в различных сферах, в том числе информационной и в собственно военной. В ходе совещания с ректорами с 946-ти вузов на базе Государственного института стали и сплава 27 октября 2000 г., выступление Начальника ОВА генерал-полковника Л.С. Золотова, фактически предрешило проблему формирования ГОСа по чисто военным специальностям, без преклонения перед гражданской. Мы нашли поддержку у Министра образования РФ Филиппова Владимира Михайловича, которую он выразил в своём заключительном выступлении. Из этого следует, что в контуре военного ГОСа, мы сможем обеспечить превалирование оперативно-тактических и оперативно-технических дисциплин, и надёжно осуществлять подготовку высококвалифицированного специалиста в области управления командного или инженерного профилей [6, с. 18; 8; 12, с. 251-253].

В 1861 г. последний российский генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин проведение реформы начал с системы военного образования. Именно он поднял её на должную высоту и введением юнкерских училищ, и прогрессивной системой оплаты труда преподавателей с узакониванием их ежегодной стажировки в войсках. В итоге ему удалось поставить систему военного образования на уровень требований вооружённой борьбы, а победа в войне с Турцией в 1878 г. стало тому подтверждением [8].

Анализ существующей системы подготовки слушателей в ОВА за двухлетний срок её функционирования позволяет сделать следующие выводы:

1. В целом при обучении слушателей ОВА мы сохранили историческую преемственность отечественных академий: Николаевской, Императорской, имени М.В. Фрунзе и Р.Я. Малиновского, курсов «Выстрел».

2. Замысел на структуру и особенности функционирования ОВА по подготовке слушателей в современных условиях требует уточнения. Это связано, в основном, с формированием для нас государствен-

ного заказа на подготовку офицерского состава и нерешённостью затронутых в статье проблемных вопросов образовательной деятельности академии. Для его успешной реализации ОВА нуждается в своём собственном штабе. Как начальник учебного отдела утверждаю, что в его существующей структуре эту функцию на него возложить нельзя. Причём, в период с 1 ноября 1930 г. по 1 февраля 1937 г. академия имени М.В. Фрунзе такой штаб имела [6, с. 18; 8].

Проблемный вопрос продолжительности обучения слушателей предлагаем решить за счёт задействования потенциала всех четырёх территорий ОВА в два этапа по следующему сценарию.

На первом этапе с 1 сентября по потребностям военных округов в повышении квалификации перспективных офицеров, согласованным (установленным) ГУК МО РФ осуществляется обязательное 4-6 месячное обучение офицеров в «Полевой» структуре ОВА (бывшие курсы «Выстрел»). По окончании этого этапа экзаменационная комиссия согласно Методики рейтинговой оценки слушателей определяет более достойных для обучения в Москве с 1 сентября следующего года. До этого срока кандидаты в течение 3-4 месяцев стажировались в своих частях согласно занимаемых должностей.

Второй тап осуществить по двухгодичной программе согласно ГОСам по трём специальностям подготовки слушателей с присвоением по окончании ОВА им квалификации – специалист в области управления. На наш взгляд, такая система подготовки слушателей с обязательным обучением их в Учебном центре ОВА отражает государственный подход к ней, а также исключает поступление в академию слабо подготовленных офицеров и учитывает интересы большинства заинтересованных структур.

Полагаем, что столь краткий анализ условий и системы подготовки офицерского состава в ОВА позволяет представить контуры основной проблематики подготовки офицерских кадров с ВПО на основе ГОСов и определить основные пути её совершенствования. Если изложенные проблемные вопросы по государственному решить, то это позволит нам подготовку слушателей осуществлять с заранее прогнозируемым надёжным качеством. Это, по сути, и является ожидаемым процессом со-

вершенствования вузовской образовательной деятельности.

В то же время, согласно известному изречению о том, что «пределов совершенству не бывает» и, упорядочивая наше мнение по основным путям совершенствования подготовки слушателей в ОВА, мы к ним относим:

Во-первых, улучшение социально-экономических условий обучения офицеров в ОВА: обеспечение элементарных жилищных условий; вывод их денежного содержания из позорящей черты бедности; повышение престижа профессии защитника Отечества; стимулирование профессионального роста офицеров, в том числе, через получение многоуровневого профессионального образования в стенах ОВА [7-8; 12, с. 251-253];

Во-вторых, при благоприятных социально-экономических условиях, когда офицеры перестанут опасаться за свои тылы на основе преобразования существующей структуры ОВА без увеличения численности постоянного состава обеспечение надёжного качества подготовки слушателей согласно установленному государственному заказу.

Речь идёт о совершенствовании искусства обучения, а оно, по Я.А. Коменскому, «не требует ничего иного, кроме искусного распределения времени, предметов и метода» [10];

В-третьих, увеличение возможностей существующей учебно-материальной базы ОВА, включая полигонную (полевую), в том числе на основе внедрения новых информационных технологий. Решение проблемы компьютеризации образовательной деятельности слушателей на основе создания единой вычислительной сети академии.

Выводы: в рамках работы VI-го съезда ректоров России следует определиться со стратегией развития системы военного образования в XXI в. Тем успешнее мы можем прогнозировать это развитие, чем объективнее определим обоснованные основные пути совершенствования подготовки офицерских кадров, проявим нашу сплочённость в их прак-

тическом претворении в образовательную деятельность российских вузов.

Литература:

1. Ломоносов, К.С., Самойлов, В.Д. Перспективы санитарно-эпидемиологической подготовки кадров в системе образования России // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2020. № 1. С. 35-43.
2. Самойлов, В.Д. Взываю к памяти живых: война // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 316-320.
3. Самойлов, В.Д. Взываю к памяти живых: истребление людей // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. №1. С. 66-69.
4. Самойлов, В.Д. Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 170 с.
5. Самойлов, В.Д. К вопросу об эффективности функционирования системы гражданско-патриотического воспитания современной молодёжи (актуализация исторического наследия Великой Отечественной войны) // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 188-193.
6. Самойлов, В.Д. О современных требованиях к системе высшего военного образования // Вестник высшей школы. 2002. № 11. С. 18-21.
7. Самойлов, В.Д. Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 178 с.
8. Самойлов, В.Д. Совершенствование системы высшего образования офицеров Вооружённых Сил Российской Федерации: Дис. ... д-ра пед. наук. М.: ВУ МО РФ, 2002. 534 с.
9. Самойлов, В.Д. Андрогогические основы педагогики и психологии в системе высшего образования России: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2016. 295 с.
10. Самойлов, В.Д. Педагогическая антропология: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. 271 с.
11. Самойлов, В.Д., Синянский, В.А. Об актуализации интеграции физической подготовки курсантов Минобороны России и МВД России // Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Образование в военно-инженерном деле: теория и практика». Ч. II. Тюмень: ТВВИКУ, 2020. С. 746-751.
12. Самойлов, В.Д., Турченко, И.Н. Подготовка офицерских кадров стратегического и оперативного уровней государственного и военного управления // Вестник экономической безопасности. 2016. №5. С. 251 – 253.

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE
TEACHER'S SCHOOL NAMED AFTER P.P. MAKSIMOVICH IN THE CONTEXT OF
THE DEVELOPMENT OF THE CULTURAL AND SOCIAL LIFE
OF THE TVER PROVINCE****ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЬСКОЙ
ШКОЛЫ П.П. МАКСИМОВИЧА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ****Sergey Nikolaevich Smirnov,**Cand.Sc. (Law), associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University,
director of the Institute of Continuous Education
of Tver State University**Сергей Николаевич Смирнов,**канд. юр. наук, доцент кафедры теории права Тверского государственного университета, директор Института непрерывного
образования Тверского государственного университета
e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru,**Научная специальность** 12.00.01 – теория и история права и государства**Для цитирования:** С.Н. Смирнов. Организационно-правовые аспекты деятельности учительской школы П.П. Максимовича в контексте развития культурной и социальной жизни Тверской губернии // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.70-72.

Annotation. The article considers the normative basis for the activities of Tver teacher's school named after P.P. Maksimovich and the organizational forms of its influence on the development of the social and spiritual spheres of society in the Tver province in the second half of the 19th – early 20th centuries. The role of the teacher's school in the modernization of pedagogical education, enhancing cultural life, expanding the access of citizens to channels of social mobility is noted.

Keywords: culture, education, social mobility, teacher's school, P.P. Maksimovich, Tver province, social class, legislation

Аннотация. Рассматриваются нормативная основа деятельности Тверской учительской школы П.П. Максимовича и организационные формы ее влияния на развитие социальной и духовной сфер общества в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Отмечается роль учительской школы в модернизации педагогического образования, активизации культурной жизни, расширении доступа жителей к каналам социальной мобильности.

Ключевые слова: культура, образование, социальная мобильность, учительская школа, П.П. Максимович, Тверская губерния, сословие, законодательство

Учебное заведение в Твери, за почти полувековой период своего существования трижды сменившее организационно-правовую форму, и вошедшее в историю под именем школы П.П. Максимовича или, еще торжественнее и короче – Школы Максимовича – представляет собой яркий и, правильнее сказать, уникальный образовательный и социально-культурный феномен. В качестве образовательной площадки для подготовки женщин-учительниц начальных училищ школа П.П. Максимовича стала одним из первых в Российской империи образовательных проектов.

Основанная благодаря модернизации законодательства об образовании, осуществленной в 1860-х гг., школа с самого начала являлась новаторским учреждением, новаторским не только в плане применявшихся педагогических технологий, задавав-

шим в известной мере новые стандарты социальной жизни и новые формы участия в культурной жизни Твери и Тверской губернии. В частности, школа представляет собой едва ли не самый доступный канал вертикальной социальной мобильности для девушек из сословия сельских обывателей.

Актуальность названной темы объясняется не в последнюю очередь интересом к изучению механизмов влияния образовательного учреждения на развитие социальной сферы региона и на объем правовых возможностей его жителей.

Различные аспекты темы были рассмотрены в работах В.Ф. Абрамова, Т.А. Бархатовой, А.Ю. Бутова, Б.Б. Веселовского, О.К. Ермишкиной, Т.А. Ильиной, Н.М. Лебедева, Н.С. Новиковой, А.Ф. Селиванова, В.У. Сланевского и др. Первым трудом фундаментального характера, правда, лишь частич-

но посвященным деятельности учительской школы П.П. Максимовича, стала работа Б.Б. Веселовского¹.

Учительская школа П.П. Максимовича не была первым женским учебным заведением в Тверской губернии. Так, в 1858 г. в Твери было создано Тверское Мариинское женское училище, открытое для девочек всех сословий. В дальнейшем оно было преобразовано в гимназию. К 1905 г. в Тверской губернии насчитывалось шесть женских гимназий².

При этом обратим внимание на два обстоятельства. Обстоятельство первое связано с социальным составом обучающихся гимназий. Основу контингента составляли представительницы сословий дворян, духовенства и городских обывателей. Второе обстоятельство связано с дальнейшими образовательными траекториями выпускниц гимназий. Профессию учителя, тем более учителя начальной школы, выбирали далеко не все выпускницы гимназий. Например, из 49 выпускниц седьмого класса Тверской Мариинской женской гимназии 1885 г. аттестат учительницы начальной школы получили 6 человек. Правда, большинство выпускниц пожелало продолжить обучение в восьмом дополнительном классе, окончание которого позволяло получить аттестат домашней учительницы³. Согласимся, что домашняя учительница – не самая востребованная профессия в крестьянской среде.

Частная учительская школа, основанная П.П. Максимовичем в 1870 г., с самого начала задумывалась как учебное заведение прежде всего для девочек из сословия сельских обывателей. Ученицы готовились в школе к профессии сельской учительницы, причем к преподаванию в начальных училищах. Эта же направленность деятельности школы была сохранена при получении ею статуса земского учебного заведения. Финансирование обучения для значительного числа «максимовок» из средств земских учреждений расширяло доступность образования. По сути это была наиболее доступная для крестьянских девушек образовательная площадка, к тому же расположенная в губернском центре.

Таким образом, школа П.П. Максимовича являлась для представительниц сословия сельских обывателей Тверской губернии наиболее массовым каналом вертикальной социальной мобильности, причем каналом, связанным с получением профессии педагога. При этом социальная мобильность

осуществлялась «внутри» сословия сельских обывателей. Другими словами, менялся индивидуальный правовой статус человека, но сохранялся его сословный статус.

В итоге можно констатировать, что учительская школа П.П. Максимовича благодаря своему правовому статусу и организации деятельности заняла нишу в социальной жизни Тверской губернии, которую не занимало ни одно из тверских учебных заведений.

Существенный вклад внесла Тверская учительская школа и в развитие отечественной педагогики (по крайней мере в масштабах Тверского Верхневолжья). В частности, в ней применялась достаточно оригинальная для того времени педагогическая технология организации обучения без выставления оценок. Кроме этого, учредитель школы П.П. Максимович и администрация школы проводили курс на расширение образовательной программы, на включение в него (при возможности) новых предметов. Широко применялись в обучении экскурсионные технологии⁴. Практикоориентированность образовательного процесса также была одной из характеристик деятельности школы. В итоге при школе были открыты учебные классы для детей, в которых ученицы проходили практическое обучение.

Школа выполняла также функции методического центра губернского значения. Этому способствовало наличие крупной по меркам того времени библиотеки⁵. Организационными формами методической работы являлись регулярные встречи выпускниц, деятельность справочно-педагогического бюро и городского педагогического кружка. В 1883 г. в формате научно-практической конференции был проведен съезд выпускниц школы. Его инициатором явился преподаватель Д.И. Тихомиров. Такой формат взаимодействия педагогического коллектива с выпускниками был реализован единственный раз не только в истории школы, но и в истории российского образования тех лет.

Воспитанницы и педагоги школы принимали активное участие в культурной жизни Твери. Литературно-музыкальные вечера и спектакли в стенах школы привлекали внимание горожан. Преподаватели школы принимали участие в организации мероприятий в сфере культурной жизни Твери и Тверской губернии. Так, преподаватель школы Л.В.

Кандауров стал одним из организаторов художественно-промышленной выставки в Твери в апреле-мае 1910 г.

Деятельность Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича представляет собой пример эффективного выполнения образовательным учреждением функций культурного и социального центра и использования образования в качестве канала вертикальной социальной мобильности, причем канала, доступного для той категории населения, для которой доступ к другим каналам социальной мобильности был затруднен в наибольшей степени.

В целом учительская школа стала инструментом для развития социальной и духовной сфер общества в масштабах Тверской губернии.

¹ Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864 – 1913 гг.). – Тверь: Тип. губ. земства, 1914.

² Школа П.П. Максимовича в культурно-образовательном пространстве Твери во второй половине XIX – начале XX века. К 150-летию Школы П.П. Максимовича: монография / О.К. Ермишкина, Т.А. Ильина, С.Н. Смирнов, А.В. Цыганова. – Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 46.

³ Школа П.П. Максимовича в культурно-образовательном пространстве Твери во второй половине XIX – начале XX века. К 150-летию Школы П.П. Максимовича: монография / О.К. Ермишкина, Т.А. Ильина, С.Н. Смирнов, А.В. Цыганова. – Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 49.

⁴ Смирнов С.Н., Ермишкина О.К. Развитие экскурсионной деятельности в Тверском государственном университете // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. 2007. № 1. С. 100 – 106.

⁵ Ильина Т.А. Библиотека Тверской земской женской учительской школы им. П.П. Максимовича // Книжное дело в России в XIX – начале XX в.: сб. науч. тр. СПб., 2014. С. 231 – 240.

История государства и права зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Н.В. Михайлова и др.]; под ред. Н.В. Михайловой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 599 с.

ISBN 978-5-238-03354-9

В учебнике представлен генезис системы правового регулирования общественных отношений на всем протяжении развития цивилизации. Дан сравнительный анализ взаимоотношения государства и права в различных государственно-правовых системах, выявлены общие закономерности становления, развития, трансформации общественного и государственного строя, проанализированы правовые системы отдельных государств на различных стадиях исторического процесса. Учебник позволяет сформировать профессиональное мышление юриста посредством изучения путей и средств развития права и государства как единого феномена, механизма взаимодействия его частей. Материал приведен в хронологических рамках четырех основных периодов: история государства и права Древнего мира; история государства и права Средних веков; история государства и права Нового времени; история государства и права Новейшего времени. Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов.

THE RIGHT TO SAVE MENTAL HEALTH IN THE STRUCTURE NEW GENERATION RIGHTS

ПРАВО НА ОХРАНУ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В СТРУКТУРЕ ПРАВ НОВОЙ ГЕНЕРАЦИИ

Vladimir Ivanovich Chervonyuk,

the doctor of jurisprudence, the professor of the Moscow University of the Mia of Russia named after V.Ya. Kikot

Nodari Darchoevich Eriashvili,

professor department of the civil and labor law, civil process of the «Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot», doctor of economics, candidate of law

Владимир Иванович Червонюк,

доктор юридических наук, профессор

Нодари Дарчоевич Эриашвили,

профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
professor60@mail.ru

Научная специальность 12.00.01 – теория и история государства и права; история учений о праве и государстве

Для цитирования: В.И. Червонюк, Н.Д. Эриашвили. Право на охрану психического здоровья в структуре прав новой генерации // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 73-78.

Annotation. The article presents an analysis of the right to save mental health, which is qualified as a right of a new generation, despite the fact that neither legal nor medical literature, works of psychologists consider mental health protection as a variety of basic human rights. Traditionally, science, following the practice, studies the problem of persons with mental disorders, usually in the context of the pathology of their legal behavior, infringing actions. At the same time, the law on the provision of psychiatric care and guarantees of citizens' rights in its provision, adopted in the early 1990s, helped to recognize the high value of health in general, and mental health in particular. The law was truly innovative mechanism to overcome the effects of repressive psychiatry in the Soviet period, its effect has enabled a fundamentally new way to deliver psychiatric care to those who need it in accordance with the stated principles of legality, humanity and respect for the rights of man and citizen, voluntarily seeking such help. At the same time, in the conditions of the XXI century, we are talking about a fundamentally new approach to assessing the problem of ensuring mental health, other mechanisms are required to maintain and strengthen mental health, the implementation of a set of rehabilitation measures aimed at restoring lost functions and skills, working capacity, social status of persons with mental disorders: psychosocial rehabilitation, psychotherapy, occupational therapy, art therapy in the broadest sense of the word, and much more, this ultimately leads to an overall improvement in the quality of human life.

Keyword: state of mental health, persons with mental disorders, psychiatric care, compulsory medical measures, repressive psychiatry of the Soviet period, procedure of involuntary hospitalization in a psychiatric hospital, provision of mental health, psychotic disorders, clinical and subclinical forms of mental disorders, mental health discomfort, pre-neurotic and neurotic disorders, psychoprophylaxis of information stress, psychoeducation, psychotherapy

Аннотация. Представлен анализ права на охрану психического здоровья, которое квалифицируется как право нового поколения, притом что ни в юридической, ни в медицинской литературе, работах психологов охрана психического здоровья не рассматривается в качестве разновидностей основных прав человека. Традиционно наука, следуя за практикой, исследует проблему лиц с психическими расстройствами, как правило, в контексте патологии их правового поведения, правонарушающих действий. Вместе с тем, принятый в начале 1990-х годов Закон об оказании психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании способствовал признанию высокой ценности здоровья вообще и психического здоровья в особенности. Закон явился действительно инновационным механизмом преодоления последствий репрессивной психиатрии советского периода, его действие позволило принципиально по-новому организовать оказание психиатрической помощи нуждающимся в ней в соответствии с заявленными принципами законности, гуманности и соблюдения прав человека и гражданина, добровольности обращения за такой помощью. Вместе с тем, в условиях XXI века речь идет о принципиально новом подходе к оценке проблемы обеспечения психического здоровья, требуются иные механизмы поддержания и укрепления психического здоровья, осуществление в этой связи комплекса реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление утраченных функций и навыков, работоспособности, социального статуса лиц с психическими расстройствами: психосоциальная реабилитация, психообразование, психотерапия и трудотерапия, арттерапия в самом широком смысле слова и многое другое, что в конечном итоге приводит к улучшению в целом качества жизни человека.

Ключевые слова: состояние психического здоровья, лица с психическими расстройствами, психиатрическая помощь, принудительные меры медицинского характера, репрессивная психиатрия советского периода, процедура недобровольной госпитализации в психиатрический стационар, обеспечение психического здоровья, психотические расстройства, клинические и субклинические формы психических расстройств, дискомфорт психического здоровья, пред-невротические и невротические расстройства, психопрофилактика информационного стресса, психообразование, психотерапия

До недавнего времени данная проблема в специальной литературе (не только по юриспруденции, но и по медицине и общей психологии) не рассматривалась даже в постановочном плане¹. Традиционно юристы обращались и обращаются исключительно либо к проблеме привлечения к ответственности² или же к оценке совершения юридически значимых действий лицами с психическими расстройствами³. Даже принятие Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (в действ. ред.) серьезным образом не повлияло на практику. Достаточно сказать, что и после принятия действующей Конституции ситуация определенное время не менялась. Контент-анализ постановлений Конституционного суда показывает, что обращения в Суд по данному вопросу касались исключительно защиты лиц с психическими расстройствами.

Правовые аспекты, получившие свое отражение в постановлениях ЕСПЧ по российским делам по этой проблематике, исследователи выделяют в три основные тематические группы: (1) основания и процедура недобровольной госпитализации в психиатрический стационар; (2) институт недееспособности в российском законодательстве; (3) реализация принудительных мер медицинского характера⁴.

Однако идеология Закона от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» все же определенным образом оказывала мотивационное действие. Так, в преамбуле данного Закона содержалось указание относительно «признания высокой ценности для каждого человека здоровья вообще и психического здоровья в особенности» (абз. 1)⁵. В качестве одной из наиболее значимых целей психиатрической помощи Закон указывал на «обследование психического здоровья граждан» (ч. 1 ст. 1). Что же касается психиатрической помощи лицам, страдающим психическими расстройствами, то, как следовало из Закона, такая помощь «гарантируется государством и осуществляется на основе принципов законности, гуманности и соблюдения прав человека и гражданина» (ч. 2 ст. 1). Законодательно закреплялись права лиц, страдающих психическими расстройствами. Согласно Закону при оказании психиатрической помощи такие лица имеют право на: уважительное и гуманное отношение, исключаящее унижение че-

ловеческого достоинства; получение информации о своих правах, а также в доступной для них форме и с учетом их психического состояния информации о характере имеющихся у них психических расстройств и применяемых методах лечения; психиатрическую помощь в наименее ограничительных условиях, по возможности по месту жительства; содержание в психиатрическом стационаре только в течение срока, необходимого для обследования и лечения; все виды лечения (в том числе санаторно-курортное) по медицинским показаниям; оказание психиатрической помощи в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям; предварительное согласие и отказ на любой стадии от использования в качестве объекта испытаний медицинских средств и методов, научных исследований или учебного процесса, от фото-, видео- или киносъемки; приглашение по их требованию любого специалиста, участвующего в оказании психиатрической помощи, с согласия последнего для работы во врачебной комиссии по вопросам, регулируемым настоящим Законом; помощь адвоката, законного представителя или иного лица в порядке, установленном законом (ч. 2 ст. 5).

Устанавливались запреты требовать сведения о состоянии психического здоровья (ст. 8), сведения о наличии у гражданина психического расстройства, фактах обращения за психиатрической помощью и лечении в учреждении, оказывающем такую помощь, а также иные сведения о состоянии психического здоровья признаются врачебной тайной, охраняемой законом (ст. 9). Законом устанавливалось, что лечение лица, страдающего психическим расстройством, проводится после получения его письменного согласия (ч. 1 ст. 11), за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи.

Законодательно допускаются в определенных случаях исключения. В частности, госпитализация без согласия лица, страдающего психическим расстройством, или без согласия его законного представителя, возможна только при применении принудительных мер медицинского характера, предусмотренных Уголовным законом и для принудительной госпитализации в психиатрический стационар, если обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, а психическое расстройство

является тяжелым и обуславливает: а) его непосредственную опасность для себя или окружающих, или б) его беспомощность, т. е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или в) существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи (ст. 29 Закона).

Законодательно предусматривались и иные средства и механизмы защиты прав пациентов.

Так, ограничение прав и свобод лиц, страдающих психическими расстройствами, становилось возможным «только на основании психиатрического диагноза, фактов нахождения под диспансерным наблюдением в психиатрическом стационаре либо в психоневрологическом учреждении» (ч. 3 ст. 5 Закона о психиатрической помощи). В специальной статье закреплялись права пациентов, находящихся в психиатрических стационарах.

В частности, они вправе: обращаться непосредственно к главному врачу или заведующему отделением по вопросам лечения, обследования, выписки из психиатрического стационара и соблюдения прав, предоставленных настоящим Законом; подавать без цензуры жалобы и заявления в органы представительной и исполнительной власти, прокуратуру, суд, к адвокату, в государственное юридическое бюро (при наличии); встречаться с адвокатом, работником или уполномоченным лицом государственного юридического бюро и со священнослужителем наедине; исполнять религиозные обряды, соблюдать религиозные каноны, в том числе пост, по согласованию с администрацией иметь религиозные атрибуты и литературу; выписывать газеты и журналы;

получать образование по программе общеобразовательной школы или специальной школы для детей с нарушением интеллектуального развития, если пациент не достиг 18 лет; получать наравне с другими гражданами вознаграждение за труд в соответствии с его количеством и качеством, если пациент участвует в производительном труде и др. (ст. 37)⁶.

Государством учреждалась независимая от органов здравоохранения служба защиты прав находящихся в психиатрических стационарах пациентов. Ее представители, как следовало из вышеупомяну-

того Закона, защищают права пациентов, принимают их жалобы и заявления, которые разрешают с администрацией данного психиатрического учреждения либо направляют в зависимости от их характера в органы представительной и исполнительной власти, прокуратуру или суд (ст. 38).

На Генерального прокурора Российской Федерации, прокуроров субъектов Федерации и подчиненных им прокурорам возлагалась обязанность надзора за соблюдением законности при оказании психиатрической помощи (ч. 3 ст. 45).

Таким образом, Закон об оказании психиатрической помощи явился действительно инновационным механизмом преодоления последствий репрессивной психиатрии советского периода. Можно сказать, что действие Закона позволило принципиально по-новому организовать оказание психиатрической помощи нуждающимся в ней в соответствии с заявленными Законом принципами законности, гуманности и соблюдения прав человека и гражданина, добровольности обращения за такой помощью.

Тем не менее, сыгравшее, несомненно, позитивную роль, действие Закона было очерчено вполне определенной сферой. Настоящий Закон, как следовало из его ст. 3 (ч. 1), распространяется на граждан Российской Федерации при оказании им психиатрической помощи и применяется в отношении всех учреждений и лиц, оказывающих психиатрическую помощь на территории Российской Федерации.

Между тем в современных условиях проблема психического здоровья требует к себе принципиально иного подхода. Во-первых, потому, что как отмечают специалисты, психическое здоровье это не только отсутствие психических расстройств, а во-вторых, психическое здоровье является неотъемлемой частью здоровья каждого человека. Здоровье является высшим неотчуждаемым благом человека без которого утрачивают значение многие другие блага и ценности⁷. Актуальность этой проблемы обусловлена неблагоприятной ситуацией, притом, что она (проблема) характерна для любой страны.

Так, исследователи проблемы отмечают, что количество психиатрических клиник за два последних десятилетия XX века увеличилось в 3 раза, количество госпитализаций по психиатрическим показаниям – в 1,5 раза, а количество амбулаторных

посещений пациентов, имеющих психиатрические диагнозы возросло в 5 раз. Бюджет Национального Института Психического Здоровья США с 1945 г. по 1996 г. увеличился с 1,1 млн. долл. до 661 млн. долл., т. е., в 600 раз, а совокупные расходы всех организаций, занятых в системе психического здоровья, увеличились в 8,6 раза – с 3,3 млрд долл. до 28,4 млрд долл. В целом стоимость лечения и содержания психиатрических пациентов возростала в 3 раза быстрее, чем в соматической медицине⁸.

Акцентируется внимание на том, что если в начале XX века преобладающими были невротические расстройства, то уже в конце прошедшего столетия наметился устойчивый рост психотических расстройств.

Одной из самых распространенных форм психопатологии становятся депрессии, которые, как прогнозируется, уже через 20 лет станут основной причиной инвалидности лиц активной возрастной группы. Самостоятельной проблемой является рост субклинической и клинической агрессивности, примеры которой в современном социуме настолько многочисленны, что это уже не требует обоснования. Как свидетельствуют данные, представленные Европарламенту в 2011, до 1/3 населения Европы (т. е., около 160 млн. чел.) страдает от клинических и субклинических форм психических расстройств.

По данным психопатологов, которые определяют потенциальное число пациентов, нуждающихся в психиатрической или психологической помощи, их численность в Российской Федерации достигает 7–15% от всей популяции. По другим данным эта цифра составляет 10%, т. е. применительно к России это составляет около 14 млн чел. Обращая внимание на то, что по прогнозам ВОЗ, к 2020 г. психические расстройства войдут в первую пятерку болезней человечества, презюмируется, что психические расстройства представляют не только существенное социальное и экономическое бремя для общества, но также повышают риск для физического здоровья людей⁹.

Если даже исходить из некоторого преувеличения самой проблемы, что, собственно говоря, характерно для того круга исследователей, которые занимаются данной проблемой, то все равно придется согласиться с тем, что общее количество граждан страны, испытывающих дискомфорт психического

здоровья, все же значительно. Именно это обстоятельство указывает на то что подобная проблема должна стать частью общей политики государства. В указанном смысле Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет психическое здоровье, как «...состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества». Понятно, что в этой связи психиатрическая помощь является только одной из составляющих поддержания психического здоровья. В этой связи обращает на себя внимание и то обстоятельство, что тенденция мультипликации общего числа граждан, обеспеченных состоянием своего психического здоровья, попадает в зависимость от естественной среды их обитания.

В частности, в условиях XXI в. учеными и специалистами ставится вопрос о необходимости развития информационной экологии, формирующей здоровый информационный образ жизни людей в социальной и природной среде. Презюмируется, что соблюдение правил информационной гигиены должно приводить к сознательно избранному информационному образу жизни, вследствие чего информационная экология становится частью экологии человека – важной части современной экологической мысли.

Отмечается, что в изменяющейся среде отрицательные эмоции в результате их накопления могут приводить к подрыву психического здоровья, повышению уровня тревожности, нарушениям сна, развитию пред-невротических и невротических расстройств. Утверждается в этой связи, что современному человеку необходимо владеть психопрофилактикой информационного стресса. По данной версии, научиться жить в современных условиях – означает владеть разумом и чувствами – искусством, которому, как доказывает креативная психология, может научиться каждый.

Между тем исследователи проблемы указывают на то, что данная проблема по прежнему остается «в тени». Так, анализ Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» показывает, что законодатель упоминает психическое здоровье,

психические болезни и производные от них словосочетания всего несколько раз¹⁰. В основном им акцентируется внимание на здоровье физическом (соматическом)¹¹.

Таким образом, речь идет о принципиально новом подходе к оценке проблемы обеспечения психического здоровья. Отсюда делается вывод о том, что «иным должно стать и понимание психического здоровья».

Обращается внимание и на то обстоятельство, что психическое здоровье определяется социально экономическими, биологическими и относящимися к окружающей среде факторами. Отмечается, что наиболее значимыми критериями психического здоровья, с точки зрения ВОЗ, являются: а) осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»; б) чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях; в) критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам; г) соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте воздействия среды, социальным обстоятельствам и ситуациям.

К этому добавляются еще три фактора: а) способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами; б) способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать эти планы; в) способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

С учетом отмеченных оценок делается общий вывод: современное понимание психического здоровья исходит из гораздо более широкого нежели медицинский по сути мировоззренческого контекста; здоровье должно не только «очищаться от симптомов болезни», но также восстанавливаться и улучшаться; должны восстанавливаться и укрепляться все его ресурсы (физические, или телесные, психологические интеллектуальные, эмоциональные, личностные, социальные – работоспособность, семейный и общественный статус, качество жизни в целом).

Отсюда требуются иные механизмы поддержания и укрепления психического здоровья: если традиционная медицина требует активного лечения и

избавления от болезни, то современный подход к пониманию проблемы основывается на осуществлении в дальнейшем целого комплекса реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление утраченных функций и навыков, работоспособности, социального статуса личности и т. д. Особо подчеркивается: для пациентов с психическими расстройствами это, прежде всего, психо-социальная реабилитация, среди наиболее важных методов которой называют всевозможные тренинги нарушенных функций, восстановление прежних или выработку новых (абилитация) навыков жизнедеятельности, психообразование, психотерапия и трудотерапия, арттерапия в самом широком смысле слова и многое другое, что в конечном итоге приводит к улучшению в целом качества жизни человека.

Литература

1. Червонюк В. И. Конституционное право России. Общая часть : учебник. В 2-х кн. Кн. 2 / В. И. Червонюк. 2-е изд., дополн. и перераб. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 473 – 481.
2. Агафонова Н. Н. Гражданское право. М., 2002. С. 440–441.
3. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / Т.К. Андреева, Е.Е. Баглаева, Г.Е. Беседин и др. М.: Развитие правовых систем, 2019. Вып. 5: Россия и Европейская конвенция по правам человека: 20 лет вместе.- 576 с.
4. Деменева А.В. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека по делам об оказании психиатрической помощи в России // Международное правосудие. – 2014. – № 2. – С. 21 – 43.
5. Ведомости Съезда народных депутатов и Верх. Совета Рос. Федерации. – 1992. – № 33, ст. 1913.
6. Абрамян С. К. Право на психическое здоровье в Российской Федерации // Правовое пространство России: проблемы теории, истории, практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием. 28–29 мая 2010. Славянск-на-Кубани: Издат. центр СГПИ, 2010. С. 3–7.

7. Психиатрия : национальное руководство / гл. ред.: Ю. А. Александровский, Н. Г. Незнанов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2020. С. 53 – 63, 915 и сл.

8. Иванец Н. Н. Психиатрия и медицинская психология : учебник / Н. Н. Иванец [и др.]. Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2020. С. 136 и сл

9. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 48, ст. 6724.

10. Мохов А. А. Психическое здоровье как феномен // Медицинское право. 2019. № 1 / СПС «КонсультантПлюс».

11. Медицинское право: учеб. пособие / К. В. Егоров, А. С. Булнина, Г. Х. Гараева и др. М.: Статут, 2019.

ченного лица применять меры правоохранительного характера в целях восстановления (компенсации) нарушенного нематериального блага (психического здоровья), принадлежащего данному лицу, или предотвращения нарушения этого блага» (Агафонова Н. Н. Гражданское право. М., 2002. С. 440–441).

³ Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / Т.К. Андреева, Е.Е. Баглаева, Г.Е. Беседин и др. М.: Развитие правовых систем, 2019. Вып. 5: Россия и Европейская конвенция по правам человека: 20 лет вместе.- 576 с.

⁴ Деменева А. В. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека по делам об оказании психиатрической помощи в России // Международное правосудие. 2014. № 2 / СПС «КонсультантПлюс»

⁵ Ведомости Съезда народных депутатов и Верх. Совета Рос. Федерации. – 1992. – № 33, ст. 1913.

⁶ Там же.

⁷ Абрамян С. К. Право на психическое здоровье в Российской Федерации // Правовое пространство России: проблемы теории, истории, практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием. 28–29 мая 2010. Славянск-на-Кубани: Издат. центр СГПИ, 2010. С. 3–7.

⁸ См. об этом: Психиатрия : национальное руководство / гл. ред.: Ю. А. Александровский, Н. Г. Незнанов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2020. С. 53 – 63, 915 и сл.; Иванец Н. Н. Психиатрия и медицинская психология : учебник / Н. Н. Иванец [и др.]. Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2020. С. 136 и сл.

⁹ Абрамян С. К. Указ. раб. С. 5.

¹⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 48, ст. 6724

¹¹ Мохов А. А. Психическое здоровье как феномен // Медицинское право. 2019. № 1 / СПС «КонсультантПлюс».

¹ Червонюк В. И. Конституционное право России. Общая часть : учебник. В 2-х кн. Кн. 2 / В. И. Червонюк. – 2-е изд., дополн. и перераб. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 473 – 481.

² Так, в частности, в одной из работ отмечается, что «право на защиту психического здоровья представляет собой установленную гражданским законом возможность управомо-

Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. М.М. Рассолова, А.И. Клименко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. — 343 с.

ISBN 978-5-238-03435-5

Теория государства и права — ключевая учебная дисциплина в подготовке юриста-профессионала. В ее рамках подвергаются научному осмыслению основные юридические понятия, концепции, механизмы и конструкции, актуальные для всех отраслей права. Учебник содержит два раздела — теорию государства и теорию права. Учебный материал излагается доступно, ясно и лаконично, а учебные вопросы рассматриваются с точки зрения актуальных проблем современной теории государства и права.

Для студентов, аспирантов, всех интересующихся теорией государства и права.

THE CULTURAL DIMENSION OF MODERN LAW:
ON THE QUESTION OF LEGAL UNIVERSALISM AND LEGAL IDENTITYКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА:
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ УНИВЕРСАЛИЗМЕ И ПРАВОВОЙ САМОБЫТНОСТИ

Nodari Darchoevich Eriashvili,

Professor of the Department of civil and labor law, civil procedure of the Moscow state University of the Ministry of internal Affairs of Russia. Kikotyа, editor-in-chief of UNITY-DANA publish in g house, head of the Law and law bar Association, winner of the Russian Government prize in science and technology, doctor of Economics, candidate of law, candidate of historical Sciences, Professor

Нодари Дарчоевич Эриашвили,

профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса МосУ МВД России им. Кикотья, главный редактор издательства «ЮНИТИ-ДАНА», руководитель Коллегии адвокатов «Закон и право», лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор

Для цитирования: Н.Д. Эриашвили. Культурное измерение современного права: к вопросу о правовом универсализме и правовой самобытности // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 79-81.

Annotation. In the article, when analyzing the legal literature and normative legal acts on the cultural dimension of modern law, several judgments are made: legal universalism can be considered as an indicator for the cultural dimension of modern law; legal identity can be considered as an indicator for the cultural dimension of modern law; and legal universalism and legal identity should be taken into account when improving the legislation of the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, legislation, international treaty, Constitution of the Russian Federation, federal law of the Russian Federation, law, culture, legal universalism, legal identity

Аннотация. В статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов о культурном измерении современного права высказано несколько суждений: правовой универсализм может рассматриваться в качестве показателя для культурного измерения современного права; правовая самобытность может рассматриваться в качестве показателя для культурного измерения современного права; и правовой универсализм, и правовая самобытность должны учитываться при совершенствовании законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, международный договор, Конституция РФ, федеральный закон РФ, право, культура, правовой универсализм, правовая самобытность

Предметом данной статьи является культурное измерение современного права (посредством правового универсализма и правовой самобытности).

Первоначально о состоянии теории.

Так, В.В. Груздев рассмотрел «содержание гражданско-правового универсального императива, необходимого для ограничения диспозитивной свободы участников имущественного оборота» («Таким образом, цивилистический режим универсального императива формируется императивными и не исключенными (не измененными) субъектами диспозитивными нормами, индивидуальными правилами поведения, правовыми обычаями, а также общим запретом поведения, затрагивающего права или охраняемые законом интересы. Обеспечивается универсальный императив мерами гражданско-правовой защиты, для применения которых необходимо наличие нарушения либо оспаривания субъективного права или охраняемого законом интереса, и мерами гражданско-правовой ответственности,

применение которых требует установления нарушения субъективного права или охраняемого законом интереса»)¹.

А.Ф. Ноздрачев раскрыл «содержание понятия "конфликт интересов", выясняются его происхождение и современное значение в государственном и муниципальном (публичном) управлении» (Для квалификации ситуаций в качестве конфликта интересов в отношениях противодействия коррупции необходимо установить наличие:

1. личной заинтересованности (прямой или косвенной) в виде возможности получения доходов для себя или третьих лиц;
2. связь указанных возможных доходов с исполнением должностных обязанностей;
3. влияние или возможность влияния личной заинтересованности на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей»; «В контексте установленного определения понятия «конфликт интересов» не требуется обяза-

тельного наличия: прямой личной заинтересованности; реального влияния личной заинтересованности на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей; реального получения доходов»².

О.В. Шумилов отмечает следующее: «Источники международно-правовой защиты трудовых прав. Глобализация социальной жизни и мировой экономики выдвигает на первый план проблемы труда, его правового обеспечения и унификации правовых режимов в сфере трудовых отношений. Данная проблема является актуальной практически для всех государств» («Сочетание международно-правовых и внутригосударственных средств защиты трудовых прав позволяет говорить о комплексном регулировании трудовых правоотношений»³.

И.В. Редькиным рассмотрены «вопросы защиты потребителей посредством механизма универсальной услуги, анализируются зарубежная практика и современные тенденции развития модели универсальной услуги на примере сектора телекоммуникаций и электроэнергетики» («В качестве вывода можно отметить, что для России является весьма актуальным дальнейшее развитие правовой модели универсальных услуг для населения и ее распространение на различные сферы оказания социально важных услуг (например, таких, как электро- и газоснабжение) с учетом роста неплатежеспособности уязвимых слоев населения, с одной стороны, и поиска баланса интересов между государством и бизнесом в указанных сферах социальных инфраструктурных услуг - с другой»⁴.

Целью публикации Л.В. Андриченко является «анализ сложившихся правовых форм сохранения этнокультурной самобытности, имеющих как территориальный, так и экстерриториальный характер и обеспечивающих реализацию основных направлений государственной политики, которые закреплены в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., а также определение их достаточности и адекватности содержанию решаемых проблем» («Таким образом, в рамках государства должен идти постоянный межкультурный диалог и взаимообмен. Он создает культуру межнационального общения - продукт истории, посредством которого передаются достижения социального опыта. Осо-

бую роль в нем играет русский язык - он не просто является государственным языком, но и становится языком межкультурной коммуникации и межнационального общения, посредством которого преодолевается языковой барьер между представителями разных народов внутри многонационального государства. Русский язык является одним из наиболее мощных стимулов формирования общегражданской идентичности в России»⁵.

Между тем, категории универсализма и самобытности имеют глубокие исторические корни. В качестве примера можем привести научные дискуссии по вопросу о сущности модели социальной структуры России, сложившейся в XVII в.⁶

Не столь совершенные результаты научных изысканий относительно правового универсализма и правовой самобытности предопределяют и несовершенство законодательства Российской Федерации⁷.

Первоначально обращаемся к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой⁸: к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.⁹: «1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. 2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. 3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. 4. Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством» - ст. 68).

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

Так, в Федеральном законе РФ «О национально-культурной автономии» от 22 мая 1996 г.¹⁰ определены «правовые основы национально-культурной автономии в Российской Федерации, создает правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан

Российской Федерации в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития».

В Федеральном законе РФ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» от 5 февраля 1997 г.¹¹ урегулированы «отношения, связанные с культурными ценностями, перемещенными в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящимися на территории Российской Федерации». «Основными целями» Федерального закона РФ от 5 февраля 1997 г. являются: «защита указанных культурных ценностей от расхищения, предотвращение их незаконного вывоза за пределы Российской Федерации, а также неправомерной передачи кому бы то ни было; создание необходимых правовых условий для реального обращения указанных культурных ценностей на частичную компенсацию ущерба, причиненного культурному достоянию Российской Федерации в результате разграбления и уничтожения ее культурных ценностей Германией и ее военными союзниками в период Второй мировой войны; обеспечение интересов Российской Федерации при урегулировании с иностранными государствами спорных вопросов, касающихся указанных культурных ценностей, на основе последовательного соблюдения принципа взаимности; предоставление возможности для ознакомления с указанными культурными ценностями гражданам Российской Федерации и иностранным гражданам, в том числе специалистам в сфере образования, науки и культуры; создание благоприятных условий для дальнейшего развития международного сотрудничества в сфере образования, науки и культуры».

В Федеральном законе РФ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 6 июля 2000 г.¹² установлены «общие принципы организации и деятельности общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, создаваемых в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, прав и законных интересов указанных коренных малочисленных народов, а также определяет правовые ос-

новы общинной формы самоуправления и государственные гарантии его осуществления».

Таким образом, научный поиск показателей для культурного измерения современного права необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, правовой универсализм может рассматриваться в качестве показателя для культурного измерения современного права.

Во-вторых, правовая самобытность может рассматриваться в качестве показателя для культурного измерения современного права.

В-третьих, и правовой универсализм, и правовая самобытность должны учитываться при совершенствовании законодательства Российской Федерации.

¹ Груздев В.В. Гражданско-правовой универсальный императив // Нотариус. 2019. № 2. С. 14 - 16.

² Ноздрачев А.Ф. Конфликт интересов: новое "универсальное" нормативное правовое определение понятия в законодательстве о противодействии коррупции // Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 26 - 38.

³ Шумилов О.В. Международно-правовая защита трудовых прав (на универсальном и региональном уровнях) // Внешнеторговое право. 2006. № 2.

⁴ Редькин И.В. О правовой модели универсальных услуг в международной и российской практике // Международное публичное и частное право. 2017. № 1. С. 23 - 26.

⁵ Андриченко Л.В. Правовые механизмы сохранения этнокультурной самобытности народов Российской Федерации и формирования общероссийской гражданской идентичности // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 38 - 51.

⁶ Смирнов С.Н. Вопросы правового и социального развития России в середине XVII века: Правовой и социальный статус человека: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. 170 с.

⁷ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

⁸ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

⁹ См.: РГ. 2020. 4 июля. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.

¹¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1799.

¹² См.: СЗ РФ. 2000. № 30. Ст. 3122.

**INNOVATION IN LAW: MODERN LEGAL TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT
OF DIGITAL REALITY.
ARTICLE 9. LIMITS OF TECHNOLOGIZATION (AND DIGITALIZATION) IN THE
FIELD OF LAW AND THE PHENOMENON OF DIGITAL DICTATORSHIP**

**СТАТЬЯ 9. ПРЕДЕЛЫ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ (И ЦИФРОВИЗАЦИИ) В СФЕРЕ
ДЕЙСТВИЯ ПРАВА И ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ ДИКТАТУРЫ
ИННОВАЦИИ В ПРАВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Vladimir Ivanovich Chervonyuk,
the doctor of jurisprudence, the professor of the Moscow University of the Mia of Russia named after V.Ya. Kikot

Владимир Иванович Червонюк,
доктор юридических наук, профессор

Научная специальность 12.00.01 – теория и история государства и права; история учений о праве и государстве

Для цитирования: В.И. Червонюк. Статья 9. Пределы технологизации (и цифровизации) в сфере действия права и феномен цифровой диктатуры. *Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности* // *Международный журнал конституционного и государственного права* 1/2021. С. 82-86.

Annotation. Digitalization, technologization, robotization, development of artificial intelligence systems are interconnected, and in the latest conditions are interdependent quantities; the ever-increasing interactions between them significantly affect the legal life of modern society, the legal policy of the state, subordinate legal structures to their influence, form new legal practices, transform legal perception and legal behavior of communicating subjects, predetermine the need for innovative legal regulators.

In the twenty century legal technologies along with the function of rationalizing the behavior of social actors in the sphere of law are used to achieve large scale tasks of legal policy – introduction of new or redistribution of existing methods of legal regulation, design, testing and introduction of innovative legal regimes into the country's legal system, use of mechanisms for deregulation in the economy, transplantation of new types of procedural and control and Supervisory proceedings, systematization of large legislative arrays, and thus giving the law the necessary structure and systematic nature of action.

Innovative legal technologies are the production of a new product by means and techniques previously unknown to practice. In the context of the goals and objectives of digitalization, there is an urgent need for the wide use of «legal engineering» tools in various areas of public administration, in legislative and law enforcement activities, in the field of law enforcement and in the organization of legal behavior of direct legal users. The factor of the technosphere and the emerging digital reality not only changes the nature of law (and legal regulation), but also restructures the subject areas of legal science, affects their content and format of legal research. The sphere of scientific analysis involves new objects that had no analogues; the developed problems are completely subordinated to the needs of developing practice.

The proposed project compositionally covers nine articles united by a single concept, the object of analysis in which is the Innovative legal technologies.

In this is developed legal doctrine in relation to the cycles of law - legal influence, perception of law, legal actions and legal order – an analysis of technologies for applying data in legislation is proposed; the methodology and technologies for applying experimental legal regimes («regulatory sandboxes») in certain areas (zones, sections) of legal regulation are investigated; legal innovations in the field of deregulation, the introduction of «regulatory guillotine» mechanisms, etc. are highlighted. The analysis of the limits of technologization (and digitalization) is presented); the necessity of understanding the risks associated with digital technologies is proved, and the justification of measures to counter aggressive manifestations of the «digital environment» is proposed.

Keywords: technologization of legal activity, digitalization in law, digitalization of law, social and legal value of legal technologies, levels of application of legal technologies, «legal engineering», legislative technologies, technologies for coordinating interests in legislative activity, Big data technologies in legislation, technologies of advanced lawmaking, experimental legal regime, technologies for creating «regulatory sandboxes», legislation on mandatory requirements, innovations in the field of deregulation, mechanisms of the «regulatory guillotine» methodology and technologies for assessing regulatory impact, parliamentary control over the implementation of laws, technologies for the perception of law, information and legal technologies, digitalization in law, «digital lawyer», «digital social Ombudsman», law enforcement technologies, technologies for the formation of legal (constitutional) orders, technologies for ensuring lawful behavior, technologies for restorative justice, electronic justice, predicative justice, digitalization of judicial proceedings, artificial intelligence systems in the field of environmental protection, neural network technologies, technologies for assessing the state of the socio-legal environment, the method of event analysis, the limits of technologization (and digitalization), «digital dictatorship», illegal invasion of privacy, the right to protect geolocation, criteria for the validity (admissibility) of digitalization in the law

Аннотация. Цифровизация, технологизация, роботизация, развитие систем искусственного интеллекта – взаимосвязанные, а в новейших условиях и взаимозависимые величины; все более усиливающиеся между ними интеракции ощутимо влияют на правовую жизнь современного социума, правовую политику государства, подчиняют своему влиянию правовые структуры,

формируют новые юридические практики, трансформируют правовое восприятие и правовое поведение коммуницирующих субъектов, определяют необходимость появления инновационных правовых регуляторов.

В условиях XXI века юридические технологии наряду с функцией рационализации поведения социальных субъектов в сфере действия права применяются для достижения масштабных задач правовой политики – внедрения новых или перераспределения действующих методов правового регулирования, конструирования, апробации и введения в правовую систему страны инновационных правовых режимов, использования механизмов дерегулирования в экономике, трансплантации в практику новых видов процессуальных и контрольно-надзорных производств, систематики крупных законодательных массивов и таким образом придания праву необходимой структурности и системного характера действия.

Инновационные правовые технологии – это производство нового продукта средствами и приемами ранее не известными практике. В контексте целей и задач цифровизации ощущается острая необходимость в широком использовании инструментария «правовой инженерии» в различных областях государственного управления, в законодательной и правоприменительной деятельности, в сфере правоохраны и в организации правового поведения непосредственных правопользователей. Фактор техносферы и нарождающейся цифровой реальности не только изменяет характер действия права (и правового регулирования), но и реструктурирует предметные области юридической науки, влияет на их содержание и формат юридических исследований. В сферу научного анализа вовлекаются не имевшие аналогов новые объекты; разрабатываемая проблематика полностью подчинена потребностям развивающейся практики.

Предлагаемый проект композиционно охватывает объединенные единым замыслом девять статей, объектом анализа в которых являются инновационные юридические технологии.

В этой связи применительно к разработанному правовой доктриной циклам действия права – правовому воздействию, восприятию права, правовым действиям и правовому порядку – предложен анализ технологий применения Больших данных (Big data) в законодательствовании; исследуется методология и технологии применения в отдельных сферах (зонах, участках) правового регулирования экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц»); освещены правовые инновации в сфере дерегулирования, внедрения механизмов «регуляторной гильотины» и др. Представлен анализ пределов технологизации (и цифровизации); доказывается необходимость осмысления рисков, сопряженных с цифровыми технологиями, предлагается обоснование мер противодействия агрессивным проявлениям «цифровой среды».

Ключевые слова: технологизация правовой деятельности, цифровизация права, социально-правовая ценность юридических технологий, уровни применения юридических технологий, «правовая инженерия», законодательные технологии, технологии согласования интересов в законодательной деятельности, технологии Больших данных в законодательствовании, технологии опережающего правотворчества, экспериментальный правовой режим, технологии создания «регуляторных песочниц», законодательство об обязательных требованиях, инновации в сфере дерегулирования, механизмы «регуляторной гильотины» методология и технологии оценки регулирующего воздействия, парламентский контроль за реализацией законов, технологии восприятия права, информационно-правовые технологии, дигитализация в праве, «цифровой юрист», «цифровой социальный омбудсмен», правоприменительные технологии, технологии формирования правовых (конституционных) порядков, технологии обеспечения правомерного поведения, технологии восстановительного правосудия, электронное правосудие, предикативное правосудие (predictive justice), цифровизация судопроизводства, системы искусственного интеллекта в сфере правоохраны, нейросетевые технологии, технологии оценки состояния социально-правовой среды, метод событийного анализа, пределы технологизации (и цифровизации), «цифровая диктатура», неправомерное вторжение в частную жизнь, право на защиту геолокации, критерии допустимости цифровизации в праве

Под влиянием процессов технологизации и цифровизации неизбежно происходят изменения в праве. Философичное замечание о том, что в результате такого воздействия может поменяться сам образ права, его регулятивная роль, границы и пределы действия права¹, как и предостережение о том, что благодаря технологиям блокчейн право ждут революционные изменения², очевидно, имеют под собой определенные основания (не беспочвенны), хотя и не лишены известной фантазмагоричности.

Феномен «цифровой диктатуры» – отнюдь не плод вымыслов ученых, а реальность, в которую и отдельный индивид, и социум погружены. Так, в официальных документах КНР с 2014 г. появилось понятие рейтинга общественной благонадежности. Отклонение от зафиксированного цифровыми технологиями базового рейтинга (в зависимости от поведения – действий правомерных и неправомерных, притом что доносы на других повышают

рейтинг) в сторону более низкого снижает уровень рейтинга (такое решение принимает искусственный интеллект на основе анализа 160 тыс. заданных ему параметров) и неизбежно влечет многочисленные ограничения трудовых и иных прав³.

Исходя из той посылки, что «цифровизация влечет беспрецедентное усиление контроля над отдельной личностью», однако «этот процесс следует принять как неизбежность», один из авторов предлагает экстраполировать такую цифровую новеллу в российскую действительность, предвосхищая, что «в ближайшем будущем цифровой рейтинг общественной благонадежности найдет свое воплощение в России, перспективным видится дополнение уголовного законодательства новым видом наказания – снижение рейтинга общественной благонадежности»⁴. Вот так незамысловато снижение рейтинга общественной благонадежности предлагается признать равнозначным общественной опасности,

то есть квалифицировать в качестве преступления. Цифровизация действительно ломает привычные представления о частной жизни как зонах свободных от чьего-либо присутствия. Понятно, что интернет-провайдеры, операторы мобильной связи, многочисленные социальные сети и мобильные приложения ежедневно, а также сервисы электронного правительства, кредитно-финансовый сектор целенаправленно осуществляют сбор сведений о пользователях, формируя «цифровое досье» с данными о потребительском поведении, сфере общения и др. Тем самым пользователь непрерывно ощущает на себе влияние сетевого контроля, не в состоянии от него освободиться. В этой связи сентенции по поводу того, что праву-де неподконтрольны сферы такого неправового вторжения объяснить можно разве что нежеланием государства (его институтов) формировать цивилизованное поведение мега-информационных структур, а равно удерживать в границах права собственные структуры⁵.

Юристам, как это представляется очевидным, не следует забывать, что quintэссенция права, его фундаментальная основа – это права человека, его свободы, трансформация которых неизбежно (имплицитно) влечет за собой изменения естества (природы) самого человека. В силу этого фундаментальной значимости обстоятельства пределы изменения в праве, притом не только в его содержании, но и в его форме, в решающей мере предопределены фактором прав человека⁶.

Именно поэтому право должно «определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий»⁷. На специально-юридическом языке это означает, что такие ценностные ориентиры должны получить подтверждение в тексте закона и притом в соответствии с требованием правовой определенности⁸, а кроме того, пространство свободы как отдельной личности, так и групп людей должно быть специально гарантировано.

Так, очевидно, что в условиях вводимого повсеместного режима изоляции и системы цифровых пропусков, а также использования системы распознавания лиц для наложения административных штрафов для защиты прав личности важно признать право на защиту геолокации, выделить его особо в системе защиты персональных данных и

разработать свод четких юридических норм для охраны такого прав⁹.

В этой связи, справедливо обращая внимание на то обстоятельство, что существует большой процент ошибочного привлечения к административной ответственности в случаях, когда технические устройства слежения, действующие в автоматическом режиме, «ошибаются», ученые-юристы (в связи с разработкой и принятием нового Кодекса об административных правонарушениях) указывают на необходимость юридически обоснованно соотносить новые технологии с базовыми принципами юридической ответственности, презюмируя, что доказательства должны отвечать критериям относимости, допустимости, достаточности и др.¹⁰

Следовательно, критериями обоснованности (социальной приемлемости, допустимости) введения инноваций в праве, чем бы они не мотивировались, должны выступать те базовые ценности (существо конкретного права, свободы), которыми иницилирующий цифровые нововведения не может пренебречь, не рискуя войти в противоречие как со здравым смыслом, так и правовыми основаниями инноваций¹¹. Видимо, перечень таких ценностных ориентиров в форме абсолютных запретов, не допускающих никаких исключений, равно принципов, при соблюдении которых введение инновации допустимо, должно быть признано законодательно, тем самым служить надежной преградой безудержной технологизации и цифровизации¹².

Очевидно, что и процессуальное законодательство должно безусловно реагировать на те риски, с которыми сопряжены цифровизация, роботизация, использование в разных областях деятельности систем искусственного интеллекта. Одним из позитивных примеров этому может служить принятая 4 декабря 2018 г. Европейской комиссией по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы первая Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах. Документом определены приоритетные принципы, которые должны быть соблюдены в уголовном судопроизводстве при использовании искусственного интеллекта: принцип уважения основных прав и свобод человека, принцип недопустимости дискриминации лиц, принцип качества и безопасности обработки судебных решений и иных баз данных,

принцип прозрачности (порядок и особенности применения должны быть понятны), беспристрастности и справедливости, принцип подконтрольности систем пользователю (судебные работники должны понимать, на чем основываются выводы, и анализировать их исходя из обстоятельств дела).

Очевидно, что в этой же связи правовая доктрина должна самым внимательным образом отнестись к разного рода юридическим прогнозам (предсказаниям) трендов «цифрового развития» законодательства, правоприменительной практики, нередко представляемых в авторитетных изданиях солидными и узнаваемыми юридическими учреждениями и самим этим фактом дезориентирующим, прежде всего, законодательную политику и практику. В данном контексте ученые должны проявить специальный интерес к проблематике предикативной аналитики.

Спрос на моду в праве – это не совсем то же, что интерес к моде в шоу-бизнесе. Отсюда и мораль дискурса относительно юридической инноватики такова: в профессиональном сообществе юристов слепое восхваление технологизации юридической деятельности (равно как и роботизации, тотальной оцифровки юридических процессов, фетишизации возможностей искусственного интеллекта в сфере правоохраны и пр.) как и ретроградство в отношении инноваций в праве в одинаковой мере не должно поощряться.

Литература:

1. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 9. С. 15; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Заллоило, О. А. Иванюк, А. А. Головина ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. С. 27.

2. Barraud B. Les blockchains et le droit. Revue Lamy Droit de l'immatériel, Lamy (imprimé) / Wolters Kluwer édition électronique. 2018. P. 48. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667>

3. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции

// Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 762; Барчуков В. К. Использование искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов зарубежных стран // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 5. – С. 19 – 21.

4. Рускевич Е. А. Уголовное наказание и цифровые технологии : точка бифуркации // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 81–82.

5. См.: Червонюк В. И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. – 2020. – № 2. – С. 50–58.

6. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. – 2019. – № 11. – С. 28.

7. Корнев А.В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 11–22.

8. Синюков В. Н. Понятие и значение цифрового права в современной правовой системе // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020. С. 19.

9. См.: Иванова К. А. Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 9. – С. 32–38.

10. см. об этом: Правкин С. А., Смирнова В. В. Новый этап административной реформы в России, или Что ожидать от «регуляторной гильотины»? // Рос. юстиция. – 2020. – № 7. – С. 25–27.

11. См.: Червонюк В. И. Конституционное право России. Общая часть : учебник. В 2-х кн. Кн. 2 / В. И. Червонюк. – 2-е изд., дополн. и перераб. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

12. uropean Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения: 15.12. 2020)

¹ Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 9. С. 15; Цифровизация

правотворчества: поиск новых решений : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, О. А. Иванов, А. А. Головина ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. С. 27.

² По данной версии, станут ненужными такие привычные институты, как нотариат и регистрационная палата, банки, а возможно, и само государство как контролирующий орган (Barraud B. Les blockchains et le droit. Revue Lamy Droit de l'immatériel, Lamy (imprimé) / Wolters Kluwer édition électronique. 2018. P. 48. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667>).

³ Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 762; Барчуков В. К. Использование искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов зарубежных стран // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 5. – С. 19–21.

⁴ Рускевич Е. А. Уголовное наказание и цифровые технологии : точка бифуркации // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 81–82.

⁵ По сообщениям СМИ, в настоящее время Департамент информационных технологий мэрии Москвы формирует цифровое досье, или «цифровой профиль» («ИС СТАТС») на жителей мегаполиса, предполагающий сбор самых разнообразных сведений. В режиме реального времени системе сбора информации будут доступны геолокация, перемещение «оцифрованных», их нарушения, штрафы, долги, кроме того, сведения (персональные данные) будут пополнены из медицинских, транспортных и иных информационных ресурсов (см., например: [openmedia.io > news...](https://openmedia.io/news/)).

⁶ См.: Червонюк В. И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном

правовом дискурсе // Государство и право. – 2020. – № 2. – С. 50–58.

⁷ Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. – 2019. – № 11. – С. 28.

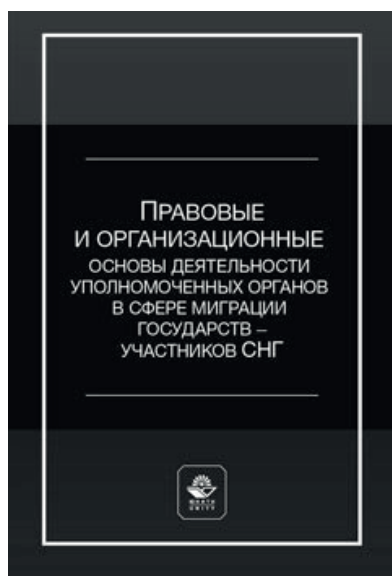
⁸ Плохо, конечно, что «когда мы говорим о «цифровизации права»... не до конца понимаем, что это такое» (Корнев А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 11–22). В этой же связи не следует деюридизировать так называемое «цифровое право», презюмируя, что «в цифровом праве классическое право сведено к минимуму, фактически к признакам признания и эффективности (этичности). В этом смысле цифровое право – это соединение неправовых регуляторов, которые в определенных сочетаниях дают правовое качество» (Синюков В. Н. Понятие и значение цифрового права в современной правовой системе // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020. С. 19).

⁹ См.: Иванова К. А. Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 9. – С. 32–38.

¹⁰ См. об этом: Правкин С. А., Смирнова В. В. Новый этап административной реформы в России, или Что ожидать от «регуляторной гильотины»? // Рос. юстиция. – 2020. – № 7. – С. 25–27.

¹¹ См.: Червонюк В. И. Конституционное право России. Общая часть : учебник. В 2-х кн. Кн. 2 / В. И. Червонюк. – 2-е изд., дополн. и перераб. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

¹² Uropean Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения: 15.12. 2020).

Правовые и организационные основы деятельности уполномоченных органов в сфере миграции государств — участников Содружества Независимых Государств: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А.С. Прудникова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 239 с.

ISBN 978-5-238-03333-4

Учебное пособие подготовлено с учетом теоретических и научно-практических подходов к изучению организационных основ деятельности уполномоченных органов в сфере миграции. В частности, нашли отражение такие вопросы, как деятельность уполномоченных органов в сфере миграции, их формы взаимодействия, а также задачи и функции органов полиции и милиции в государствах — участниках Содружества Независимых Государств и иных иностранных государствах.

Для студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов, а также практических работников системы правоохранительных органов.

THE ROLE OF LEGAL CULTURE AND LEGAL IDEOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE SMOLENSK REGION)

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

A.V. Yakutin,

Lecturer at the Central Checkpoint of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Smolensk Region
Smolensk, Russia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

O. L. Yakutina,

Associate Professor of the Department of Natural Sciences and Humanities of the Smolensk Branch of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education "PRUE named after G.V. Plekhanov "
Smolensk, Russia Candidate of Philology

D.A. Kopeikin,

Undergraduate FSBEI HE "Smolensk State Agricultural Academy"
Smolensk, Russia

А.В. Якутин,

преподаватель ЦПП УМВД России по Смоленской области
г. Смоленск, Россия, кандидат исторических наук, доцент

О.Л. Якутина,

доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин
Смоленского филиала ФГБОУ ВО «РЭУ им Г.В. Плеханова»
г. Смоленск, Россия кандидат филологических наук

Д.А. Копейкин,

магистрант ФГБОУ ВО «Смоленская ГСХА» г. Смоленск, Россия

Для цитирования: Якутин А.В., Якутина О.Л., Копейкин Д.А. Роль правовой культуры и правовой идеологии в развитии современного общества (на примере Смоленской области) // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.87-90.

Abstract. The article analyzes the creation and development of youth movements on the territory of Smolensk region during the XX - early XXI century. The evolution of Russian patriotic concepts and ideological influence on young people is traced in order to develop significant value orientations. The necessity of the adoption and subsequent implementation of a harmonious concept of education of patriotism and legal culture in the youth environment is justified.

Keywords: youth; patriotism; education; culture; ideology; statehood; Homeland; legal awareness; Smolensk region

Аннотация. В статье даётся анализ создания и развития молодежных движений на территории Смоленской области в период XX – начала XXI века. Прослеживается эволюция российских патриотических концепций и идеологического воздействия на молодёжь в целях выработки значимых ценностных ориентиров. Обосновывается необходимость принятия и последующей реализации стройной концепции воспитания патриотизма и правовой культуры в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь; патриотизм; воспитание; культура; идеология; государственность; Родина; правосознание; Смоленщина

Коренные изменения в российском обществе, связанные с отказом от социалистического пути развития и последовавшей ликвидацией флагманов правовой идеологии в лице КПСС и ВЛКСМ в 90-е гг. XX века, привели к образованию многопартийной системы и как следствие к возникновению различных общественно-политических и связанных с ними молодежных движений и объединений с разноплановой идейной направленностью.

Отношение к молодежи как к силе, способной легко воспринимать любые инновации, позволило различным политическим силам привлечь молодых людей для реализации своих идей и политических планов. Огромное значение в жизни российского общества приобрело раскрепощение инициативы и поощрение активности молодежи.

В конце XX - начале XXI века в Российской Федерации выросли новые поколения молодежи, отли-

чающиеся от молодежи советского периода своими духовно-нравственными и общественно-политическими предпочтениями, правовыми ценностями, правилами поведения, привычками, вкусами и относительной самостоятельностью в принятии жизненно важных решений.

Существует целый перечень социальных причин возникновения различных молодежных движений: попытка бросить вызов обществу; желание доказать семье свою значимость; избежать непонимания; стремление к индивидуальности, которая была ограничена в СССР; желание самоутвердиться в обществе, привлечь внимание к своей персоне; неразвитость сферы организации досуга молодежи в стране, особенно часто встречающаяся на селе; популяризация западных молодежных течений и культур; появление и распространение различных религиозных идейных течений, а так же влияние криминальных структур [1, с. 45].

Эволюция правосознания и плюрализм в постсоветский период ярко сказались на деятельности молодежных организаций Смоленской области с 1985 по 2020 гг.

Перестройка стала первым периодом образования многочисленных молодежных движений и организаций в Смоленской области. Многие молодежные движения этого периода находились в стадии поиска форм работы, организации структурных подразделений и пр. Значительную роль в развитии общественно-политической жизни страны и региона сыграли патриотические и национальные российские движения, нацеленные на национальное и культурное возрождение русских традиций, восстановление российской государственности, возрождение православия, организации казачества. Эти движения осуществляли развернутую пропаганду борьбы за восстановление и сохранение культурных памятников, памятных дат, возрождение памяти национальных героев и т.д.

В областном центре и районах Смоленской области в конце 80-х - начале 90-х годов стали появляться легальные и полуполигальные клубы атлетизма, секции каратэ, ушу и других видов восточных единоборств, которые помимо собственно прикладного занятия спортом принесли с собой культурные традиции страны возникновения данного вида спорта. Нельзя не указать на появившиеся в этот же

период разнообразные религиозные течения, в том числе деструктивного характера, к примеру, запрещенные сейчас «Свидетели Иеговы» которые так же сделали свой вклад в трансформацию правовой культуры и правового поведения молодежи.

Значительный вес в молодежной среде приобрели неформальные группы молодежи, объединенной общими интересами к современным направлениям в музыке, к примеру, так называемые «металлисты». Эти группы составляли в основном учащиеся старших классов средних общеобразовательных школ, профессионально-технических училищ, техникумов, студенты вузов [3, с. 44].

Зачастую модные увлечения молодежи не всегда находили поддержку у местных властей. Так, например, было с брейкдансерами, которых выгоняли из танцзалов и дискотек, со скейтбордистами, рисковавшими кататься на досках на центральной площади или у административных представительных и исполнительных органов власти областного центра. Несколько запоздалая реакция властей на подобные молодежные организации способствовала запоздалой корреляционной работе с молодежью в области их правового воспитания.

Однако постепенно стало приходиться понимать, что глобальным стратегическим приоритетным направлением правовой политики государства является формирование правового государства и гражданского общества [2, с. 119]. Общественно-политическая обстановка в Смоленской области в 90-е годы XX века, как и во всей стране, была неблагоприятной. Резкое ухудшение социального положения многих категорий граждан на фоне падения уровня жизни в результате экономических преобразований осложнили политическое положение в стране, вызвали недовольство значительного числа граждан, в том числе и молодых людей.

Нестабильность в социально-экономической сфере конца 90-х годов XX века привела и к возникновению молодежных организаций политической направленности. Так, одними из первых возникли молодежные организации коммунистической направленности. 25 января 1992 г. состоялась XXVII Смоленская конференция ЛКСМ РСФСР, которая приняла решение о переименовании областной организации комсомола в Смоленскую областную организацию Российской Союз Молодежи (РСМ).

Эта общественно-политическая организация молодежи – одна из немногих общественных молодежных организаций, которая пережила нестабильность 90-х гг. и действует по сей день. В настоящее время Смоленская областная организация РСМ совместно со Смоленским Домом молодежи (ООО «Союз ДМ») уже много лет подряд осуществляет такие программы, как «КВН по-Смоленски», «РЭПортаж», «Центр Международного Обмена», а также программу «История», в рамках которой действует на самом деле уникальный музей истории молодежного движения. Уже более 20 лет РСМ реализует программы, которые помогают молодым людям найти себя, раскрыть свой творческий потенциал. На его счету такие крупные проекты, как «Российская студенческая весна», «Всероссийская Юниор-Лига КВН», «Молодежная карта EURO<26» и т.д. [4, с. 104].

На протяжении двух десятилетий XXI века в России, и на Смоленщине в частности, ежегодно растет количество молодых людей, участвующих в различных формах общественного самоуправления. В течении 9 лет в г. Смоленске успешно действует городской Совет старшеклассников, развивается институт Уполномоченных по защите прав участников образовательного процесса. Созданы Городской волонтерский корпус и Молодежная администрация города Смоленска. Ежегодно проводятся обучающие семинары для лидеров молодежного самоуправления «Прояви себя!». В регионе ежегодно проводится олимпиада по основам местного самоуправления, организована работа дискуссионных площадок.

С целью развития деловой активности молодежи, а также в рамках повышения правовой культуры и правосознания молодых людей ежегодно проводится областной конкурс проектов «Молодежная инициатива». С 2015 - 2018 гг. на территории города Смоленска были реализованы 4 молодежных социально значимых проекта, в которых приняли участие более 800 волонтеров. В январе 2018 г. на базе смоленского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Молодежный центр-музей имени адмирала Нахимова» создан волонтерский центр Смоленской области.

В настоящее время более 30 тысяч молодых людей заняты в клубных объединениях Смолен-

ской области. В районах смоленской области осуществляется комплексная профилактическая работа среди молодых людей, направленная на повышение правовой культуры. В этих целях проводятся конференции и семинары по профилактике в молодежной среде наркомании, суицидального поведения, предупреждению идеологии терроризма и экстремизма, ежегодно проводится городской конкурс антинаркотических программ, развивается молодежное движение «Мы за здоровый образ жизни».

Еще одним направлением патриотического и правового воспитания в России и Смоленской области стало поисковое движение. В настоящее время на территории Смоленской области зарегистрировано 72 поисковых отряда, в состав которых входит более 1200 человек, большинство из которых молодежь.

В 2016 г. в городе Смоленске и районных центрах областного подчинения было создано местное отделение ВВПОД «ЮНАРМИЯ». В состав отделения вошли более 30 юнармейских отрядов, количество юнармейцев составило более 1550 человек. Сегодня на Смоленщине действует 215 отрядов «Юнармии», в которых занимаются почти 6000 школьников.

Деятельность ВВПОД «ЮНАРМИЯ» направлена в первую очередь на патриотическое и правовое воспитание в юнармейцах любви к Родине, истории своей страны.

В этих целях юнармейцы несут вахты памяти, участвуют в спортивных мероприятиях, налажена работа кружков, где дети имеют возможность реализовать свои интересы. Юнармия, совместно с областным управлением по гражданско-патриотическому воспитанию в Смоленской области, вместе с региональным отделением ДОСААФ организуют различные акции, например, акция «Растим патриотов России». В 2020 году эта акция прошла 9 октября 2020 г. во всех районах Смоленской области. Во время акции были проведены торжественные митинги, а также были убраны воинские захоронения.

На базе закрытого акционерного общества туристический комплекс «Соколя гора» с 2018 г. проводится профильная смена «Областные сборы добровольцев «Волонтеры Смоленщины». В 2018 и 2019 гг. в ней приняли участие 200 молодых людей в воз-

расте от 13 до 17 лет из 29 районов Смоленской области.

Перечисленные мероприятия способствуют воплощению идеи социального единства, предполагающей ощущение народом культурно-политической общности, общих истоков и системы ценностей и в конечном счете общей политической судьбы [5, с. 122].

Таким образом, в целях воспитания должной правовой культуры и рациональной молодежной активности необходима государственная поддержка конструктивных инициатив, стимулирование творческой, общественно полезной деятельности молодых людей, поддержка деятельности общественных объединений, организаций и движений в рамках общественно-государственного воспитания молодых россиян.

Литература:

1. Казаникова А.А. Неформальные молодежные движения в СССР в период перестройки / А.А. Казаникова, Н.Л. Чукарина // Юный ученый. — 2016. — № 2 (5). — С. 44-47.
2. Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. - М.: Норма, 2017. – 384 с.
3. Мухин А.А. Поколение 2008: наши и не наши / А.А. Мухин. - М.: Алгоритм, 2006. - 254 с.
4. Новиков С.А. и др. Так это было. Смоленский комсомол 70-80 годов в воспоминаниях современников / С.А. Новиков, С.Б. Муханов, М.И. Великанов и др. - Смоленск: Русич, 2004. - 164 с.
5. Правкин И.В. Правоохранительная политика современного Российского государства // Исторический материализм и диалектика в теоретико-правовых и историко-правовых исследованиях. Сборник статей конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына. - М. 2020. - С. 119-123.

Конституционное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / [В.О. Лучина и др.]; под общ. ред. В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева; под ред. Е.Н. Хазова, Н.М. Чепурновой. — 10-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 687 с.

ISBN 978-5-238-03214-6

Рассмотрены вопросы, традиционно относящиеся к предмету науки конституционного права: конституционные основы гражданского общества, юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, система органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и др. Особое внимание уделено избирательной системе в России. Представлены важнейшие изменения порядка выборов депутатов Государственной Думы и формирования Совета Федерации ФС РФ. Отражены законодательные нормы о передаче полномочий ФМС структурам МВД России.

Для студентов юридических вузов и факультетов, аспирантов (адъюнктов), преподавателей, практических работников, а также для всех интересующихся проблемами отечественного конституционного права.

DUAL CITIZENSHIP AND MULTIPLE CITIZENSHIP PROBLEMS AND PROSPECTS OF RECOGNITION IN RUSSIA

ДВОЙНОЕ ГРАЖДАНСТВО И МНОЖЕСТВЕННОЕ ГРАЖДАНСТВО ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИЗНАНИЯ В РОССИИ

Nina Anatolyevna Voronina,
cadet 464 training platoon Institute for employee training
for preliminary investigation bodies
Moscow University of the Ministry of internal Affairs
of Russia named after V. ya. Kikotya

Evgeniy Nikolaevich Khazov,
doctor of law, professor, professor of the Department
of constitutional and municipal law
Kikot Moscow University of the MIA of Russia

Нина Анатольевна Воронина,
курсант 464 учебного взвода Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
e-mail: nina-voronina96@yandex.ru

Евгений Николаевич Хазов,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
e-mail: evg.hazov@yandex.ru

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Для цитирования: Н.А. Воронина, Е.Н. Хазов. Двойное гражданство и множественное гражданство проблемы и перспективы признания в России // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 91-94.

Abstract: the article deals with the issues of dual and multiple citizenship in the Russian Federation. A comparative legal analysis of legislation and terms is carried out, the main problems of dual and multiple citizenship of the Russian Federation and foreign countries are highlighted, and ways to solve them are proposed.

Keywords: citizenship, admission to citizenship, dual citizenship, multiple citizenship, grounds for obtaining citizenship, state-legal regulation of issues of dual and multiple citizenship

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы двойного и множественного гражданства в Российской Федерации. Проводится сравнительно - правовой анализ законодательства и терминов, выделяются основные проблемы двойного и множественного гражданства Российской Федерации и зарубежных странах, предлагается пути их решения.

Ключевые слова: гражданство, прием в гражданство, двойное гражданство, множественное гражданство, основание получения гражданства, государственно-правовое регулирование вопросов двойного и множественного гражданства

В науке конституционного права все еще имеют место пробелы, касающиеся уяснения правовой природы двойного гражданства и раскрытия его содержания. Невзирая на многочисленные труды ученых, несомненно, внесших большой вклад в конституционно-правовую догматику, связанную с институтом двойного гражданства, они так и не разрешили имеющиеся проблемы [1]. Ликвидация имеющихся пробелов позволит обеспечить реализацию и грамотное применение данного института в практической деятельности органов миграционного

контроля, сможет гарантировать гражданам беспрепятственное использование права иметь гражданство иностранного государства[2].

Отметим, что для уяснения основ двойного гражданства ключевым и архиважным являются взаимоотношения государства и личности, так как двойное гражданства представляет собой не статично существующую и лишь на бумаге закреплённую дефиницию, а является один из частных случаев взаимоотношения указанных субъектов[3].

Несомненно, институт двойного гражданства представляет особый интерес, ввиду того, что он является и практически, и нормативно значимым институтом, как для лиц, обладающих или потенциально способных обладать таким статусом, так и непосредственно для государства, заинтересованного в защите прав своих граждан и в недопущении случаев нарушения государственного суверенитета. Данный институт был введен в систему законодательства Российской Федерации в рамках положений Конституции Российской Федерации. Право лица на обладание статусом бипатрида на современном этапе закреплено в основном законе и отражено в статье 62 Конституции РФ[4].

В рамках освещения данного вопроса полагаем провести исторический экскурс. Так, статья 62 Конституции Российской Федерации о праве гражданина страны иметь гражданство иностранного государства сложилась под влиянием двух основных политико-правовых доминант: стремления с либеральных позиций демократизировать отношение к ранее сложившейся в нашей стране традиции отказа от двойного гражданства; попытки использовать данный институт для преодоления последствий распада СССР и создания условий для поддержки русскоязычного населения, оказавшегося за пределами России[5].

Минимизация договорной практики по поводу построения отношений, регламентирующих вопросы двойного гражданства с участием России, эволюция внутригосударственного регулирования этой сферы общественной жизни в сторону более сдержанного, ограничительного отношения к двойному гражданству свидетельствует о наличии тенденции к возврату к исторической традиции отказа от данного института.

Подтверждая вышесказанное, отметим, что в настоящее время в рамках реализации положений Конституции, регламентирующих вопросы двойного гражданства, Российской Федерацией заключен и действует единственный международный договор с Таджикистаном [6].

Несмотря на это, говорить о законодательном отказе от указанного института практически невозможно, поскольку институт двойного гражданства включен в главу 2 Конституции РФ – «права и свободы человека и гражданина» - таким образом, пе-

ресмотр и внесение изменений в которую является наиболее сложным[7].

В доктрине и правоприменительной практике существует еще одна немаловажная проблема, касающаяся логического противоречия понятий двойное гражданство и множественное гражданство. Ведь с точки зрения логики под множественным гражданством следует понимать наличие у лица гражданства двух и более государств, а двойное гражданство необходимо толковать как, наличие у лица гражданства двух государств. В законодательстве России отсутствует градация данных понятий, что приводит к двойственному пониманию двойного гражданства, а также вызывает трудности в его практической реализации [8].

Понятие «двойного гражданства» имеет множество определений, которые, в ряде случаев, отражают различные подходы государства к данному явлению. В целом можно выделить два основных подхода, касающихся двойного гражданства. Согласно первому категории «двойное гражданство» и «двугражданство», или наличие у лица двух/нескольких гражданств являются синонимичными[9].

Согласно второму подходу термин «двойное гражданство» не равнозначен случаю, когда индивид обладает гражданством двух или нескольких государств[10].

Обозначенный нами первый подход, следует трактовать таким образом: «двойное гражданство» должно рассматриваться в широком смысле, включая: признаваемый государством статус лица с двойным гражданством, а также второй случай – наличия у лица непризнанного статуса, который предполагает наличие у лица гражданства нескольких государств, либо случаи, когда лицо обладает юридической возможностью в будущем реализовать такой статус, на текущий момент не осуществило для этого юридически значимых действий[11].

Второй подход отражает позицию, в силу которой «двойное гражданство» рассматривается исключительно как случай признанного государством статуса лица[12].

Позицию первого подхода поддерживал С.В. Черниченко, который представил дефиницию двойного гражданства для теории международного права в советский период. Ученый отмечал, что «двойное гражданство – правовое состояние лица, означа-

ющее, что данное лицо является гражданином двух и более государств в соответствии с их законами» [13].

Боярса Ю.Р. разделял точку зрения Черниченко С.В., по его мнению, «... двойное гражданство представляет собой правовой статус лица, при котором оно одновременно обладает гражданством более чем одного государства» [14].

К числу ученых, являющихся сторонниками второго подхода о неравнозначности «двойного гражданства» с ситуацией, в которой лицо обладает гражданством двух/нескольких государств, можно отнести Н.В. Витрука, который определял двойное гражданство как предусмотренное законодательством о гражданстве правовое состояние, при котором лицо имеет одновременно гражданство двух государств на основе соглашения этих государств [15].

Двойное гражданство определяется также как особое политико-правовое состояние физического лица, при котором оно одновременно обладает гражданством двух или более иностранных государств [16].

Подобные дефиниции связаны с пониманием термина «двойное гражданство» с позицией п.1 ст. 62 Конституции РФ, в рамках которого законодатель определяет двойное гражданство как наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства.

Анализируя приведенные дефиниции понятия «двойное гражданство», можно сделать вывод, что последнее определяется на нормативном и теоретическом уровнях как состояние, которое характеризуется наличием гражданства двух государств.

При этом в рамках действующего в Российской Федерации законодательства, для разрешения вопроса о том обладает ли лицо двойным гражданством решающим будет являться факт признания на законодательном уровне (либо в соответствии с действующим федеральным законодательством – согласно заключенному международно-правовому договору) каждым из второго гражданства.

Ясным и четким является следующее разделение «двойного гражданства» на виды: признанное (государством) двойное гражданство; непризнанное (государством) двойное гражданство.

Одной из ключевых проблем является вопрос тождества понятий «двойное гражданство» и «множественное гражданство».

Н.В. Витрук отмечал, что множественное гражданство представляет по своей правовой природе

полигражданство, то есть гражданство более двух государств [17].

Как отмечал А.А. Югов, множественное гражданство представляет собой конституционно-правовой статус лиц, имеющих документы о наличии у них гражданства двух и более государств. Это правовой статус, например, статус гражданина двух государств или статус гражданина трех государств, принципиально отличается от правового положения лиц, имеющих двойное гражданство. В этом случае в условиях, когда у России с государствами, в которых лицо получило документы о втором и третьем гражданстве нет договоров о признании двойного гражданства, обладатель нескольких гражданств по имеющимся у него документам может рассчитывать на признание тех своих прав, которые предоставляются гражданам того государства, на территории которого он находится в данное время, и должен будет исполнять обязанности, предусмотренные законодательствами стран своего гражданства [18]. При наличии международно-правовых договоров лица, обладающие двойным гражданством, получают преимущества, по сравнению с ситуацией, когда государствами не урегулированы вопросы двойного гражданства [19].

Считаем целесообразным считать, что множественное гражданство – это наличие у лица гражданства двух и более государств», по причине чего термин «множественное гражданство является более точным, чем широко распространенный термин «двойное гражданство».

Обозначенное позволяет прийти к выводу, что при характеристике двойного или множественного гражданства необходимо различать факт признания государством лица бипатридом или факт наличия у лица двойного или множественного гражданства. Признание или непризнание законодателем двойного гражданства не приводит к утрате или возникновению одного или другого гражданства, оно лишь, влияет на возможность реализации указанным лицом своих прав и обязанностей [20].

Подвод итог вышесказанному, следует отметить, что в науке конституционного права отношение к институту двойного гражданства нельзя назвать однозначным, ввиду его сложности и наличия пробелов в его законодательной регламентации [21]. Одни ученые выдвигают идеи о необходимости развития

практики применения данного института, другие – рассматривают институт двойного гражданства как неудачную попытку регулирования правового статуса личности после распада СССР и выдвигают тезисы о ликвидации двойного гражданства из правовой системы РФ[22].

На наш взгляд, институт двойного гражданства имеет право существовать, даже несмотря на имеющиеся несовершенства и пробелы, ведь институт двойного гражданства выступает одним из наиболее важных прав человека, поскольку устанавливает взаимоотношения личности и государства, а любые пробелы и несовершенства подвержены устранению.

Литература

1. Эбзеев Б.С., Лучин В.О., Белоновский В.Н., Хазов Е.Н., Зиборов О.В., Осавелюк А.М., Эриашвили Н.Д., Чихладзе Л.Т. и др. Актуальные проблемы конституционного права России. Москва, 2019. (2-е издание, переработанное и дополненное)
2. Левченко И.П., Прудников А.С., Калинин В.Н., Смородин Н.М., Хазов Е.Н. Российское гражданство. Москва, 2005. (2-е издание, переработанное и дополненное)
3. Егоров С.А., Михайлова Е.В., Хазова В.Е. Актуальные вопросы бипартизма в зарубежных странах и России. Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 1. С. 105-110.
4. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Собрания законодательства РФ", 04.08.2014, N 31, ст. 4398.<http://www.pravo.gov.ru>.
5. Осавелюк А.М., Чепурнова Н.М., Хазов Е.Н. и др. Конституционное право России. Москва, 2020.
6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства от 26.04.1997. <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 24.04.2020) « О гражданстве Российской Федерации» Собрание законодательства РФ 2002, № 26, Ст.2031, <http://www.pravo.gov.ru>.
8. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Правовой статус иностранных граждан, признанных носителями русского языка. Москва, 2019.
9. Горшенева И.А., Гарашко А.Ю., Евсеева И.Г., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н., Станецкая В.В. Глоссарий по научной специальности 12.00.02: конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право. Учебное пособие для адъюнктов системы МВД, обучающихся в адъюнктуре по очной форме обучения, научная специальность 12.00.02 - конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право / Москва, 2020.
10. Воронина Н.А., Хазов Е.Н. Прием в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке: проблемы и перспективы. Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 1. С. 24-28.
11. Хазов Е.Н., Зубов И.Н., Василевич Г.А. и др. Конституционное право зарубежных стран. учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 030900.62 "Юриспруденция" : квалификация (степень) "бакалавр" / Москва, 2013. Сер. Юриспруденция для бакалавров
12. Воробьев В.Ф., Забавка В.И., Дурнев В.С. и др. Глоссарий по учебной дисциплине "конституционное право" Москва, 2020.
13. Черниченко С.В. Вопросы гражданства в современном международном праве. М.: 1963. – С.69-71.
14. Смирнова Е.С. Институт гражданства: статичность или перспектива национального или международно-правового регулирования//Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1.С.27.
15. Витрук Н.В. Гражданство как правовая связь личности с государством // Проблемы государства и права. - М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1976, Вып. 12. - С. 12-20
16. Конституционное право России. Лучин В.О., Эбзеев Б.С., Хазов Е.Н. и др. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Москва, 2019.
17. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.:2008.-448 с.
18. Югов А.А. Гражданство в России: размышления об уникальном правовом феномене//Адвокатская практика.2009. № 1.
19. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Миграционные процессы в России: современное состояние и перспективы их развития. Криминологический журнал. 2019. № 3. С. 41-46.
20. Хазов Е.Н., Хазова В.Е. Юридические гарантии прав и свобод человека и гражданина и механизм их реализации. Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 120-123.
21. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Проблемы реализации конституционных норм в современной России в свете новых конституционных поправок. В сборнике: Конституционализм и правоохранительная деятельность. 2020. С. 76-81.
22. Гасанов К.К., Хазов Е.Н. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел по обеспечению конституционных прав и свобод человека в России. Москва, 2004.

STATE AND CHURCH: INTERACTION AT DIFFERENT
STAGES OF HISTORICAL DEVELOPMENTГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**Maria Vladimirovna Donskaya,**Associate Professor of the Department of Constitutional and municipal law
Moscow University Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikotya**Vladimir Sergeevich Durnev,**Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Y. Kikoty candidate of law, associate Professor.**Мария Владимировна Донская,**доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Mariatcheishvili@gmail.com**Владимир Сергеевич Дурнев,**доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук,
E-mail: vladur@bk.ru**Научная специальность** 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право**Для цитирования:** М.В. Донская, В.С. Дурнев. Государство и церковь: взаимодействие на разных этапах исторического развития // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 95-99.

Annotation. In the modern world, a secular policy of state structure is being implemented everywhere. At the same time, the author, based on an analysis of various stages of the historical development of the Russian state, comes to the conclusion that interaction between the state and the church in Russian history has always existed and did not lose its relevance. The position of the church itself and the share of its participation in solving social and moral problems depended on state policy. Today, a cooperative model of state-church relations has developed in our country, in which the state follows the path of including religion in public space and expanding the spheres of interaction with individual religious associations. In a way, a confirmation of these processes are the changes made to the Basic Law of the country in 2020, which largely neutralized the “atheistic” approach to the state structure of our country that previously existed in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: church, state, interaction, religion, historical period, morality, Christianity, powers of power, state institutions

Аннотация. В современном мире повсеместно проводится в жизнь светская политика государственного устройства. Вместе с тем, автор на основе анализа различных этапов исторического развития российского государства приходит к выводу, что взаимодействие между государством и церковью в российской истории существовали всегда и не теряли своей актуальности. От государственной политики зависело положение самой церкви и доля ее участия в решении социальных и нравственных проблем. Сегодня в нашей стране развитие получила кооперационная модель государственно-церковных отношений, при которой государство идет по пути включения религии в публичное пространство и расширения сфер взаимодействия с отдельными религиозными объединениями. В некотором роде подтверждением указанных процессов являются изменения, внесенные в Основной закон страны в 2020 г., которые во многом нейтрализовали ранее существовавший в Конституции РФ «атеистический» подход к государственному устройству нашей страны.

Ключевые слова: церковь, государство, взаимодействие, религия, исторический период, нравственность, христианство, властные полномочия, государственные институты

Взаимовлияние церкви и государства является бесспорным и актуальным в любой период исторического развития общества.

Несмотря на отсутствие у церкви признаков политико-властного образования, она является неотъемлемой частью жизни любого гражданского

общества. Во все времена церковь оказывала значительное влияние на формирование правового государства, особенно в России [1].

Несмотря на то, что Конституцией Российской Федерации закреплен светский характер государства, оно активно взаимодействует со всеми рели-

гиозными объединениями. Во-первых, государство закрепляет в правовых предписаниях гарантии гражданам реализации права на свободу совести и вероисповедания. Во-вторых, сама система взаимоотношений между государственными институтами власти и религиозными объединениями не изолирована от иных общественных отношений, являясь ее частью, испытывая на себе влияние различных социальных процессов. Более того, религиозные объединения – это часть, институты гражданского общества, и верующие или неверующие – граждане государства [2, с. 15-21].

Русская православная церковь на протяжении всей многовековой истории российского государства являлась самой масштабной религиозной организацией, которая оказывала огромное влияние на общественные процессы. Государственно-церковные отношения имеют большой опыт их реализации в практической жизни на различных этапах исторического развития России.

Взаимодействие между государством и церковью в ходе всей истории своего развития было весьма непростым и изменчивым. По характеру этого взаимодействия можно выделить следующие основные периоды:

1. С момента принятия на Руси христианства до времен правления Петра I.

Данный период характеризуется главенствующей ролью церкви по отношению к государству. В ту эпоху русская церковь создавалась как организация, идейно и в некоторой степени юридически независимая от государства, хотя и нацеленная на власть и вступившая с ней в отношения «симфонии» [3, с. 94].

Церковь представляла собой организацию более сильную, чем государство, поэтому возможности церкви и государства в тот период времени были неравны. Церковь не вмешивалась в дела государства, а государство – в дела церкви, однако русское православие, строившееся по принципу восточного христианства на основе Византийского государства, по своей организационно-властной структуре было все же нацелено на государственную власть.

По мнению Г.П. Федотова, церковь стояла выше государства. В ее распоряжении находились средства, при помощи которых она влияла на государственную власть, требуя от князей повиновения

христианским принципам верности по отношению к себе. В то время христианская православная церковь не была ограничена территорией какого-либо отдельного государства. Расстояние, которое отделяло Киев от Константинополя, формировало чувство вселенской церкви. Верховному иерарху в Константинополе русские князья вынуждены были подчиняться [4].

2. Со времен правления Петра I до начала советского периода.

Одна из основных черт рассматриваемого периода истории взаимодействия церкви и государства – значительное государственное вмешательство в дела церкви. Радикальная реформа русской православной церкви, совершенная Петром I, сводилась к цели превращения церкви в одно из государственных учреждений, абсолютно подчиненных государственной власти.

Петром I активно воплощалась в жизнь задача более тесного сращивания церкви и государства с одновременным превращением церкви в мощное средство нравственности и морали. Правитель государства представлялся высшим хранителем и защитником основных догматов церкви – отсюда идеи уничтожения патриаршества в Российской империи, которые обосновывались заботой высших государственных лиц о церкви, но, по сути, были устранением конкурентов в лице церковной власти.

В целях реализации названных идей была создана Духовная коллегия, впоследствии Священный Синод, члены которого были слугами царя и государства. Основанием деятельности данного учреждения стал «Духовный регламент» – важнейший церковный документ в истории России, составленный Феофаном Прокоповичем и в течение двух последующих веков определивший жизнь русской православной церкви.

В дальнейшем церковь постепенно окончательно утрачивает право функционировать как самостоятельное образование. Независимый институт церкви становится подконтрольным министерской бюрократии, т.к. все высшее церковное руководство становится ее частью.

Лишь к концу XVIII в. появляется тенденция, отчетливо выраженная в то время на Западе, выражающаяся в идеях разделения церкви и государства – полная независимость церкви от светской власти

с предоставлением ей (церкви) максимальной свободы в реализации духовных, моральных и воспитательных задач. Немалую роль в развитии и укреплении указанной тенденции сыграла марксистская концепция религии, набравшая стремительную популярность в тот период времени.

Три основных идейно-политических направления XIX века – либералы, консерваторы и радикалы – выступали с критикой существующего взаимодействия государства и церкви. Наиболее резкие суждения высказывали радикалы, а также упомянутые марксисты, которые считали, что церковь использует власть для того, чтобы ее политика была реализована, и ставили основной задачей необходимость борьбы с религией и вообще с упразднением церкви и государства, как главных орудий угнетения людей [5, с. 274].

3. Советский период.

Характерной особенностью советского периода является наличие прямой зависимости между отношением религиозных объединений к свободе вероисповедания, ее роли в системе основных прав и свобод человека и гражданина и проводимой государственной религиозной политикой. Несмотря на то, что на площадках различных международных форумов представители религиозных организаций из СССР заявляли о существующих в стране подлинных свободах совести и религии, на самом деле в Советском государстве сложилась ситуация, при которой репрессированными оказались более десятка тысяч священнослужителей. При этом официально впервые со времен Петра I церковь полностью освобождалась от подчинения государству.

Декрет о свободе совести, принятый Совнаркомом в январе 1918 г., давал каждому человеку право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой [5]. Однако, как широко известно, все указанные положения были закреплены лишь на официальном уровне – фактически взаимоотношения государства и церкви были совершенно иными. В особенности это проявилось в последние годы советского периода, которые характеризовались значительным сокращением количества церквей, а также строгой антирелигиозной пропагандой, проводившейся на государственном уровне.

Естественно, что в сложившейся политической обстановке в СССР в системе прав и свобод чело-

века и гражданина не было места истинной свободе вероисповедания. Русской православной церкви ничего не оставалось, кроме как бороться и отстаивать свободу вероисповедания: она по мере возможности противодействовала местным властям, не допуская их вмешательства во внутреннюю жизнь церкви [7, с. 31].

Во множестве жалоб, написанных служителями Русской православной церкви патриарху, звучали просьбы «возвысить свой авторитетный голос, прося наше Правительство пресечь все насилия, учиняемые повсеместно... уполномоченными (Совета по делам Русской православной церкви) и другими новоявленными инквизиторами над церковными общинами, у которых одно за другим отбираются и закрываются церковные здания» [8, с. 283].

Началом значительных изменений во взаимоотношениях церкви и государства рассматриваемого периода является период перестройки, начавшейся в 1985 году. Повсеместно начали открываться новые храмы, восстанавливаться разрушенные, монастыри возвращались к служению. Нельзя не отметить, что в последние годы советской эпохи рейтинг церкви стал повышаться. В конечном счете было констатировано, что церковь начала весьма активно сотрудничать с государством.

4. 1990-е гг. по настоящее время.

После распада СССР и начала развития демократического строя в нашем государстве у религиозных объединений появилась возможность открыто высказывать свою точку зрения о свободе совести и свободе вероисповедания, а также о том, каким образом должны складываться отношения между государством и религиозными объединениями. Данной возможностью не преминули воспользоваться практически все крупнейшие конфессии нашей страны путем разработки социальных концепций, в которых также рассматривался вопрос свободы вероисповедания и государственно-церковных взаимоотношений.

Русская православная церковь стала первым религиозным объединением, разработавшим и утвердившим социальную концепцию на территории Российской Федерации. Архиерейским собором в 2000 г. были приняты Основы социальной концепции Русской православной церкви [9]. Вопросам взаимодействия церкви с государством посвящена

целая глава под названием «Церковь и государство», также в данной главе содержится мнение официальных представителей РПЦ относительно природы свободы совести и свободы вероисповедания.

В настоящее время государство на нормативно-правовом уровне признает важность взаимодействия государственных институтов и церковь. Так, согласно Концепции внешней политики Российской Федерации, Россия как многонациональное и многоконфессиональное государство, имеющее многовековой опыт гармоничного сосуществования различных народов, этнических групп и вероисповеданий, активно взаимодействует с Русской православной церковью и другими основными религиозными объединениями страны [10, п. 38].

Особое место на уровне федерального законодательства занимает Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулирующий правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений [11].

Сегодня церковь активно сотрудничает с различными государственными институтами. Вместе с тем, она лишена права принятия властных политических решений, ее решения носят императивный характер лишь по отношению к ее членам и не опираются на возможность применения законных мер принуждения в случае нарушения церковных норм и правил.

Представляется, что на данном этапе исторического развития нашей страны церковь может рассматриваться как некий институт, взаимодействующий с различными государственными образованиями в самых различных сферах деятельности. Так, представители Русской православной церкви на данный момент являются постоянными членами таких весьма значимых общественно-политических организаций, как Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (Совет по правам человека), Общественная палата РФ, Общественный совет при МВД РФ и его территориальные органы, Общественная наблюдательная комиссия г. Москвы и субъектов РФ и многих других организаций. Представители РПЦ нередко

приглашаются на заседания Государственной Думы РФ при обсуждении различных законопроектов, касающихся социальной и нравственной сфер жизни общества [12].

Любое правовое регулирование строится на принципе правомерных ожиданий, диктующем поведение субъектов в их взаимоотношениях: правовая определенность и взаимность обеспечивают стабильность динамичных связей и разумную гибкость правореализации. В этой связи закрепление в Конституции РФ, как Основном законе государства, фундаментального положения о том, что Российское государство «...объединяет тысячелетняя история, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...» [13, ч. 2 ст. 67.1] является безусловным подтверждением актуальности взаимодействия государства и церкви и признанием необходимости данного сотрудничества на высшем государственном уровне.

Бесспорно, церковь играет колоссальную роль в жизни общества. Одними из основных функций государства являются обеспечение безопасности его граждан и охрана прав и свобод человека и гражданина. Церковь же призвана воздействовать на области нравственности, морали и веры, т.к. все эти сферы чрезвычайно важны для любого здорового гражданского общества.

Снижение конфликтности, недоверия людей друг к другу, развитие гуманной морали и нравственности, возрождение концепции «патриотического служения», благотворительности – это лишь некоторые задачи катехизаторского, социального и нравственного характера, стоящие на современном этапе перед церковью [14].

Представляется, что в дальнейшем церковь будет усиливать свою роль в духовном обновлении общества, опираясь на христианские традиции и заповеди, представляющие собой один из важнейших нравственных кодексов, выработанных человечеством за время его сознательного существования [15, с. 5]. Однако, в современных условиях Русской православной церкви также необходима значительная поддержка со стороны государства. Так как для большинства верующих граждан церковь очень важна как необходимость в удовлетворении своих

духовных потребностей, государство и право призваны реагировать поддержанием этой формы общественного взаимодействия, партнерства для достижения мира и взаимопонимания в обществе.

Литература:

1. Лучин В.О., Эбзеев Б.С., Хазов Е.Н. и др. Конституционное право России. под научной редакцией В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева; под общей редакцией Е.Н. Хазова, Н.П. Чепурновой, А.С. Прудникова. Москва, 2020.
2. Стругова Е.В., Ханахмедова Л.В. Взаимодействие государства и церкви в России: историко-теоретический аспект // Юрист-Правоведь. 2017. № 2 (81). С. 15-21.
3. Муравьев А.В. Церковь и государство в византийском представлении // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 94-95.
4. Федотов Г.П. Россия и свобода // Новый журнал. Нью-Йорк. 1945. № 10. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fedotov/_RosSvob.php. (дата обращения: 22.02.2021 г.).
5. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2006.
6. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 373-374.
7. Гацולהва А.Х., Габараев А.Ш., Гудиев С.Д. Отражение конституционного принципа свободы вероисповедания в социальных концепциях различных российских религиозных объединений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 1. С. 30-33.
8. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
9. Основы социальной концепции Русской православной церкви: православная библиотека. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/>. (дата обращения: 22.02.2021 г.).
10. Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.12.2016. № 49. Ст. 6886.
11. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.
12. Воробьев В.Ф., Зинченко Е.Ю., Кикоть-Глуходедова Т.В. и др. Конституционное право России. учебно-методическое пособие по очной форме обучения для курсантов и слушателей системы МВД, обучающихся по направлению Правоохранительная деятельность и Правовое обеспечение национальной безопасности / Москва, 2021.
13. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 22.02.2021 г.).
14. Маилян С.С., Зиборов О.В., Эриашвили Н.Д. и др. Правоведение. Москва, 2020. (4-е издание, переработанное и дополненное)
15. Тюрина Л.В. Государство и русская православная церковь: эволюция отношений. 1917-2000 гг.: дисс. ... канд. истор. наук. Курск., 2000.

RESTRICTIONS ON THE RIGHT TO FREEDOM OF MOVEMENT IN TERRITORIES WITH SPECIAL LEGAL STATUS**ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ С ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ****Vladimir Ivanovich Zabavka,**

candidate of legal Sciences, senior lecturer of the Department of constitutional and municipal law Kikot Moscow University of the MIA of Russia

Viktor Fedorovich Vorobyov,

candidate of law, associate Professor Professor of the Department of constitutional and municipal law Kikot Moscow University of the MIA of Russia

Evgeny Nikolaevich Khazov,

doctor of law, Professor, Professor of the Department of constitutional and municipal law Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia (117437, Moscow, ul. AkademikaVolgina, d. 12)
e-mail: evg.hazov@yandex.ru

Владимир Иванович Забавка,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
e-mail: zabavkavladimir@mail.ru

Виктор Федорович Воробьев,

кандидат юридических наук, доцент профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
e-mail: viktor.vict-job@yandex.ru

Евгений Николаевич Хазов,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
e-mail: evg.hazov@yandex.ru

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Для цитирования: В.И. Забавка, В.Ф. Воробьев, Е.Н. Хазов. Ограничение права на свободу передвижения на территориях с особым правовым статусом // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 100-105.

Annotation. The article deals with issues related to the restriction of the right to freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation. The constitutional and legal assessment of these restrictions is given.

Keywords: Constitution, state, legislation, law, right, restriction of right, citizen, person, place of residence, place of residence

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с ограничением права на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации. Дается конституционно-правовая оценка указанным ограничениям.

Ключевые слова: Конституция, государство, законодательство, закон, право, ограничение права, гражданин, личность, место пребывания, место жительства

В Конституции Российской Федерации 1993 года (ч.1 ст.27) закреплено, что «каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства» [1].

Ограничение конституционной свободы передвижения является одним из проявления ограни-

чения прав и свобод личности. Адекватно постичь сущность и роль ограничения прав в современном обществе невозможно без раскрытия содержания понятия «ограничение прав». Энциклопедический словарь «Конституционное право России» содержит следующее определение: «Ограничение прав и свобод – юридическая невозможность осуществ-

вления прав и свобод в случаях, предусмотренных федеральным законом, а равно некоторое сужение их объема» [2].

От ограничения права следует отличать уточнение содержания конкретного права с очертанием его границ, которое имеет место при закреплении права в нормативно-правовых актах. Однако законодательские ошибки или намеренные действия законодателя можно считать ограничением права. Особым случаем ограничения прав является невключение в число закрепленных законом тех прав, легализация которых государством отвечает его международным обязательствам [3].

Согласно Конституции Российской Федерации (ст.55), право на свободу передвижения может быть ограничено в целях:

- а) защиты основ конституционного строя;
- б) обеспечения обороны страны и безопасности государства;
- в) защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан.

Данная норма, конкретизирующая конституционные пределы осуществления прав применительно к праву человека и гражданина на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства, означает, что данное право может быть ограничено федеральным законом в указанных целях и им размерно [4].

Ограничения конституционных прав и свобод является частным проявлением механизма правового регулирования общественных отношений, под которыми понимается «система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [5].

Закон Российской Федерации от 25.06.1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред.от 01.04.2019) в статье 8 устанавливает исчерпывающий перечень оснований ограничения прав граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ, который включает в себя ограничения данного права:

- в приграничной зоне;
- в закрытых военных городках;

- в закрытых административно-территориальных образованиях;
- в зонах экологического бедствия;
- на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности;
- на территориях, где введено чрезвычайное или военное положение [6].

Указанные в законе ограничения носят территориальный характер и распространяются на территории с особым режимом. На данных территориях постоянные и временные жители приобретают специальный правовой статус, который включает в себя особые правила въезда и выезда в зону, передвижения и т.д. [7].

Исходя из оснований ограничений права, следует заключить, что все они подразделяются на постоянные (бессрочные) и временные (действующие определенное время). К первым относятся проживание в пограничной полосе, в закрытых военных городках и закрытых административно-территориальных образованиях. Ко вторым – все оставшиеся [8].

Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 02.02.1998 года № 4-П подчеркнул, что указанные в ст.8 Закона ограничения права на свободу передвижения, представляют лишь условия, при которых допускаются ограничения данного права [9]. Таким образом, данное положение делает отсылку к федеральным законам, которыми должны быть урегулированы процессы передвижения граждан, выбор ими места пребывания и жительства при определенных обстоятельствах или на территориях с особым режимом и сформулированы исчерпывающим образом.

К этим законам относятся: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред.от 03.07.2016); Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред.от 01.07.2017); Закон Российской Федерации от 14.07.1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (ред.от 29.06.2018); Закон Российской Федерации от 01.04.1993 г. № 4730-1

«О Государственной границе Российской Федерации» (ред. от 27.12.2019); Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 23.06.2020); Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.07.2019); Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 26.07.2019) и другие [10].

В соответствии со ст.17 Закона РФ от 01.04.1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (ред. от 27.12.2019) въезд (проход) лиц и транспортных средств в пограничную зону осуществляется по документам, удостоверяющим личность, индивидуальным или коллективным пропускам выдаваемым пограничными органами на основании личных заявлений граждан или ходатайств предприятий и их объединений, организаций, учреждений и общественных объединений. Устанавливаются места въезда (прохода) в пограничную зону. Могут определяться время въезда (прохода), маршруты передвижения, продолжительность и иные условия пребывания в пограничной зоне лиц и транспортных средств. Эти ограничения непосредственно затрагивают право граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства [11].

Указанный выше закон (ст.16) предусматривает определенные гарантии от чрезмерного ограничения права на свободу передвижения. А именно, по предложениям органов местного самоуправления в пограничную зону могут не включаться территории населенных пунктов поселений и санаториев, домов отдыха и других оздоровительных учреждений, учреждений (объектов) культуры, а также места массового отдыха, активного водопользования, отправления религиозных обрядов и иные места традиционного массового пребывания граждан [12].

Согласно ст.3 Закона Российской Федерации от 14.07.1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (ред. от 29.06.2018) [13], особый режим безопасного функционирования организаций и (или) объектов в закрытых административно-территориальных образованиях включает в себя установление контролируемых и (или) запретных зон по границе и (или)

в пределах указанного образования; ограничения на въезд и (или) постоянное проживание граждан на его территории, включая установление перечня оснований для отказа во въезде или в постоянном проживании; ограничения на полеты летательных аппаратов над его территорией; ограничения на право ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности, владения пользования и распоряжения природными ресурсами, недвижимым имуществом, вытекающим из ограничений на въезд и (или) постоянное проживание; ограничения на создание на его территории организаций, учредителями которых являются иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные некоммерческие неправительственные организации, отделения иностранных некоммерческих неправительственных организаций, организации с иностранными инвестициями; организацию разработки и осуществление мер по предупреждению терроризма, предотвращению техногенных катастроф, обеспечению пожарной безопасности и охране общественного порядка [14]. Решение об установлении особого режима в отношении конкретного закрытого административно-территориального образования принимается Правительством Российской Федерации.

Законом Российской Федерации от 15.05.1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (ред. от 24.04.2020) установлены зоны отчуждения и зоны отселения, загрязненные радионуклидами, из которых население подлежит обязательному отселению [15].

В соответствии с Федеральным закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.07.2019) в случае угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний в пунктах пропуска через Государственную границу РФ, на территории РФ, территории соответствующего субъекта РФ, муниципального образования, в организациях и на объектах хозяйственной и иной деятельности вводятся ограничительные мероприятия (карантин) – меры предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных [16]. Ограничительные мероприятия (карантин) вводится (от-

меняется) на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей решением Правительства Российской Федерации или органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления, а также решением уполномоченных должностных лиц федерального органа исполнительной власти или его территориальных органов, структурных подразделений, в ведении которых находятся объекты обороны и иного специального назначения [17].

Федеральный конституционный закон 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 03.07.2016) предусматривает возможность установления на территории, где введено чрезвычайное положение, ограничений на свободу передвижения, а также введение особого режима въезда на указанную территорию и выезда с нее, включая установление ограничений на въезд на указанную территорию и пребывание на ней иностранных граждан и лиц без гражданства, а также возможность ограничения движения транспортных средств [18]. Также, в зависимости от оснований введения чрезвычайного положения на той или иной территории коменданту территории предоставляется право устанавливать следующие ограничения: введение комендантского часа; выдворение в установленном порядке лиц, не проживающих на территории, на которой введено чрезвычайное положение и нарушающих ее режим; усиление охраны общественного порядка и объектов, которые обеспечивают жизнедеятельность населения; запрещение проведения собраний, митингов, уличных шествий, а также зрелищных, спортивных и других массовых мероприятий; запрещение забастовок и другие. При этом меры, принимаемые в условиях чрезвычайного положения и влекущие изменение (ограничение) прав и свобод человека и гражданина, должны осуществляться в тех пределах, которых требует острота создавшегося положения. Указанные меры должны соответствовать международным обязательствам Российской Федерации, вытекающим из международных договоров Российской Федерации в области прав человека и не должны повлечь за собой какую-либо дискриминацию отдельных лиц или групп населения по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имуществен-

ного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также по другим обстоятельствам [19].

В соответствии со ст.7 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) «О военном положении» [20]. на территории, на которой введено военное положение (вводится указом Президента Российской Федерации), право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства может быть ограничено путем применения таких мер, как: временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений; введение и обеспечение особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней; запрещение или ограничение выбора места пребывания либо места жительства; ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра; запрещение нахождения граждан на улицах и в иных общественных местах в определенное время суток и другие [21]. Введение военного положения на территории Российской Федерации или отдельной ее части является единственным основанием для запрещения в необходимых случаях права на выбор места пребывания и жительства. Полномочиями для реализации указанных мер обладают федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации [22].

Федеральным законом от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 26.07.2019) предусмотрен запрет пребывания на территории государственных заповедников и особо охраняемых зон национальных парков граждан, не являющихся работниками данных природных заповедников и национальных парков или должностных лиц, не являющихся сотрудниками органов, в ведении которых находятся указанные особо охраняемые природные территории. Допускаются только при наличии специального разрешения [23].

При установлении данных ограничений законодатель, очевидно, руководствовался ст.55 Конституции РФ, а не Законом РФ от 25.06.1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на

свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 01.04.2019). В связи с этим представляется, что перечень, содержащийся в ст.8 указанного закона нельзя трактовать как исчерпывающий, при которых может быть возможным ограничение права на свободу передвижения в соответствии с ч.3 ст.55 Конституции РФ. Тем более, что наличие ограничений права свободного передвижения в иных федеральных законах, кроме указанного, не будет противоречить Конституции Российской Федерации [24].

Таким образом, свобода передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации является одним из неотъемлемых элементов правового статуса личности в демократическом государстве. Однако задачи, которые решаются государством, нередко требуют ограничений этой свободы для достижения общественно-социальных целей, таких как: охраны государственной безопасности, общественного порядка; здоровья или нравственности населения; борьбы с преступностью; прав и свобод других лиц; защиты населения от неконтролируемой миграции и другие [25]. Разрешение этого противоречия требует строгой правовой регламентации взаимоотношений государства и личности в указанной сфере. В связи с чем актуальна проблема поиска правовых способов и средств, которые обеспечивали бы минимизацию ограничений свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства с одной стороны, а с другой, позволили бы эффективно решать политические, экономические, социальные и другие задачи государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) //СЗ РФ.2014 № 31. Ст.4398.
2. Червонюк В., Калинин И., Иванец Г. Энциклопедический словарь «Конституционное право России» / М.: Юридическая литература, 2002.
3. Воробьев В.Ф., Забавка В.И., Дурнев В.С., Евсеева И.Г., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Глоссарий по учебной дисциплине "конституционное право". Москва, 2020.
4. Харламов С.О., Егоров С.А., Ларина Л.А. и др. Конституционное право России (теоретические и правовые основы). Москва, 2019.
5. Теория государства и права: Полный курс лекций. /Мазутов Н.И./ М.: Юрист, 1997. - с.625.
6. Закон Российской Федерации от 25.06.1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред.от 01.04.2019) //СЗ РФ, 1998 № 6, ст.783.
7. Забавка В.И. Требования к законодательству: постановка проблемы и методология ее решения. История государства и права. 2009. № 21. С. 36-38.
8. Хазов Е.Н., Харламов С.О., Егоров С.А. и др. Конституционное право России. Учебно-методическое пособие для слушателей заочной формы обучения системы МВД, обучающихся по направлению правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности / Москва, 2018.
9. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 02.02.1998 года № 4-П // СЗ РФ,1998 № 6, ст.783.
10. Маилян С.С., Зиборов О.В., Эриашвили Н.Д. и др. Правоведение. Москва, 2020. (4-е издание, переработанное и дополненное)
11. Закон Российской Федерации от 01.04.1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (ред. от 17.12.2019) //Ведомости СНД и ВС РФ.1993, № 17, ст.594.
12. Хазов Е.Н., Халилов Р.М. Правовые гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 147-151.
13. Закон Российской Федерации от 14.07.1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (ред. от 29.06.2018) //Ведомости СНД и ВС РФ.1992, № 33, ст.1915.
14. Булатов, Р.Б., Боер В.М., Хазов Е.Н., Андрейцо С.Ю. Муниципальная власть и муниципаль-

ный строй. Под редакцией Р.Б. Булатова. Москва, 2021.

15. Закон Российской Федерации от 15.05.1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (ред. от 24.04.2020) // Ведомости СНД и ВС РСФСР.1991, № 21, ст.699.

16. Федеральный закон Российской Федерации от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред.от 26.07.2019) //СЗ РФ, 1999 № 14, ст.1650.

17. Хазов Е.Н., Хазова В.Е., Шакун Н.В., Померлян А.Н., Санин В.Е. Конституционно-правовое обеспечение социальных прав и свобод человека и гражданина в России. Новосибирск, 2020.

18. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 03.07.2016) //СЗ РФ, 2001 № 23, ст.2277.

19. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Теоретико-правовые аспекты обеспечения государственной и общественной безопасности России. В сборнике: Войска национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности. 2019. С. 75-80.

20. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 01.07.2017) //СЗ РФ, 2002 № 5, ст.375.

21. Воробьев В.Ф., Гарашко А. Ю., Дурнев В.С., Забавка В.И., Зинченко Е.Ю., Кикоть-Глуходова Т.В., Хазов Е.Н. Основы теории национальной безопасности: учебно-методическое пособие для курсантов очной формы обучения системы МВД, обучающихся по направлению правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности. под ред. Е.Н. Хазова, Т.В. Кикоть-Глуходова. М.: Мос у МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021- 57 с.

22. Габричидзе Б.Н., Эриашвили Н.Д., Белонский В.Н., Чернявский А.Г., Кузнецов С.М., Хазов Е.Н., Галузо В.Н. Система органов государственной власти России. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Политология», «Государственное и муниципальное управление» / Москва, 2015.

23. Федеральный закон Российской Федерации от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 26.07.2019) //СЗ РФ, 1995, № 12, ст.1024.

24. Осавелюк А.М., Чепурнова Н.М., Хазов Е.Н. и др. Конституционное право России. Москва, 2020.

25. Харламов С.О., Егоров С.А., Ларина Л.А. и др. Конституционное право России. Москва, 2020.

THE MAIN STAGES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE ELECTORAL LAW IN RUSSIAОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО
ПРАВА В РОССИИ

Larisa Anatolyevna Larina,

Ph. D., associate Professor, Deputy head of the Department
constitutional and municipal law Moscow University of the Ministry of internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot

Artur Alekseevich Kharitonov,

cadet of the 583rd training platoon of the 3rd "M" course of the international law faculty
Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Лариса Анатольевна Ларина,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры
конституционного и муниципального права Московского университета МВД России
имени В.Я.Кикотя

Email:larinala@list.ru

Артур Алексеевич Харитонов,

курсант 583 учебного взвода 3 «М» курса международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Для цитирования: Л.А. Ларина А.А. Харитонов. Основные этапы становления и развития избирательного права в России // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 106-109.

Abstract. The article examines the main stages of the formation and development of the electoral law and the electoral system in Russia through the prism of its historical formation. The study of the historical experience of the implementation of electoral law institutions allows us to identify the most effective election mechanisms for our state.

Keywords: elections, electoral law, electoral system, democracy, election commissions

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления и развития избирательного права, избирательной системы в России через призму её исторического формирования. Изучение исторического опыта реализации институтов избирательного права, позволяет выявить наиболее эффективные механизмы выборов для нашего государства.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, избирательная система, демократия, избирательные комиссии

Избирательное право является не только элементом политического режима, но и необходимым условием существования любого современного демократического государства. Оценивание значения избирательного права и избирательной системы с точки зрения простого механизма формирования публичных органов власти, является не совсем правильным. Помимо этого, она является выражение воли народа, основой деятельности гражданских обществ и политической активности граждан[1].

Избирательная система Российской Федерации представляет настоящий интерес. Некоторые учёные посвящают свои работы недостаткам современного российского законодательства и их устранению. Выдвигаются предположения о том, что избиратели сегодня относятся с подозрением к

избирательной системе не только в рамках его деятельности, но и перспектив его развития[2]. Аналитики предупреждают о том, что современное избирательное законодательство и политическая обстановка создают фундамент для очередного создания однопартийной избирательной системы[3]. Поэтому сегодня вопросы эволюции российской избирательной системы крайне актуальны.

В России исторически сложилась тенденция определения избирательной системы, включая законодательство, механизмы, институты, через технический порядок проведения волеизъявления граждан, то есть выборы и референдумы. Изучение в ретроспективе развития избирательной системы России через ее законодательство, ранее существовавшие институты и практическую деятельность

этих органов является важным, потому что это даёт ответы на такие вопросы как: почему избирательная система России сегодня именно такая? Возможны ли изменения, которые удовлетворят и избирателя, и государственные власти? Готово ли современное российское общество к изменениям?

Формирование и первое функционирование избирательной системы России восходит к XVI веку (Земские соборы, избирательная система Новгородской республики). Но их развитие не было плавным и последовательным. Это объясняется установлением абсолютно монархической формы правления. Поэтому ретроспективный и наглядный материал о развитии избирательной системы можно получить, проведя анализ начиная с XX века. Российские революции начала XX века были выражением всеобщего и народного подъёма за демократические права и свободы. Это движение привело к созданию первой Государственной Думы.

История современной избирательной системы условно длится уже более 100 лет. Первым шагом к становлению этой системы стало создание Учредительного собрания и Государственной Думы в 1906 году. Вопросы организации Государственной Думы регламентировались Манифестом от 6 августа 1905 года, так например, она признавалась изначально не представительным органом, а «особым законосовещательным установлением». А реализация механизма такого «совещания» раскрывалась в Положении о выборах от 6 августа 1905 года[4].

Ключевым моментом этих документов является то, что выборы не являлись всеобщими. В число электората не входили женщины, лица моложе 25 лет, иностранцы, что означает о существовании довольно строгих полового, возрастного цензов. Попытки сбалансирования таких ограничений находили отражение в лишении активных избирательных прав должностных лиц в субъектах их деятельности.

Помимо вышеуказанных цензов также существовал имущественный ценз. Это явно прослеживается в особенностях избирательной системы, связанных с разделением населения на курии. Поданные Российской империи разделялись на четыре большие группы: крупные помещики, городское население, рабочие, свободные крестьяне. На основании этого можно сделать вывод о том, что на-

сколько изменения в сфере избирательного права и устройства не были бы прогрессивными, всё равно оставалась привилегия для более богатых лиц, а это прямая преемственность феодального строя[5].

Также важно рассмотреть функционирование Учредительного Собрания. Фактически, это первый российский опыт использования пропорциональной избирательной системы.

Выражение голоса осуществлялось через бюллетень. Но интересно то, что избирательные бюллетени выдавались электорату заранее, но голосование проходило всё равно на избирательном участке. Причём, единой сертифицированной формы бюллетеней не существовало, и какие-либо требования к его форме отсутствовали.

Также существовал институт повторного голосования, который использовался на избирательных участках с низкой посещаемости с целью установления более рационального распределения голосов.

Важно, что наряду с пропорциональной системой негласно на местах функционировала смешанная система по причине малого уровня политической образованности населения и его непонимания голосования за списки. Персонифицированный выбор позволял решать этот вопрос.

Следующим ключевым моментом в истории избирательной системы является реализация избирательного процесса в Советский период. Одной из главных проблем, с которой столкнулись большевики после государственного переворота, стала необходимость создания новой избирательной системы.

В условиях гражданской войны и революции большевики должны были создать политическую систему, которая могла обеспечить их политическое господство. Ни один из существующих тогда принципов функционирования избирательной системы России не мог удовлетворить такого требования.

Поэтому при проектировании новой избирательной системы важное значение было уделено ограничению избирательных прав по новому (даже для всего мира) цензу – трудовому.

Но при этом значительно был уменьшен возрастной ценз, теперь ограничение распространялось на лиц младше 18 лет, и установлены привилегии для военнообязанных граждан – гражданин, проходящий военную службу автоматически получал право участия в выборах до наступления 18 лет[6].

Центральным моментом в изучении избирательной системы СССР в период с 1918 года по 1936 год является анализ функционирования механизма волеизъявления граждан. Знаменательна преемственность Советской системы по отношению к системе Российской империи – это выражалось в общности избирательных процедур, то есть во многоступенчатости выборов. Выборы среди городского электората проходили в три этапа, а для сельского электората в четыре этапа.

Новшества в избирательной системе СССР появляются после 1936 года. Это связано с принятием новой Конституции СССР 1936 года. В ней впервые была конституционно определена избирательная система через регламентирование её в отдельной главе. В этот период появляются новые и безусловные принципы избирательной системы: процесс волеизъявления проходил теперь напрямую, а не через многоступенчатую систему и полное ограничение классового подхода в распределении избирательных прав, то есть установление принципа всеобщих выборов, которые стали тайными и равными по ценности голосов. Обобщенно говоря, избирательная система, осуществляемая через съезды, стала реализовываться через Советы, которые избирались напрямую.

Последующие Конституции не вносили принципиальных изменений в избирательную систему, поэтому следует рассмотреть избирательные реформы в период «перестройки». Основанием последующих изменений стал Закон «О выборах народных депутатов СССР» от 1 декабря 1988 года. Новым высшим органом государственной власти стал Съезд Народных Депутатов СССР, а выборы в советских реалиях выборы в высшие властные структуры впервые стали альтернативными. Эти изменения стали предпосылками складывания будущего политического плюрализма. Это последние значимое изменение в избирательной системе СССР, далее произошло полное перестроение не только политической системы, но и всех сфер общественной жизни. СССР прекратил своё существование, а вместе с ним его избирательная система. Важно, что она несла в себе черты будущей избирательной системы Российской Федерации: альтернативность выбора в рамках голосования, выдвижение любых политических и общественных деятелей по количе-

ству неограниченных, а также необходимость существования и функционирования представительных органов [7].

Новая избирательная система России образовалась в результате проведения избирательной реформы во второй половине 1990 годов и активной законодательной деятельности, которая вылилась в принятие Конституции РФ [8], Федеральных законов: «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» [9]; «О выборах Президента Российской Федерации» [10]; «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [11]; «О государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы"» [12]; и других.

Нововведения: сегодня электорат имеет наибольшую свободу в действиях; активное избирательное право становится доступным всем лицам от 18 лет, за исключением недееспособных и содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда когда приговор вступил в законную силу; установлены требования для лиц, которые реализуют свои пассивные избирательные права (депутатом возможно стать с 21 года, Президентом РФ - с 35 лет, новые цензы оседлости и т.д.); избирательная система Государственной Думы является смешанной. 225 депутатов избираются по пропорциональной системе, а другие 225 депутатов по мажоритарной системе относительного большинства; применение заградительного (избирательного) барьера для политических партий; применение электронного голосования; установление единого дня голосования в органы публичной власти [13].

Президент Российской Федерации избирается по мажоритарной системе абсолютного большинства. Возможно проведение голосования в два тура [13]. По своим признакам избирательная система РФ соответствует основным постулатам современной демократии [15].

Таким образом, очевидна преемственность избирательной системы России при учёте ряда кардинальных изменений всей общественной жизни в истории России. А те противоречия и недостатки, которые существуют, были порождены необходимостью создания новых институтов в крайне стрессовых условиях для государства. Сегодня существуют еще элементы, прошлой избирательной системы, но

всё равно она совершенствуется и соответствует современным принципам мировых избирательных систем и построения демократического государства.

Литература:

1. Бабаева Ю.Г., В.Н. Белоновского, К.К. Гасанова и др. Конституционное право России. под научной редакцией Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина; под общей редакцией К.К. Гасанова, Л.Т. Чихладзе. учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

2. Актуальные проблемы избирательного права. Эбзеев Б.С., Белоновский В.Н., Эриашвили Н.Д., Кальгина А.А., Шуленин В.В., Хазов Е.Н., Миронов А.Л., Кирсанов А.Ю., Саудаханов М.В., Егоров С.А. учебник для магистров, обучающихся по направлению подготовки "Юриспруденция" / под редакцией Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.Л. Миронова. Москва, 2016.

3. Никитин А. Ф. Российская многопартийность: истоки и перспективы // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2007. №7.

4. Белоновский В.Н., Виноградов В.А., Прудников А.С. и др. Избирательное право учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Москва, 2013. Сер. Юриспруденция для бакалавров.

5. Эбзеев Б.С., Гасанов К.К., Хазов Е.Н., Белоновский В.Н., Виноградов В.А., Прудников А.С., Эриашвили Н.Д., Егоров С.А., Курскова Г.Ю., Миронов А.Л., Олимпиев А.Ю., Павлов Е.А., Шуленин В.А., Кирсанов А.Ю. Избирательное право. учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 030900.62 "Юриспруденция". Квалификация (степень) "бакалавр" / Под редакцией Б. С. Эбзеева, К. К. Гасанова, Е. Н. Хазова. Москва, 2013. Сер. Юриспруденция для бакалавров

6. Избирательное право. Эбзеев Б.С., Гасанов К.К., Виноградов В.А., Хазов Е.Н., Прудников А.С., Белоновский В.Н., Эриашвили Н.Д., Егоров С.А., Курскова Г.Ю., Осавелюк А.М., Миронов А.Л., Кальгина А.А., Павлов Е.А., Шуленин В.В., Кирсанов А.Ю., Саудаханов М.В., Громов К.Э., Тутханян Г.А. Москва, 2015. Сер. Юриспруденция для бакалавров (2-е издание, переработанное и дополненное)

7. Осавелюк А.М., Чепурнова Н.М., Хазов Е.Н., Чихладзе Л.Т., Зиборов О.В., Эриашвили Н.Д., Белоновский В.Н., Прудников А.С., Харламов С.О., Егоров С.А., Миронов А.Л., Осавелюк Е.А., Кикоть-

Глуходедова Т.В., Саудаханов М.В. Конституционное право России. Москва, 2020.

8. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 N 445). Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

9. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 30.04.2021) "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" "Собрание законодательства РФ", 17.06.2002, N 24, ст. 2253. Изменения, внесенные Федеральным законом от 30.04.2021 N 115-ФЗ, вступили в силу со дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 30.04.2021).

10. Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ (ред. от 05.04.2021) "О выборах Президента Российской Федерации" "Собрание законодательства РФ", 13.01.2003, N 2, ст. 171, <http://pravo.gov.ru>.

11. Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 30.04.2021) "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" "Собрание законодательства РФ", 24.02.2014, N 8, ст. 740. <http://pravo.gov.ru>.

12. Федеральный закон от 10.01.2003 N 20-ФЗ (ред. от 29.05.2019) "О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы" "Собрание законодательства РФ", 13.01.2003, N 2, ст. 172, <http://pravo.gov.ru>.

13. Хазов Е.Н., Зинченко Е.Ю., Воробьев В.Ф., Гарашко А.Ю., Дурнев В.С., Забавка В.И. Выборы в федеральные, региональные и местные органы публичной власти в Российской Федерации (единый день голосования) Учебное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы МВД России / Москва, 2020.

14. Харламов С.О., Егоров С.А., Ларина Л.А., Воробьев В.Ф., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н., Гарашко А.Ю., Саудаханов М.В. Выборы Президента Российской Федерации. учебное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы МВД, обучающихся по направлению юриспруденция, правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности / Москва, 2018.

15. Назарова И.С., Хазов Е.Н. Избирательная система как элемент конституционного механизма института народного представительства. Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 73-76.

ISSUES OF DIGITALIZATION IN THE NEW VERSION OF THE CONSTITUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATIONВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Albina Slavovna Lolaeva,

PhD, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Gorsky State Agrarian University (Vladikavkaz)

Альбина Славовна Лолаева,

к.ю.н., доцент кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет» (г. Владикавказ)

e-mail: mirag.8184@yandex.ru

Научная специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Научный консультант (для докторантов): Дзидзоев Руслан Мухарбекович, доктор юридических наук

Рецензент: Дзидзоев Руслан Мухарбекович, доктор юридических наук

Для цитирования: А.С. Лолаева. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 110-113.

Annotation. The article deals with the issues of the new version of the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 in terms of the conduct of the Russian Federation in the field of information, information technologies and digital data turnover. Constitutional innovations relate to the independence of the subjects of the Russian Federation in the information sphere. As an improvement of legislation in the field of digitalization, it is proposed to adopt a digital code that consolidates the norms on information, communications, personal data, etc. The article deals with the issues of the new version of the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 in terms of the conduct of the Russian Federation in the field of information, information technologies and digital data turnover. Constitutional innovations relate to the independence of the subjects of the Russian Federation in the information sphere. As an improvement of legislation in the field of digitalization, it is proposed to adopt a digital code that consolidates the norms on information, communications, personal data, etc.

Keywords: digital democracy, digitalization, globalization, information space, digital revolution, information and communication technologies, data turnover, electronic services, cybersecurity

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы новой редакции Конституции РФ от 14 марта 2020 г. в части ведения Российской Федерации в области информации, информационных технологий и обороте цифровых данных. Конституционные новеллы соотносятся с самостоятельностью субъектов Российской Федерации в информационной сфере. В качестве совершенствования законодательства в сфере цифровизации предлагается принятие цифрового кодекса, консолидирующего нормы об информации, о связи, о персональных данных и др.

Ключевые слова: цифровизация, информационное пространство, информационно-коммуникационные технологии, оборот цифровых данных, электронные услуги, кибербезопасность

Достижения информационно-технического прогресса в России свидетельствуют о формировании в стране цифрового общества, имеющего стойкую тенденцию развития. Справедливо отмечается, что «чем мощнее становится какая-либо технология, тем больше ускорения она приобретает в своем развитии и практическом применении» [11, с. 28].

В политико-правовой сфере заметно ускорились процессы поиска правовой информации, получения различных государственных услуг, подачи обращений в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Вопросы цифровизации приобретают глобальный характер, требующий надлежащего законодательного регулирования, имея в виду, что отношения участников сетевых взаимодействий не всегда в полной мере регулируются

законами. В итоге складывается целый пласт общественных отношений, которые находятся вне зоны государственного влияния.

Среди современных цифровых явлений стали активно развиваться институты электронной демократии. Как справедливо отмечает Р.М. Дзидзоев, «юридическая наука должна осмысливать и осваивать современные конституционные реалии, в том числе цифрового порядка, вовлекая их в свой научный оборот, давая предметно-классификационную оценку, обеспечивая их надежное нормативное сопровождение» [6, с. 10]. Российское государство встало перед решением вопросов, требующих урегулирования процессов информатизации и оборота цифровых данных. Назрела необходимость создания законодательной базы, позволяющей контроли-

ровать информационное пространство в свете современных цифровых реалий.

Значимым этапом закрепления основ цифровизации общества стала новая редакция Конституции России 14 марта 2020 г., в которой впервые появляются такие понятия, как «информационные технологии» и «оборот цифровых данных» (пп. «и», «м» ст. 71 Конституции РФ [1]), отражающие современные информационные реалии.

При этом новая конституционная редакция вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных отнесла к ведению Российской Федерации (п. «и» ст. 71).

Идея введения в Конституцию Российской Федерации ответственности государства за кибербезопасность личности была предложена Президентом В.В. Путиным, который на встрече с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ сказал, что «такая необходимость возникает, потому что раньше подобного регулирования практически не было, а в связи с развитием информационных технологий встает ряд проблемных вопросов, которые мы, безусловно, должны решать».

Президент поставил вопрос о том, что и как государство может использовать для развития экономики при помощи диджитал технологий, какие данные о человеке государство может вскрывать, насколько публично эти данные можно размещать в информационном пространстве, каковы последствия для конкретной личности. «Это сочетание необходимости развития технологий, а, скажем, система больших данных не может обойтись без данных на конкретного человека, с одной стороны. С другой стороны, нужно обеспечить безопасность этого человека» [9].

Новая конституционная редакция должна стать отправной точкой в модернизации российского законодательства в целях закрепления основных понятий цифровизации: электронный контрагент, электронный контракт, цифровое портфолио человека, электронная подпись, электронные услуги, электронная инфраструктура, электронное управление и т.д. На этих основных понятиях, как на фундаменте информатизации общества, будет фокусироваться вся необходимая нормативно-правовая база.

Определенный нормативный прогресс в этой области достигнут. Уже сегодня успешно функционируют система электронных подписей, есть удостоверяющие центры, осуществляет свою работу портал государственных услуг. Однако пока это разрозненные процессы, не обладающие свойством системности, не имеющие постоянной и стройной траектории развития. Необходимо нормативно заложить обязательные стандарты, присутствующие в цифровой сфере на публичном уровне, такие, например, как протоколы обмена связи, протоколы шифрования, протоколы защиты, требующие системности и единообразия с учетом кибербезопасности общества и его отдельных членов.

Если не продумать вопросы защиты цифровой системы сейчас, то с ростом инфраструктуры может наступить момент, когда наиболее уязвимые сферы общественной жизни смогут нанести непоправимый урон здоровому функционированию общества и государства. Невозможно даже представить последствия необеспечения информационной безопасности объектов «умной» энергетики. Ведь на фоне нестабильной геополитической ситуации кибератаки на промышленные предприятия могут привести к серьезной деструкции в жизни общества.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации последовательно отмечает возрастание рисков киберпреступлений, терроризма, экстремизма и иных преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий [2]. Стратегия национальной безопасности России указывает на то, что с помощью информационно-коммуникационных технологий могут пропагандироваться идеи фашизма, терроризма, экстремизма, сепаратизма [3].

Важным документом в сфере развития информационно-коммуникационных технологий и обеспечения информационной безопасности общества и государства является утверждённая Президентом РФ «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [4]. Документ подчёркивает, что информационное общество в России должно развиваться с «приоритетом традиционных духовно-нравственных ценностей и норм поведения», при этом «российское общество заинтересовано в получении информации,

соответствующей высокому интеллектуальному и культурному уровню развития граждан России» [4].

Следствием формирования информационного общества является развитие основ электронной (цифровой) демократии, которая может рассматриваться в качестве одного из его основных компонентов такого общества. По этой причине процесс становления электронной (цифровой) демократии эволюционирует более гармонично, так как многое из того, что уже было сделано для создания информационного общества в нашей стране, является основой для будущего развития электронной демократии. Как отмечает Н.В. Лаврик, «концепция информационного общества в свою очередь послужила теоретической основой для постановки проблемы электронной демократии» [8, с. 64]. Похожее мнение высказывает Д.Р. Салихов, полагающий, что «модернизация государства одновременно невозможна без модернизации органов публичной власти и механизмов взаимодействия между ними, а также взаимодействия граждан и организаций с государством. Указанные механизмы немыслимы в отрыве от современных информационных технологий, а также результатов деятельности на их основе» [10, с. 19]. «Электронная демократия наряду с электронным правительством является одной из базовых основ информационного общества», - говорится в Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года [5].

Конституция России в действующей редакции к исключительному федеральному ведению относит информацию, информационные технологии, оборот цифровых данных (пп. «и» и «м» ст. 71).

С таким разграничением полномочий можно поспорить. Дело в том, что субъекты Российской Федерации на практике осуществляют разнообразную деятельность, связанную с информационными технологиями, как правотворческую, так и правоисполнительную. Субъекты Федерации вполне самостоятельно решают многочисленные и многообразные вопросы, связанные с созданием и поддержкой информационных региональных систем, а также доступа к региональным информационным ресурсам, регулируемые законодательством субъектов Федерации, насчитывающим сотни нормативных актов. Стоит заметить, что даже внедрение систем

видеонаблюдения и распознавания лиц в российских городах, против которого выступают независимые эксперты и гражданские активисты, производится в рамках региональных проектов «Безопасный город».

Таким образом, субъекты Российской Федерации самостоятельно развивают информационные технологии, против чего федеральные органы никогда не возражали. Возможность, не выходя из-за стола, записаться на прием к врачу, отправить со смартфона показания приборов учета или проверить успеваемость ребенка для многих стали привычными. Однако различные региональные системы предоставления электронных услуг стали возможными в том числе благодаря тому, что субъекты Федерации могли самостоятельно вкладываться в развитие электронных сервисов.

Поэтому вопросы информации и информационных технологий исходя из существующей практики должны относиться к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Для развития информационных технологий регионы должны обладать необходимым правовым инструментарием. Нет оснований предполагать, что федеральные органы смогут учесть интересы всех субъектов Федерации, а также оперативно реагировать на потребности регионов, учитывая многонациональный и многоконфессиональный характер Российского государства. На сегодняшний день во всех субъектах Федерации созданы центры управления регионами (так называемые ЦУРы), а также определены руководители цифровой трансформации в каждом субъекте Российской Федерации, что является флагманским проектом по взаимодействию с гражданами [7].

При этом основы законодательного регулирования информационных процессов в России должны устанавливаться федеральным центром. В этой связи предлагается принятие единого цифрового кодекса, как главного источника информационного права в России, который стал бы нормативной базой развития цифровой (электронной) демократии в России, призванной служить интересам общества, государства и отдельной личности, способной обеспечить информационную безопасность всех участников общественных отношений как внутри страны, так и на международном уровне.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. №237. 1993. 25 декабря; № 144. 2020. 4 июля.
2. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
3. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть 2). Ст. 212.
4. Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // [http:// publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002) (дата обращения 10.12.2020).
5. Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года // <http://edemocratia.ru/s/blog/msg?textId=10292940> (дата обращения 10.12.2020).
6. Дзидзоев Р.М. Институты электронной (цифровой) демократии в России // Вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 2. С. 10-13.
7. Дмитрий Чернышенко: Во всех регионах страны созданы ЦУРЫ и назначены руководители цифровой трансформации // <http://government.ru/news/41003/#> (дата обращения 10.12.2020).
8. Лаврик Н.В. Теоретические концепции информационного общества как предпосылки к зарождению электронной демократии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 11 (114). С. 56-65.
9. Путин распорядился в кратчайшие сроки провести цифровую трансформацию всей России // https://www.cnews.ru/news/top/2020-12-04_putin_rasporyadilsya_v_kratchajshie (дата обращения 10.12.2020).
10. Салихов Д.Р. Использование информационных технологий в рамках процесса модернизации российских политических институтов: правовые условия, приемлемые способы, вызовы и риски // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 18-24.
11. Шарнина Л.А. Объективные пределы конституционного усмотрения при регулировании вопросов цифрового потребления // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 27-31.

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF MUNICIPAL ELECTIONS

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ

Роман Анатольевич Провоторов,

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Краснодарского университета МВД России
e-mail: provotorov.r.a@mail.ru

Roman Anatolievich Provotorov,

the teacher of the department of tactical and special training Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Для цитирования: Р.А. Провоторов. Вопросы правового регулирования муниципальных выборов // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 114-118.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal regulation of municipal elections as one of the most important constitutional and legal mechanisms providing for a legal mechanism for the transfer of public power at the municipal level. The author comes to the conclusion that the elections of the head of the municipality and deputies of the representative body of local self-government are characterized by special requirements that distinguish this level of elections from other electoral procedures.

Keywords: elections, local self-government, head of municipal formation, deputy, representative democracy

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования муниципальных выборов как одного из важнейших конституционно-правовых механизмов, предусматривающего легальный механизм передачи публичной власти на муниципальном уровне. Автор приходит к выводу о том, что выборы главы муниципального образования и депутатов представительного органа местного самоуправления характеризуются особыми требованиями, отличающими данный уровень выборов от иных электро-альных процедур.

Ключевые слова: выборы, местное самоуправление, глава муниципального образования, депутат, представительная демократия

Местное самоуправление во всем цивилизованном мире признано неотъемлемым элементом демократического государства, и в России, на сегодняшний день, местное самоуправление позиционируется как ключевой элемент реализации прямой и представительной демократии. Как отмечают А.А. Агаджанов и Э.Л. Лещина: «в историческом аспекте роль местного самоуправления в системе публичной власти как любого социального явления меняется под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Эти изменения находят свое отражение в современных концепциях местного самоуправления и законодательстве России»¹.

Сегодня избирательные права и избирательный процесс на муниципальном уровне, учитывая важность и значение его в гражданском обществе, регулируются серьезной правовой базой. Во-первых, это Конституция Российской Федерации, согласно которой: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»². Помимо этого общим законом является Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³.

Во-вторых, общим правилом формирования представительного органа муниципального образования является осуществление такового посредством выборов на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на муниципальных выборах в соответствии с ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 23 закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴.

Указанному способу формирования представительного органа муниципального района законодатель отдает приоритетное значение, указывая, что представительный орган муниципального района образуется путем прямых выборов, если иное не установлено в особо оговоренном порядке⁵.

Как отмечает Н.Ю. Турищева, использование элементов пропорционального представительства на муниципальных выборах традиционно вызывает противоречивые оценки в научной среде, что обусловлено недостаточным развитием партийных структур в небольших муниципальных образованиях, особой правовой природой местного самоуправления, целесообразностью применения смешанной системы лишь на выборах депутатов в городских округах и муниципальных районах⁶.

При этом в законе допускается такой порядок формирования муниципального представительного органа, который зависит от вида муниципального образования. Применительно к муниципальному району, формирование представительного органа обладает характерной спецификой. Так, данный орган может: 1) состоять из глав поселений, входящих в состав муниципального района (назначение); 2) состоять из депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава в соответствии с равной независимо от численности населения поселения нормой представительства; 3) может избираться на муниципальных выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Применительно к небольшому поселению порядок формирования муниципального представительного органа также отличается.

Законодатель устанавливает, что на выборах депутатов представительного органа любого из поселений, входящих в муниципальный район, выдвижение политической партией кандидата по одно- или многомандатному избирательному округу, списка кандидатов считается поддержанным избирателями и не требует сбора подписей избирателей на указанных выборах в случае, если от данной партии избран хотя бы один депутат представительного органа в любом из поселений, который затем был делегирован в состав представительного органа районного уровня⁷.

В 2015 году в порядок избрания главы муниципального образования были внесены изменения, которые вызвали бурную дискуссию среди теоретиков права, а также стали предметом рассмотрения на заседании Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, существо рассматриваемого вопроса состояло в том, что обратившиеся в Конституционный Суд Российской Федерации указали, что назначение главы муниципального образования путем его выдвижения из числа депутатов, избранных на очередных выборах, не соответствует Конституции Российской Федерации. В своем постановлении Суд указал, что: «члены такого совета (собрания) получают свой мандат от населения путем опосредованного волеизъявления, выраженного

при формировании органов местного самоуправления первичного звена»⁸.

По этому поводу Е.В. Кравченко и А.Р. Сафаров высказались следующим образом: «абсолютно обоснованной, данную позицию признать сложно. Так, ч. 2 ст. 3 Европейской хартии местного самоуправления предусматривают лишь форму прямого участия граждан в формировании органов местного самоуправления, в частности, путем референдума и прямых выборов»⁹.

Согласно очередным изменениям в законодательстве, на сегодняшний день федеральный законодатель предоставил на выбор четыре модели избрания высшего должностного лица муниципального образования, так как федеральное законодательство, регламентирующее муниципальные выборные процессы, является «рамочным» и закладывает лишь унифицированные и общие правила. Выбор модели избрания определяется самим муниципальным образованием и закрепляется в его уставе.

При избрании главы муниципального образования – депутатами законодательного органа муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией, избранный глава наделен действующим законодательством правом руководства местной администрацией. В случае выбора депутатами из состава местного парламента в рамках данных поправок было регламентировано право избранного высшего должностного лица либо исполнять полномочия председателя парламента, либо руководства местной администрацией.

Оценивая реформу муниципального избирательного процесса, В.Б. Зотов приходит к выводу, что: «механизм отмены прямых выборов на муниципальном уровне превращается в институт ограничения демократии и не обеспечивает представление интересов всех социальных групп на выборах. Механизм прямых выборов должен как минимум существовать и использоваться практически параллельно внедряемым в настоящее время электроальным новеллам на муниципальном уровне, что увеличит разнообразие инструментов допуска кандидатов на высших должности на муниципальных выборах, позволив повысить общественное признание, легитимность выборов, способствовать возврату интереса населения к выборам, повышению явки и сокращению абсентеизма»¹⁰.

Однако в науке избирательного права есть и сторонники данного законодательного подхода, так, мотивирует принятие данного законодательного положения тем, что: «в таком подходе можно выделить экономические преимущества, возможность профессионального отбора, возможность привлечения к ответственности за некачественное исполнение полномочий»¹¹. И обосновывает существование нескольких моделей избрания главы муниципального образования следующим доводом: «наличие различных вариантов избрания главы муниципального образования дает возможность субъекту Российской Федерации выбрать наиболее оптимальную модель с учетом существующих потребностей и традиций управления»¹².

В новой редакции Конституции Российской Федерации статус муниципальных органов власти приобрел более конкретизированные черты, исходя из тех положений, которые были озвучены Президентом Российской Федерации в его послании Федеральному Собранию Российской Федерации в начале 2020 года: «полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены»¹³.

В новой редакции Конституции Российской Федерации, одобренной в ходе общенародного голосования в ч. 2 ст. 132 указано, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. При этом в ч. 2 ст. 80 отмечено, что согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, обеспечивает Президент РФ.

В преддверии общенародного голосования по запросу Президента Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил в своем заключении, что органы местного самоуправления входят в структуру публичной государственной власти. В частности в нем отмечено, что: «Принцип единой системы публичной власти, хотя и не нашел буквального закрепления в главе 1 Конституции Российской Федерации, вместе с тем имплицитно следует из конституционных по-

ложений о соединении многонационального народа Российской Федерации общей судьбой на своей земле, сохранении исторически сложившегося государственного единства и возрождении суверенной государственности России, о Российской Федерации - России как демократическом федеративном правовом государстве с республиканской формой правления, о единственном источнике власти - многонациональном народе Российской Федерации, являющемся носителем суверенитета, который распространяется на всю территорию России, и осуществляющем свою власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления, во взаимосвязи с указанием на установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления. Категория «единая система публичной власти» производна, таким образом, от основополагающих понятий «государственность» и «государство», означающих политический союз многонационального русского народа. Общая суверенная власть данного политического союза распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией Российской Федерации.

Обоснованной является точка зрения о том, что в условиях современного развития общества и государства назрела необходимость более широкого внедрения выборного порядка формирования исполнительных органов местного уровня в Российской Федерации¹⁴.

Следовательно, органы местного самоуправления, которые согласно статье 12 Конституции Российской Федерации не входят в систему органов государственной власти, указанных в ее статьях 10 и 11, во всяком случае входят в единую систему публичной власти политического союза многонационального русского народа. Иное, в частности, влекло бы нарушение государственного единства Российской Федерации и означало бы неприменимость к местному самоуправлению базовых конституционно-правовых характеристик Российского государства, что является конституционно-правовым нонсенсом... Местное самоуправление, будучи коллективной формой реализации населением права на решение вопросов местного значения и одновременно - выражением власти местного сообщества, вместе с тем в лице своих органов интегрировано в общую институциональную систему осуществ-

вления на соответствующей территории функций демократического правового социального государства на началах взаимодействия как с федеральными органами государственной власти, так и, прежде всего (имея в виду объективно существующие наиболее тесные взаимосвязи публичных функций и задач, осуществляемых региональными и муниципальными органами власти), с органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Таким образом, под единством системы публичной власти понимается прежде всего функциональное единство, что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории¹⁵. Это не отрицает самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий и не свидетельствует о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти¹⁶.

Как отмечает А.Н. Кокотов: «такой подход к пониманию конституционной модели местного самоуправления давно устоялся в доктрине. Однако практика его законодательного и правоприменительного воплощения шла непросто»¹⁷.

Статья 131 Конституции Российской Федерации дополнена положением о том, что: «Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом». Однако на сегодняшний день пока такой Федеральный закон не принят.

По этому поводу пишет М.П. Беспалова, называя ее «серьезной новацией»: «указанное дополнение решает вопрос о модели взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти в Российской Федерации, о месте и роли органов местного самоуправления в системе публичной власти РФ и о степени контроля государственных органов за деятельностью муниципальных образований. В новой редакции ст. 131 четко формулируется, что органы государственной власти принимают участие в формировании органов местного самоуправления. Норма сформулирована не как обязывающая, но как управомочивающая, что дает свободу для конкретизации данного положения Конституции РФ на уровне федерального закона. Кроме того, указывается, что органы государственной власти РФ имеют законодательно подтверж-

денную возможность участвовать в назначении на должность должностных лиц органов местного самоуправления, участвовать в процессе освобождения от должности указанных должностных лиц»¹⁸.

Произошло закрепление тех положений, которые были приняты 6 февраля 2014 г. Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»¹⁹, а именно, что: «установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, в том числе ограничений, связанных с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, а также ограничений, связанных с открытием и наличием счетов (вкладов), хранением наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации».

Оценивая изменения законодательного регулирования муниципальных выборов, произошедших с момента принятия новой редакции Конституции Российской Федерации, О.А. Кожевников отмечает, что: «конституционные поправки нуждаются в нормативном развитии в профильном (отраслевом) законодательстве, и во многом от того, насколько качественно федеральный законодатель сможет найти баланс между единством публичной власти и «невхождением» органов местного самоуправления в систему государственной власти, зависит дальнейшая судьба содержания конституционных основ местного самоуправления в нашем государстве»²⁰.

Таким образом, сегодня произошли кардинальные изменения в системе избрания и формирования муниципальных представительных органов, которые потребуют соответствующих изменений и дополнений федерального избирательного законодательства.

Литература:

1. Агаджанов А.А., Лещина Э.Л. О некоторых конституционно-правовых аспектах местных выборов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. № 2. С. 65-69.

2. Беспалова М.П. Проблемы взаимодействия муниципальных образований с органами государственной власти РФ в свете конституционной реформы 2020 г. // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 11. С. 24-28.
3. Зотов В.Б. Главы администраций муниципальных образований не избираются населением: плюсы и минусы // Муниципальная академия. 2020. № 1. С. 132-139.
4. Кожевников О.А. Местное самоуправление в системе публичной власти: новое конституционное измерение // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 10. С. 23-26.
5. Кокотов А.Н. Совершенствование конституционной модели местного самоуправления в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 116-123.
6. Кравченко Е.В., Сафаров А.Р. Особенности нормативно-правового обеспечения форм муниципальной демократии в контексте реализации антикоррупционного механизма современной России: постановка проблемы // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 92-106.
7. Наумкина В.В. Способы избрания главы муниципального образования // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1. С. 263-264.
8. Турищева Н.Ю. Смешанная избирательная система: новое содержание основных характеристик // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 47-57.
9. Турищева Н.Ю. К вопросу о правовом регулировании поддержки выдвижения кандидатов политическими партиями // Право и государство: теория и практика. 2014. № 8. С. 35-39.
10. Турищев С.В. Особенности формирования органов местного самоуправления в странах СНГ и Балтии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 3. С. 150-154.
11. Турищев С.В. Представительные органы муниципальных образований: совершенствование порядка формирования // Современное право. 2010. № 9. С. 67-70.
12. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
13. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
14. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
15. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
16. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
17. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
18. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
19. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
20. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
1. Агаджанов А.А., Лещина Э.Л. О некоторых конституционно-правовых аспектах местных выборов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. № 2. С. 65.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата размещения 04.07.2020 г.).
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; Собрание законодательства РФ. 2020. № 21. Ст. 3232.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; Российская газета. 2020. 28 декабря.
5. Турищев С.В. Представительные органы муниципальных образований: совершенствование порядка формирования // Современное право. 2010. № 9. С. 67-70.
6. Турищева Н.Ю. Смешанная избирательная система: новое содержание основных характеристик // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 47-57.
7. Турищева Н.Ю. К вопросу о правовом регулировании поддержки выдвижения кандидатов политическими партиями // Право и государство: теория и практика. 2014. № 8. С. 35-39.
8. Европейская хартия местного самоуправления: Страсбург 15.10.1985 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.
9. Кравченко Е.В., Сафаров А.Р. Особенности нормативно-правового обеспечения форм муниципальной демократии в контексте реализации антикоррупционного механизма современной России: постановка проблемы // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 98.
10. Зотов В.Б. Главы администраций муниципальных образований не избираются населением: плюсы и минусы // Муниципальная академия. 2020. № 1. С. 137.
11. Наумкина В.В. Способы избрания главы муниципального образования // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1. С. 263.
12. Наумкина В.В. Способы избрания главы муниципального образования // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1. С. 264.
13. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2020. 16 января.
14. Турищев С.В. Особенности формирования органов местного самоуправления в странах СНГ и Балтии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 3. С. 150-154.
15. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас // Юрист. 2020. № 2. С. 2-9.
16. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.
17. Кокотов А.Н. Совершенствование конституционной модели местного самоуправления в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 117.
18. Беспалова М.П. Проблемы взаимодействия муниципальных образований с органами государственной власти РФ в свете конституционной реформы 2020 г. // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 11. С. 26.
19. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 548.
20. Кожевников О.А. Местное самоуправление в системе публичной власти: новое конституционное измерение // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 10. С. 26.

**MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LOCAL
SELF-GOVERNMENT (MUNICIPAL ADMINISTRATION) AND THEIR ROLE IN THE
SYSTEM OF UNIFIED PUBLIC AUTHORITY**

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ (МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ) И ИХ РОЛЬ В
СИСТЕМЕ ЕДИНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

Vladimir Ivanovich Zabavka,

candidate of Legal Sciences, associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot

Elena Yurievna Zinchenko,

candidate of law, Professor, Professor of the Department of constitutional and municipal law
Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia
(117437, Moscow, ul. AkademikaVolgina, d. 12)

Evgeny Nikolaevich Khazov,

doctor of law, Professor, Professor of the Department of constitutional and municipal law Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia(117437, Moscow, ul. AkademikaVolgina, d. 12)

Владимир Иванович Забавка,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: zabavkavladimir@mail.ru

Елена Юрьевна Зинченко,

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
(117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
e-mail: elena9998863@yandex.ru

Евгений Николаевич Хазов,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
(117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
e-mail: evg.hazow@yandex.ru

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Для цитирования: В.И. Забавка, Е.Ю. Зинченко, Е.Н. Хазов. Основные тенденции развития местного самоуправления (муниципального управления) и их роль в системе единой публичной власти // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 119-125.

Abstract. The article deals with issues related to local self-government as one of the foundations of the constitutional system. The article describes the main concepts of "local self-government", "municipal management", their correlation and the main development trends. The article substantiates the fundamental principle of the organization and implementation of a single public authority in the state, introduced by the latest amendments to the Constitution of the Russian Federation.

Keyword: Constitution, legislation, law, state authorities, local self-government bodies, issues of local significance, local self-government, municipal administration

Аннотация. В статье раскрываются вопросы, связанные с местным самоуправлением, как одной из основ конституционного строя. Дается характеристика основных понятий «местное самоуправление», «муниципальное управление», их соотношение и основные тенденции развития. Обосновывается основополагающий принцип организации и осуществления единой публичной власти в государстве внесенный последними поправками в Конституцию РФ.

Ключевые слова: Конституция, законодательство, закон, органы государственной власти, органы местного самоуправления, вопросы местного значения, местное самоуправление, муниципальное управление

В соответствии с Конституцией России (ч. 1 ст. 3) «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1]. Это означает, что народ обладает всей полнотой власти на территории страны, а также на территориях отдельных адми-

нистративно-территориальных единиц, в том числе и муниципальных образований. Власть народа выполняет роль, объединяющего начала в системе управления обществом и выступает гарантом обеспечения единства и целостности Российской Федерации [2].

Понятие местного самоуправления является многоаспектным. Для его раскрытия необходимо выделить четыре основных аспекта, которые характеризуют сущность местного самоуправления. Под местным самоуправлением понимается: основа конституционного строя Российской Федерации; право граждан на осуществление местного самоуправления; деятельность населения по решению вопросов местного значения; форма народовластия [3].

Местное самоуправление является одной из основ конституционного строя, поскольку закрепляется в Конституции Российской Федерации (ст. 3, 8, 9, 12, 15 гл. 1), которая регулирует вопросы, относящиеся к основам конституционного строя [4].

Конституция РФ, закрепляя местное самоуправление в качестве одного из элементов конституционного строя, гарантирует организационную обособленность местного самоуправления, его органов в системе управления обществом и государством. В соответствии со ст. 12 органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Однако, в рамках конституционного реформирования Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» статья 132 Конституции РФ дополнена частью 3 следующего содержания «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [5]. Следовательно, они могут рассматриваться как структурное подразделение единой системы публичной власти в РФ [6].

Право граждан на осуществление местного самоуправления (ч. 2 ст. 130 Конституции) конкретизируется в Федеральном законе от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федера-

ции». Законом определены пределы его осуществления (городские, сельские поселения и другие муниципальные образования); формы реализации этого права (прямое волеизъявление, через выборные и другие органы местного самоуправления) [7].

Право граждан на осуществление местного самоуправления конкретизируется в региональном законодательстве. Понимание принципов деятельности населения по решению вопросов местного значения зафиксировано в ч. 1 ст. 130 Конституции России, гласящей, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения [8].

Самостоятельность муниципальной власти выражается в обособленности местного самоуправления от государства и его структур. Структура этих органов определяется населением самостоятельно (ст. 131 Конституции), а правовое закрепление структуры местной власти - уставом муниципального образования. Самостоятельность местной власти проявляется в обязательности исполнения всех решений расположенными на территории муниципального образования предприятиями, учреждениями и организациями (независимо от их организационно-правовых форм), органами местного самоуправления и гражданами, принятых путем прямого волеизъявления населения, а также решений органов и должностных лиц местного самоуправления, принятых в пределах их полномочий [9].

Самостоятельный характер местной власти выражается в наличии собственных предметов ведения местного самоуправления и полномочий, которыми обладают органы местной власти. Следует отметить, что вопросы местного значения – это совокупность дел, которые, во-первых, нацелены на обеспечение оптимальной жизнедеятельности низовых территориальных коллективов жителей, а во-вторых, решаются этими коллективами самостоятельно или посредством органов местного самоуправления [10].

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах...» к вопросам местного значения помимо указанных в ч. 1 ст. 132 Конституции относятся также принятие и изменение уставов муниципальных образований, контроль за их соблюдением; комплексное социально-экономическое раз-

витие муниципального образования; содержание и использование муниципального жилищного фонда и нежилых помещений; организация, содержание и развитие муниципальных учреждений дошкольного, основного общего и профессионального образования, учреждений здравоохранения, обеспечение санитарного благополучия населения и др. [11].

Местное самоуправление одна из форм народовластия. В Конституции России (ст. 3) указано, что единственным источником власти является народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Население реализует свое право на местное самоуправление как непосредственно (путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления), так и через своих представителей в выборных и других органах местного самоуправления [12].

В законодательстве местное самоуправление определяется по-разному. Так, Европейская хартия от 15 октября 1985 г. под местным самоуправлением понимает право и реальную способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ими, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения [13].

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах...» (ст. 1 ч.2) под местным самоуправлением понимается признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций. В Конституции Российской Федерации с последними изменениями 2020 года были внесены и зафиксированы следующие основополагающие основы местного самоуправления, которые находят свое воплощение и развитие в законодательстве России [14].

В местном самоуправлении выделяется особый субъект население муниципальных образований, то есть сообщество граждан Российской Федерации, постоянно или временно проживающих на определенной территории и составляющих ее население. Территориальные рамки управленческой деятельности низовых коллективов жителей по решению

вопросов местного значения законодатель устанавливает с помощью категории «муниципальное образование» [15].

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах...» (ч. 1 ст. 2) муниципальным образованием признается любое городское, сельское поселение, несколько поселений, объединенных общей территорией, часть поселения, иная населенная территория, в пределах которой осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления. Таким образом, главным территориальным принципом организации местного самоуправления является поселенческий: основой местного самоуправления выступают территории поселений разного типа, хотя законодательная формулировка «иная населенная территория» оставляет возможность для выделения в качестве муниципальных образований территории административно-территориальных единиц – сельсоветов (сельских округов, волостей), районов, уездов и т. д.

Местное самоуправление имеет и особый объект управления - вопросы местного значения. На органы местного самоуправления законом может быть возложено и исполнение отдельных государственных полномочий.

Местное самоуправление реализуется в рамках муниципальной деятельности - специфической управленческой деятельности по решению вопросов местного значения или исполнения отдельных государственных полномочий. Это значит, что население само управляет собственными и иными, предусмотренными законодательством, делами. В пределах своих полномочий местное самоуправление есть деятельность самостоятельная.

Важнейшей чертой местного самоуправления в Российской Федерации является собственная ответственность муниципальных образований. Практическое значение категории «под свою ответственность» состоит в том, что государство в определенном смысле дистанцируется от последствий, являющихся результатом самостоятельных действий муниципальных образований. То есть бремя последствий за решения вопросов, принятых к собственному ведению, ложится в полной мере на местное самоуправление. Речь идет об ответственности лишь за тот круг вопросов, которые обязуют

ся решать сами местные органы. Вот почему многое зависит от четкости разделения государственных и местных функций, от того, насколько реален круг вопросов местного значения.

Органы и должностные лица местного самоуправления несут ответственность перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами по вопросам, отнесенным к их компетенции [16].

Характерная черта местного самоуправления - его двойственная природа. Анализ природы муниципальной власти показывает, что в ней одновременно сочетаются два начала общественное и государственное.

Муниципальная деятельность строится на сочетании местных и государственных интересов, взаимодействии органов местного самоуправления и государственной власти [17]. Самостоятельно решая вопросы местного значения, органы местного самоуправления действуют в русле единой государственной политики, могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями, обладают комплексом полномочий государственно-властного характера. Все это свидетельствует о том, что местное самоуправление в Российской Федерации одновременно содержит в себе элементы государственного и общественного институтов [18].

Исходя из изложенного, местное самоуправление можно определить как процесс управления, при котором местные жители непосредственно или через избранных ими представителей имеют право и широкие возможности самостоятельно решать собственные и другие, стоящие перед ними вопросы, с целью улучшения качества жизни населения соответствующей территории. Такое понимание местного самоуправления позволяет сделать следующие выводы.

1. Состояние саморегуляции не факт действительности, а скорее идеальная цель, к которой необходимо стремиться. Поэтому конституционная формула «местное самоуправление» должна толковаться не как констатация того, что есть, а как конституционно-правовая цель для всех, на кого распространяет свое действие Конституция Российской Федерации.

2. Местное самоуправление представляет собой управленческую деятельность, доказательства-

ми чего служит определение этого института как специфической части управленческого процесса, вида (формы) социального управления в обществе, наделенного некоторыми свойствами, присущими управлению.

3. Приведенное определение свидетельствует о единстве местного самоуправления и демократии. Их содержательное отличие сводится к тому, что самоуправление есть прежде всего свойство, качество населения (социальной общности), его способность управлять собственными делами, а демократия организационный механизм, обеспечивающий реализацию этого свойства. Ведь категория «демократия» раскрывает совокупность форм и способов участия граждан в управлении.

4. Сущность местного самоуправления подчеркивает его неразрывную связь с властным фактором. В понятии «местное самоуправление» объединяются публично-властные и общественные начала. Заложена в Конституции России вертикальная децентрализация государственной власти с выделением местного самоуправления в качестве негосударственного элемента публичной власти подразумевает разведение категорий «публичная власть» и «государственная власть», которые ранее традиционно отождествлялись. По смыслу Конституции, механизм публичной власти совмещает власть, осуществляемую органами местного самоуправления и непосредственно населением.

Для того, чтобы адекватно оценить роль местного управления в государственном механизме и проанализировать взаимоотношения отдельных институтов, функционирующих на местном уровне, целесообразно разобраться в соотношении определений «местное (муниципальное) управление» и «местное самоуправление».

Муниципальное управление – это деятельность выборных и других органов местного самоуправления по управлению муниципальной собственностью, объектами муниципального хозяйства, формированию и исполнению местного бюджета. А также иной их деятельностью в различных сферах местной жизни, направленной на обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образования, решения других вопросов местного значения, включая и вопросы организации своей работы, муниципальной службы [19].

Место и роль муниципального управления в местном самоуправлении определяется следующими характеристиками:

а) муниципальное управление - конкретный вид деятельности по осуществлению местного самоуправления, имеющий функциональную и компетенционную специфику;

б) муниципальное управление – это прерогатива только органов муниципального управления (местного самоуправления);

в) муниципальное управление - в основном исполнительная деятельность, осуществляемая в процессе повседневного непосредственного руководства экономической, социальной, политической и духовной сферами муниципального образования [20];

г) муниципальное управление - подзаконная деятельность, регламентируемая муниципальным правом.

В связи с тем, что муниципальное управление осуществляют только органы местного самоуправления, наделенные на это соответствующими полномочиями, следует, что понятие «муниципальное управление» не тождественно понятию «местное самоуправление». Понятие «местное самоуправление» гораздо шире, т.к. включает в себя все формы реализации местного самоуправления (непосредственной демократии, территориальное общественное самоуправление, органы местного самоуправления), а муниципальное управление является только его частью, которая реализуется органами местного самоуправления [21].

Для муниципального управления системное представление его компонентов, элементов и их взаимосвязей имеет принципиальное теоретическое и методологическое значение оттого, что понимается под системой муниципального управления, какие и в каком порядке включаются в нее управленческие проявления, как они соотносятся между собой и реально взаимодействуют, следует, что является муниципальным управлением [22].

Прежде всего, имеется в виду, взаимосвязь субъекта муниципального управления (органов местного самоуправления) с управляемой системой (муниципальным образованием). Однозначно можно сказать, что субъект муниципального образования не может существовать без соответствующих

управляемых объектов (просто теряется смысл их существования вообще) и только в совокупности они могут образовывать систему муниципального управления. Последняя, призвана, обязательно охватывать:

а) организацию и функционирование субъекта управления - органов местного самоуправления (управляющую подсистему);

б) структуру взаимосвязей управляющей системы с управляемым объектом - муниципальным образованием (управляемой подсистемой);

в) компоненты управляемой подсистемы и их отдельные элементы, которые создают во взаимосвязи структуру управляемой подсистемы и непосредственно воспринимают управленческие воздействия либо участвуют в их формировании [23].

В отличие от местного самоуправления, где местное население выступает и как субъект и как объект в одном лице, в муниципальном управлении субъектом являются органы местного самоуправления.

Субъект муниципального управления имеет сложную организационную структуру, представляет собой совокупность организационно-оформленных групп людей, соединенных соответствующими связями, управленческими отношениями [24].

Мальцев В.А. утверждают, что «Муниципальное управление есть деятельность органов местного самоуправления, направленная на удовлетворение общественных интересов, осуществляемая в определенных законом формах посредством муниципальной деятельности» [25].

По мнению Воронова М.М. в муниципальном управлении субъектом являются органы местного самоуправления, объектом - муниципальное образование, а главной целью - повышение уровня и качества жизни населения, в местном самоуправлении субъект и объект - население муниципального образования, цель - самостоятельное решение вопросов местного значения. Все это регулируется нормами муниципального права [26].

Теория муниципального управления выявляет объективные закономерности функционирования и развития системы муниципального управления, т.е. ее существенные, необходимые, устойчивые связи, обуславливающие характер, качество, результативность воздействия на развитие муниципального

образования. Это - закономерности, принципы и методы построения управленческих отношений, осуществления управленческой деятельности, пути реализации функций управления, кадрового и информационного обеспечения и др.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31. Ст.4398. <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Осавелюк А.М., Чепурнова Н.М., Хазов Е.Н. и др. Конституционное право России. Москва, 2020.
3. Маилян С.С., Зиборов О.В., Эриашвили Н.Д. и др. Правоведение. Москва, 2020. (4-е издание, переработанное и дополненное).
4. Горшенева И.А., Богданов А.В., Зинченко Е.Ю., Померлян А.Н., Санин В.Е., Уткин Н.И., Хазов Е.Н., Яткевич О.Г. Теоретические и правовые основы муниципального права в определениях и схемах. (особенная часть) / Новосибирск, 2019.
5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Деятельность органов публичной власти в рамках предстоящей конституционной реформы в современной России. Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 3. С. 38-42.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131 ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. №40. Ст.3822. <http://www.pravo.gov.ru>.
8. Хазов Е.Н., Егоров С.А., Ларина Л.А., Воробьев В.Ф., Зинченко Е.Ю., Уткин Н.И., Харламов С.О., Грачева М.А., Дурнев В.С., Михайлова Е.В., Саудаханов М.В. Муниципальное право России. Учебно-методическое пособие / Москва, 2017.
9. Харламов С.О., Егоров С.А., Ларина Л.А., Воробьев В.Ф., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н., Гарашко А.Ю., Дурнев В.С., Забавка В.И., Мохова Т.С. Конституционное право России. Москва, 2020.
10. Кожевников О.А., Ларичев А.А., Пешин Н.Л., Усманова Р.М., Хазов Е.Н., Чихладзе Л.Т., Чертков А.Н., Эриашвили Н.Д., Бабаева Ю.Г., Болдырев О.Ю., Басиев М.С., Ганина О.Ю., Дорохов Н.И., Забелина Е.П., Зинченко Е.Ю., Иванова К.А., Комлев Е.Ю., Осавелюк Е.А., Соколова А.И., Соколова О.В. и др. Местное самоуправление в единой системе публичной власти. Вектор и последствия конституционной реформы в Российской Федерации. Коллективная монография / Москва, 2020.
11. Харламов С.О., Егоров С.А., Ларина Л.А., Воробьев В.Ф., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н., Комахин Б.Н., Гарашко А.Ю., Дурнев В.С., Кикоть-Глуходедова Т.В., Забавка В.И. Конституционное право России (теоретические и правовые основы). Москва, 2019.
12. Хазов Е.Н., Зинченко Е.Ю., Воробьев В.Ф., Гарашко А.Ю., Дурнев В.С., Забавка В.И. Выборы в федеральные, региональные и местные органы публичной власти в Российской Федерации (единый день голосования). Учебное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы МВД России / Москва, 2020.
13. Забавка В.И., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Европейская хартия местного самоуправления и ее роль развитие местного самоуправления в современной России. Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 3. С. 51-57.
14. Хазов Е.Н., Зинченко Е.Ю., Померлян А.Н. и др. Внесение изменений в Конституцию Российской Федерации. (конституционные поправки-2020) / Новосибирск, 2020.
15. Гасанов К.К., Хазов Е.Н., Белоновский В.Н., Еремян В.В., Зиборов О.В. и др. Муниципальное право России. учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция / Москва, 2019. (9-е издание, переработанное и дополненное)
16. Лучин В.О., Эбзеев Б.С., Хазов Е.Н. и др. Конституционное право России. Москва, 2019. (10-е издание, переработанное и дополненное).

17. Исаков В.М., Уткин Н.И., Хазов Е.Н., Яткевич О.Г. Основные направления взаимодействия правоохранительных органов при подготовке и проведению единого дня голосования. Актуальные проблемы административного права и процесса. 2020. № 3. С. 38-43.

18. Хазов Е.Н., Зинченко Е.Ю., Саудаханов М.В., Мохова Т.С. Муниципальное право России в таблицах и схемах. Москва, 2017.

19. Воробьев В.Ф., Дурнев В.С., Евсеева И.Г., Забавка В.И., Зинченко Е.Ю., Исаков В.М., Хазов Е.Н. Глоссарий по учебной дисциплине "муниципальное право". Москва, 2020.

20. Хазов Е.Н., Хазова В.Е., Шакун Н.В., Померлян А.Н., Санин В.Е. Конституционно-правовое обеспечение социальных прав и свобод человека и гражданина в России. Новосибирск, 2020.

21. Булатов, Р.Б., Боер В.М., Хазов Е.Н., Андрейцо С.Ю. Муниципальная власть и муниципальный строй. Под редакцией Р.Б. Булатова. Москва, 2021.

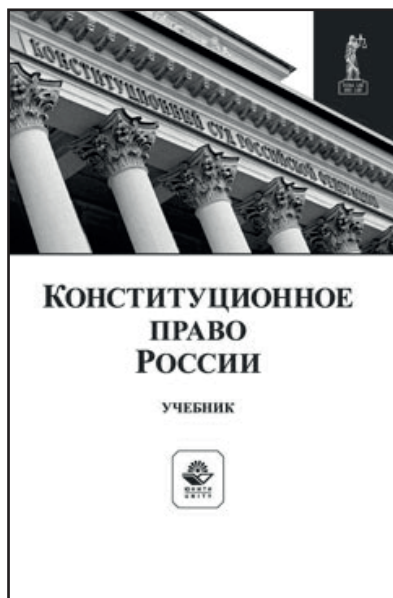
22. Воробьев В.Ф., Забавка В.И., Дурнев В.С., Евсеева И.Г., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Глоссарий по учебной дисциплине "Конституционное право". Москва, 2020.

23. Комахин Б.Н., Исаков В.М., Никоноров Е.А., Богданов А.В., Горшенева И.А., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н., Миронов А.Л., Саудаханов М.В., Маркина Э.В. Теоретические основы административного права: определения, таблицы и схемы. учебное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы МВД, обучающихся по направлению юриспруденция, правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности / Москва, 2020.

24. Актуальные проблемы муниципального права. Эбзеев Б.С., Федоров В.В., Хазов Е.Н. и др., Москва, 2018.

25. Теория компетенции. Учебное пособие. Тихомиров Ю.А., Москва, 2001.

26. Воронов М.М. Муниципальное управление. М.: Издательство «НЕВА», 2004.

Конституционное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина; под общ. ред. К.К. Гасанова, Л.Т. Чихладзе. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. — 471 с. — (Серия «Dura lex, sed lex»).

ISBN 978-5-238-03476-8

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS AND THEIR FEATURES IN THE RUSSIAN FEDERATION

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА И ИХ ОСОБЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Sergey Olegovich Kharlamov,

Head of the Department of Constitutional and Municipal Law Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Irina Leonidovna Makarenko,

Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law
candidate of Legal Sciences Moscow State University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Сергей Олегович Харламов,

начальник кафедры конституционного и муниципального права
кандидат юридических наук, доцент Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: xaradd66@mail.ru

Ирина Леонидовна Макаренко,

старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права
кандидат юридических наук Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: macarenko@yandex.ru

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Для цитирования: С.О. Харламов, И.Л. Макаренко. Конституционные права и свободы иностранных граждан и лиц без гражданства и их особенности в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.126-130.

Abstract. The globalization processes of the modern world are becoming conditions for the universal use of various countries. In this context, for each state, an important role is played by ensuring the rights of foreign citizens and stateless persons. The Russian Federation, as a subject of international law, moving in the wake of international norms, regulates the provision of human rights and freedoms, uses a set of "restrictive" instruments of national legislation, provisions for regulating the rights of foreign citizens and stateless persons.

Keywords: constitutional law, international law, foreign citizens, stateless persons, political rights, guarantees of citizens' rights

Аннотация. Глобализационные процессы современного мира становятся условиями универсализации национального законодательства различных стран в международном правовом поле. В рассматриваемом контексте для каждого государства немаловажную роль играет обеспечение реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе политического спектра. Российская Федерация, как субъект международного права, двигаясь в фарватере международных норм, регулирующих обеспечение прав и свобод человека, располагает комплексом «ограничительных» правовых инструментов национального законодательства, направленных на регулирование политических прав иностранных граждан и лиц без гражданства.

Ключевые слова: конституционное право, международное право, иностранные граждане, лица без гражданства, политические права, гарантии прав граждан

В настоящее время существует очевидная взаимосвязь между проблемой иностранцев и вопросом о защите прав человека. Положение иностранцев является классическим примером и взаимозависимости международного сообщества, и взаимозависимости различных вопросов. В данном случае отчетливо видно, как проблемы одного государства связаны, а порой и обуславливают проблемы в другом государстве [1].

Отсюда необходимость исследования статуса иностранцев, связанных с защитой прав человека, включая статус беженцев, перемещенных лиц, репа-

риантов, вынужденных в результате войн покинуть места своего проживания и нуждающихся в помощи [2].

Основным донором миграции в Российской Федерации являются государства СНГ, поток мигрантов из которых составил в 2015 г. 72,7%, а в 2019 г. 63,2% от общего числа официально пересекших границу Российской Федерации. Таким образом, основной тенденцией последних пяти лет стало существенное сокращение миграции с территории Содружества, составившее 3 млн. человек (23,7%). Наибольшая доля (58,3%) в числе прибывших ми-

грантов принадлежит гражданам Украины, Узбекистана, Казахстана и Таджикистана[3].

Конституция Российской Федерации устанавливает, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности, наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ч. 3 ст. 62)[4].

В соответствии с Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранные граждане могут въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации при наличии визы по действительным документам, удостоверяющим их личность и признаваемым Российской Федерацией в этом качестве. Лица без гражданства могут въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации при наличии визы по действительным документам, выданным соответствующими органами государства их проживания, удостоверяющим их личность и признаваемым Российской Федерацией в этом качестве. Правовой статус иностранного гражданина и лица без гражданства приобретает в результате прибытия на территорию Российской Федерации[5].

Иностранные граждане и лица без гражданства, получившие разрешение на временное проживание в Российской Федерации, осуществляют въезд в Российскую Федерацию и выезд из Российской Федерации на основании действительных документов, удостоверяющих их личность и признаваемых Российской Федерацией в этом качестве. Для иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших вид на жительство при въезде на территорию необходимым документом является вид на жительство. Иностранные граждане и лица без гражданства, признанные в порядке, установленном федеральным законом, на территории Российской Федерации беженцами, могут выезжать из Российской Федерации и въезжать в Российскую Федерацию на основании проездного документа беженца.

Иностранный гражданин или лицо без гражданства при въезде в Российскую Федерацию в обязаны получить и заполнить миграционную карту[6]. Миграционная карта является документом, который содержит сведения об иностранном гражданине,

въезжающем в Российскую Федерацию, а также служит для контроля за его временным пребыванием в Российской Федерации. Миграционная карта подлежит сдаче (возврату) в пункте пропуска через Государственную границу Российской Федерации при выезде иностранного гражданина или лица без гражданства из Российской Федерации. Форма миграционной карты, порядок ее использования и порядок финансирования мероприятий по обеспечению миграционными картами устанавливаются постановлением Правительства Российской Федерации от 16.08.2004 № 413 «О миграционной карте»[7].

Срок временного пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации определяется сроком действия выданной ему визы. В тоже время срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто семьдесят суток[8]. Это общее правило корректируется законодателем в зависимости от ситуации. Так, в целях обеспечения национальной безопасности, поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов и содействия в приоритетном порядке трудоустройству граждан Российской Федерации государство вправе увеличить до 180 суток срок временного пребывания иностранного гражданина на территории конкретных субъектов.

Таким образом, законодатель устанавливает ограничение временного пребывания иностранных граждан на территории России, что не противоречит международно-правовым стандартам. Обратим внимание, что в отношении высококвалифицированных специалистов, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, действует другое правило. В соответствии с Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», срок временного пребывания такого лица, а также членов его семьи, определяются сроком действия разрешения на работу, выданного ему[9].

Закрепление в российском законодательстве принципа, согласно которому иностранные граждане и лица без гражданства наделены всеми правами и свободами наравне с гражданами Российской Фе-

дерации означает, что за иностранцами признается широкий объем прав, свобод и обязанностей. Эти права и свободы иностранных граждан, исходя из их гарантированности Конституцией Российской Федерации, следует характеризовать как конституционные [10].

Очевидно, что государство не может наделять иностранцев, находящихся на территории России большим объемом прав и свобод по сравнению с правами, закрепленными в главе 2 Основного закона, несмотря на их особый статус. В тоже время с учетом тенденции универсализации прав и свобод в глобализирующемся современном мире следует признать, что многие права, закрепленные в тексте главы второй Конституции Российской Федерации, по своей природе и значению идентичны понятию «основные (фундаментальные) права», и, соответственно, они признаются большинством государств. Так, «признание достоинства, свободы и ответственности в качестве традиционных ценностей всего человечества с неизбежностью придает им универсальный характер и способствует универсализации прав человека» [11].

Обеспечение политических прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в большинстве современных государств, предусматривает определенные ограничения [12]. Традиция сдерживания иностранцев в политической жизни, чаще всего предусматривающая возможность участвовать в управлении государством, имеет глубокие корни. Например, в древнегреческих государствах в эпоху расцвета демократии политическими правами обладали исключительно граждане. Эта же тенденция имела места в государствах мира и в последующие эпохи. Вместе с этим, на современном этапе развития международного права предоставление иммигрантам политических прав, в том числе электоральных, рассматриваются, как показатель не только степени интегрированности иммигрантов в принимающее общество, но и степени готовности этого общества их принять [13].

В современном конституционном праве сложился подход, согласно которому «политические права, как правило, права только граждан данного государства. Они связаны с участием в политической жизни государства, в управлении государственными делами и, следовательно, на обладание

ими не могут претендовать все лица, проживающие или находящиеся в пределах страны» [14].

Согласно Конституции Российской Федерации к политическим правам и свободам относятся: свобода слова (ст. 29); право на доступ к информации (ст. 29); право на объединение в общественные организации (ст. 30); свобода собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования (ст. 31); право участвовать в управлении делами государства непосредственно или через представителей (ч. 1 ст. 32); право избирать и быть избранным (ч. 2 ст. 32); право на равный доступ к государственной службе (ч. 4 ст. 32); право на участие в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32); право на индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 33) [15].

Отечественный законодатель определил свое отношение к наделению иностранцев политическими правами в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ». Российское государство в целом не наделяет иностранных граждан активным и пассивным избирательным правом, а также правом участия в референдуме, что соответствует нормам международного права. В частности, иностранные граждане в России не имеют права избирать и быть избранными в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также участвовать в референдуме Российской Федерации и референдумах её субъектов (ст. 12) [16].

При этом закон допускает исключения для иностранцев постоянно проживающих на территории России иметь право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме в порядке, предусмотренном федеральном законе и соответствующем международном договоре [17].

Иностранцы также не могут замещать должности государственной и муниципальной службы. Федеральный закон содержит несколько запретов в этой сфере: находиться на муниципальной службе; замещать должности в составе экипажа судна, плавающего под Государственным флагом Российской Федерации; быть членом экипажа военного корабля России или другого эксплуатируемого в некоммерческих целях судна, а также лета-

тельного аппарата государственной авиации; быть командиром экспериментального воздушного судна или, если иное не установлено федеральным законом, другим членом экипажа экспериментального воздушного судна; быть командиром гражданского воздушного судна, если иное не установлено федеральным законом; быть принятым на работу на объекты и в организации, деятельность которых связана с обеспечением безопасности Российской Федерации; заниматься иной деятельностью и замещать иные должности, допуск иностранных граждан к которым ограничен федеральным законом.

Несмотря на положение федерального законодательства, к настоящему моменту ряд исследователей полагает, что в Российской Федерации наметилась обоснованная российским и международным правовым полем тенденция обеспечения права иностранных граждан на осуществление местного самоуправления [18].

Среди запретов, относящихся к политическим правам, является невозможность прохождения военной службы по призыву и альтернативной гражданской службы. Но при этом допускается возможность несения иностранцами военной службы по контракту.

Правовые нормы, закрепляющие права и свободы иностранных граждан и лиц без гражданства не консолидированы в российском законодательстве. В большей мере они содержатся в Федеральном законе № 115-ФЗ, а также подзаконных актах. Консолидация этих норм должна стать перспективным направлением развития так называемого «миграционного законодательства». Это обеспечит более точное и эффективное правоприменение и регулирование прав и свобод иностранцев в современной России.

В целом иностранные граждане наделены российским законодателем большинством правам и свобод в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Из обязанностей, которые Федеральный закон № 115-ФЗ возлагает на иностранцев, отметим необходимость подтверждения владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации [19]. Данная норма дополнила действующий закон в 2014 г. [20].

Система прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства, закрепленная в российском конституционном законодательстве и развивающаяся в нормах иных отраслей права, соответствует в целом международно-правовым обязательствам России и позволяет обеспечивать достойный уровень жизни и защиту иностранцев на территории Российской Федерации [21]. Обеспечение политических прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства связано в Российской Федерации, как и в большинстве современных государств предусматривает определенные ограничения. Несмотря на особенности национального законодательства в данном вопросе, к настоящему моменту имеются предпосылки к расширению политических прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства, что продиктовано тенденциями интеграции и универсализации прав и свобод в современном глобализирующемся мире.

Литература:

1. Новичкова И.А. Обеспечение конституционно-правового статуса иностранных граждан в деятельности органов внутренних дел России: дисс. канд. юрид. наук. М. 2005. С. 17.
2. Информационно-справочные материалы о миграционной ситуации в Российской Федерации и реализации органами внутренних дел Российской Федерации полномочий в сфере миграции за 2019 год // СЭД МВД №20/5167 от 17.02.2020.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Жеребцов А. Н., Малышев Е. А. Миграционное право России: учебник для вузов/ под общей редакцией А. Н. Жеребцова. Москва: Издательство Юрайт, 2020. С. 205.
5. Прудников, А.С., Нурадинов Ш.М., Прудникова Т.А., Эриашвили Н.Д., Харламов С.О., Акимова С.А., Дутов П.О. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов. Учебное пособие для студентов высших учебных

заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Москва, 2020.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.08.2004 № 413 (ред. от 07.12.2020) «О миграционной карте» // СПС «Консультант плюс».

7. Калинина С.В. О некоторых проблемных вопросах оформления и выдачи иностранным гражданам документов для проживания и временного пребывания в Российской Федерации // Миграционное право. 2019. № 2. С. 24 - 26.

8. Зыкова Н. Договор с иностранным топ-менеджером: особенности и споры // Трудовое право. 2015. № 7. С. 15 - 24.

9. Карташкин В.А. Универсализация прав человека и традиционные ценности человечества // Современное право. 2012. № 8. С. 9.

10. Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России. Теоретические основы и проблемы реализации / Москва, 2013.

11. Старовойтова Е.И., Хвалев С.А. Предоставление избирательного права иностранным гражданам в зарубежных странах // Вопросы международного права и сравнительного правоведения. 2016. №3(74). С. 158.

12. Егоров С.А., Хазова В.Е., Хазов Е.Н. Основные направления конституционно-правового обеспечения политических прав и свобод граждан федеральными органами государственной власти в России. В сборнике: Актуальные проблемы развития конституционализма. Материалы научно-методического семинара. 2018. С. 36-43.

13. Сравнительное конституционное право / Абросимова Е.Б., Васильева Т.А., Владимирова Л.Д., Крылова Н.С., и др.; Редкол.: Ковлер А.И., Чиркин В.Е. (Отв. ред.), Юдин Ю.А. М.: Манускрипт, 1996. С. 291.

14. Эбзеев Б.С., Лучин В.О., Белоновский В.Н., Хазов Е.Н., Зиборов О.В., Осавелюк А.М., Эриашвили Н.Д., Чихладзе Л.Т., Пряхина Т.М., Василевич Г.А., Миронов А.Л., Кальгина А.А., Харламов С.О., Егоров С.А., Саудаханов М.В. Актуальные пробле-

мы конституционного права России. Москва, 2019. (2-е издание, переработанное и дополненное)

15. Лучин В.О., Эбзеев Б.С., Хазов Е.Н., Прудников А.С., Чихладзе Л.Т., Белоновский В.Н., Эриашвили Н.Д., Зинченко Е.Ю., Осавелюк А.М., Чепурнова Н.М., Харламов С.О., Егоров С.А., Кикоть-Глухоедова Т.В. и др. Конституционное право России. под научной редакцией В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева; под общей редакцией Е.Н. Хазова, Н.П. Чепурновой, А.С. Прудникова. Москва, 2020.

16. Эбзеев Б.С., Беленовский В.Н., Эриашвили Н.Д., Кальгина А.А., Шуленин В.В., Хазов Е.Н., Миронов А.Л., Кирсанов А.Ю., Саудаханов М.В., Егоров С.А. и др. Актуальные проблемы избирательного права. Учебник для магистров, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Москва, 2017.

17. Кожевников О.А., Ларичев А.А., Пешин Н.Л., Усманова Р.М., Хазов Е.Н., Чихладзе Л.Т., Чертков А.Н., Эриашвили Н.Д., Бабаева Ю.Г., Болдырев О.Ю., Басиев М.С., Ганина О.Ю., Дорохов Н.И., Забелина Е.П., Зинченко Е.Ю., Иванова К.А., Комлев Е.Ю., Осавелюк Е.А., Соколова А.И., Соколова О.В. и др. Местное самоуправление в единой системе публичной власти. Вектор и последствия конституционной реформы в Российской Федерации. Коллективная монография / Москва, 2020.

18. Чихладзе Л.Т. Права иностранных граждан на осуществление местного самоуправления в Российской Федерации. // Вестник экономической безопасности. 2018. №1. С. 198-202.

19. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Правовой статус иностранных граждан, признанных носителями русского языка. Москва, 2019.

20. Федеральный закон от 20.04.2014 № 74-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

21. Хазов Е.Н., Хазова В.Е., Шакун Н.В., Померлян А.Н., Санин В.Е. Конституционно-правовое обеспечение социальных прав и свобод человека и гражданина в России. Новосибирск, 2020.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF JUDGES
IN THE RUSSIAN FEDERATION

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА СУДЕЙ В РФ

Movsar Abdusalamovich Zangiyev,

3rd year student of the Faculty of Law, Ingush State University of the Russian Federation, Magas.

Мовсар Абдул-Саламович Зангиев,

Студент 3-го курса юридического факультета Ингушский государственный университет РФ г. Магас.

e-mail: z4ng1ew@gmail.com

Научный руководитель: Гулиева Малика Магомедовна, к. п. н.

Рецензент: Дзагиев Мовлат-Гирей Османович, к.ю.н., профессор

Научная специальность 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности

Для цитирования: М.А.-С. Зангиев. Конституционно-правовое регулирование статуса судей в РФ // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С.

Annotation. It is quite obvious that the organization of justice in Russia is far from perfect, there is constant work to improve the legislation and the organization of law enforcement activities, in particular the judiciary, as the court is the highest body of justice. Issues such as the legality, impartiality, fairness and validity of the sentence are important and concern everyone. This article examines the differences in the legal status of judges of the Constitutional Court and military courts. And the answer is given to the controversial question in the legal literature about the content of the status of a judge.

Keywords: court, Constitution, constitutional status, military courts, legal, qualification board

Аннотация. Совершенно очевидно, что организация правосудия в России далека от совершенства, идёт постоянная работа по совершенствованию законодательства и организации правоохранительной деятельности, в частности судебных органов так, как суд – это высший орган правосудия. Такие вопросы, как законность, беспристрастность, справедливость обоснованность приговора являются важными и касаются всех. В данной статье рассматриваются различия правового положения судей Конституционного Суда, военных судов. И даётся ответ на спорный в юридической литературе вопрос о содержании статуса судьи.

Ключевые слова: суд, Конституция, конституционный статус, военные суды, правовой, квалификационная коллегия

Судьи независимы и подчиняются лишь Конституции РФ и закону. Служители Фемиды не должны делать комментарии по сути дела рассмотренных или находящихся на рассмотрении дел, а также показывать их кому-нибудь для изучения. Невыполнение требований и указаний судей влечет уголовную и административную ответственность. Статус всех судей в России в принципе одинаков, но существуют некоторые различия правового положения судей Конституционного Суда, военных судов.

«Конституционно-правовой статус судей – правовое положение судей как носителей судебной власти в соответствии с федеральным законом, включающее порядок наделения полномочиями, основания приостановления и прекращения полномочий, принципы деятельности, материальное обеспечение и меры социальной защиты» [1, с. 446]. Основы положения судей представлены в Конституции РФ, в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», а также подробно раскрыты в

Законе РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации».

Среди требований, предъявляемых к судьям, можно выделить такие, как — конкретный возраст, состояние здоровья, юридическое образование, определенный трудовой стаж работы по юридической профессии. При исполнении своих полномочий, и во внеслужебных отношениях судья обязан избегать того, что может принизить авторитет судебной власти, достоинство и компетентность судьи или вызвать сомнение в его объективности, честности и беспристрастности. Поэтому он не может быть депутатом, третейским судьей, арбитром, участником политических партий, осуществлять коммерческую деятельность, совмещать работу судьи с другой оплачиваемой работой, кроме научной, педагогической, литературной и иной творческой деятельности [2]. Также в законе определено особое требование к кандидату в судьи: сдачу им квалификационного экзамена и получение рекомендаций от квалификационной коллегии судей [3]. Если судья

нарушил одно из перечисленных требований квалификационная комиссия вправе приостановить или прекратить его полномочия.

Полномочия судьи кончаются: в последний день месяца, в котором истекает срок его полномочий или достигает предельного возраста; на следующий день после вступления в силу решения квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий судьи. Судья может продолжить осуществлять свои полномочия до вступления в должность нового судьи или до окончания рассмотрения начатого дела. Полномочия судьи не ограничены определённым сроком, кроме случаев, указанных в законе. Максимальный возраст пребывания в должности судьи — 70 лет.

Полномочия судьи Конституционного Суда РФ прекращаются вследствие: нарушения порядка назначения на должность; продолжения работы или совершения действий, несовместимых с его должностью; отсутствия на заседаниях или уклонения от голосования свыше 2-х раз подряд без уважительных причин; неспособность по состоянию здоровья или иным уважительным причинам (на протяжении 10 месяцев) выполнять свои обязанности. Полномочия судьи Конституционного Суда РФ могут быть приостановлены, если: дано разрешение самого Конституционного Суда на привлечение его к уголовной ответственности; состояние здоровья не позволяет ему исполнять свои обязанности. Конституционный Суд восстанавливает полномочия судьи если основания, послужившие к их приостановлению, отсутствуют.

Принцип несменяемости судей — это важным элементом в системе правовых гарантий независимости судей. Судья не может быть переведён на другую должность или в другой суд без его согласия. Его полномочия прекращаются или приостанавливаются в соответствии с порядком, определённым в законе.

Полномочия судьи приостанавливаются квалификационной коллегией судей если: судью признали безвестно пропавшим, вступившим в законную силу судебным решением; возбуждено уголовное дело в отношении судьи; судья участвует в избирательной кампании в качестве кандидата или уже избран в состав парламента РФ или парламента субъекта. Постановление о возобновлении полномочий судьи принимает квалификационная коллегия судей, приостановившая их.

В Конституции РФ утверждается, что судьи неприкосновенны (ст. 122). До и после прекращения своих полномочий судья, не может быть привлечен к той или иной ответственности за высказанное им при осуществлении правосудия мнение и принятое

судом решение, если только не будет установлено судья злоупотреблял своим положением или умышленно выносил несправедливые и необъективные судебные решения. Главное предназначение принципа неприкосновенности судей — это «предупреждение возможного воздействия на судью, ограждение его от влияния извне, недопущение ущемления его прав при осуществлении судебной власти. Вот почему судья вообще не может быть привлечен к дисциплинарной и административной ответственности. Но он может быть привлечен к уголовной ответственности с соблюдением специального порядка, обусловленного положением судьи, как носителя одной из ветвей государственной власти» [4, с. 591].

Генеральный прокурор с согласия квалификационной коллегии судей может принять решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по другому уголовному делу. Уголовное дело в отношении судей разбирается лишь в Верховном Суде РФ. Оперативно розыскные мероприятия и следственные действия в отношении судьи (кроме заключения его под стражу) проводятся в рамках, определённых в УПК и ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5].

Судья Конституционного Суда РФ ограничен большим количеством правовых запретов. Кроме уже вышеперечисленных общих запретов, можно выделить такие, как: осуществление защиты или представительства в арбитражном суде или иных органах, оказывать покровительство в получении прав и освобождении от обязанностей; публично высказывать свое мнение о вопросе, который может быть рассмотрен в Конституционном Суде, до принятия решения по этому вопросу.

Можно сделать вывод, о том, что правовой статус всех судей судебной системы России не совсем совпадает, потому что особенности правового положения отдельных категорий судей определяется федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Литература

1. Умнова. И. А. Конституционное право Российской Федерации: 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2015.
2. Закон РФ "О статусе судей в Российской Федерации" от 26.06.1992 № 3132-1.
3. Федеральный закон "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" от 14.03.2002 N 30-ФЗ.
4. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации. С. 591.
5. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 N 144-ФЗ (последняя редакция).